

Б-22626

К. И. ПЕТРОВ

ЧЕРК ПРОИСХОЖДЕНИЯ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
КИРГИЗСКОЙ ССР

1963

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

Б-22626

К. И. ПЕТРОВ

ОЧЕРК ПРОИСХОЖДЕНИЯ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

К

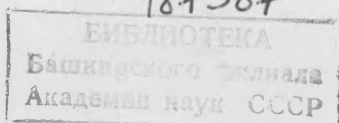
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

Фрунзе 1963

39(=943.41)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Киргизской ССР*

В книге исследуется происхождение основного состава племен, определивших этнический облик киргизов как народности, а также участие в этногенезе киргизов тюрко-монгольских племен Центральной Азии и Южной Сибири. Работа написана на основе письменных восточных источников с привлечением историко-этнографических материалов.

Б - 22 626

Ответственный редактор — Г. Ф. Дебеч

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий очерк посвящен выяснению происхождения основного состава племен складывавшейся в XIII—XV вв. на Тянь-Шане киргизской народности, которые определили ее этнический облик¹.

До последнего времени в вопросах этногенеза киргизского народа многое оставалось неясным. Мнения ученых даже по основным проблемам были противоречивы. Они нашли отражение на специальной сессии по этногенезу киргизского народа в 1956 г. в г. Фрунзе. (Материалы опубликованы в «Трудах киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе 1959).

Одни высказывали предположения о переселении предков киргизов на Тянь-Шань на рубеже нашей эры, другие — в I тысячелетии нашей эры, третьи — в первой половине II тысячелетия. Большие расхождения имелись также в определении первоначальной территории и состава основного массива племен, явившихся предками тянь-шаньских киргизов. По мнению одних, они пришли с Алтая, других, — с Енисея, третьих, — из Северо-Западной Монголии и т. д.

Большинство участников сессии в ходе состоявшейся дискуссии в общем склонилось к мнению о том, что киргизский народ и его культура сложились в результате взаимодействия местных племен с центральноазиатскими, которые пришли на Тянь-Шань в первой половине второго тысячелетия н. э. и представляли основное ядро современных киргизов. (Итоги и рекомендации научной сессии, посвященной проблемам происхождения киргизского народа, опубликованы в «Трудах

¹ Исторические условия самого процесса сложения и формирования частично освещаются в наших работах «К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.», Фрунзе, 1961; «Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв.», Фрунзе, 1961; «Кыпчакско-киргизские отношения. (К вопросу об этногенезе и переселении киргизов)». «Изв. АН Киргиз. ССР», т. III, вып. 2, Фрунзе, 1961 и др.

киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, стр. 231—235).

Вопрос о переселении на Тянь-Шань в I тысячелетии отдельных групп племен енисейских киргизов остался дискуссионным.

Итоги сессии, несмотря на их общий, неконкретный характер, имеют большое значение, поскольку ставят под сомнение распространенные гипотезы о переселении киргизов на Тянь-Шань в I тысячелетии как уже сложившейся народности и открывают перспективы изысканий в иных направлениях.

Круг вопросов, связанных с исследованием происхождения того или иного народа, довольно велик. Они включают историю сложения физического типа (внешнего облика) народа, его языка, культуры, развитие национального самосознания и другие проявления общественно-исторической жизни. Все это должно рассматриваться во взаимосвязи. Недопустима переоценка значения отдельных признаков, по которым прослеживается процесс формирования, устанавливаются отличия данного народа от других и принадлежность к нему отдельных групп населения.

Язык представляет собою, несомненно, один из важнейших показателей этнической принадлежности, хотя известны случаи, когда значительные массы населения меняли свой язык, сохраняя непрерывность исторического развития, что обуславливалось в каждом конкретном случае особыми историческими обстоятельствами.

Язык киргизской народности, сложившейся на Тянь-Шане в XIII—XV вв., не принадлежит ни к той группе тюркских языков, на которых говорило население Тянь-Шаня в домонгольское время (до XIII в.), ни к той группе, к которой относился язык енисейских кыргызов¹. Его нельзя рассматривать ни как результат развития какого-либо одного из языков указанных групп, ни как результат их скрещивания. Киргизский язык принадлежит к третьей классификационной группе, представленной рядом близко-родственных древних и современных языков, носители которых, исключая киргизов, никогда не жили на Тянь-Шане.

Особенности культуры также имеют важное значение. Но было бы опять-таки ошибочным ограничиваться изучением только истории культуры народа, пытаясь выяснить его

¹ Употребление нами здесь и далее терминов кыргызы и киргизы имеют в виду: первый — конгломерат древнетюркских племен на Енисее I тысячелетия н. э., второй — народность киргизов на Тянь-Шане, сложившуюся в XIII—XV вв.

происхождение. Затруднения начинаются с определения границы самой общности культуры. Народ не перестает быть единым, если даже отдельные группы ведут разное хозяйство, обитают в жилищах разного типа и формы, носят разную одежду и пр. Культура как продукт общественного развития народов подвержена непрерывным изменениям. Хотя отсутствие непрерывной преемственности культуры разных периодов у населения определенной территории не может быть основанием для отрицания преемственности его исторического развития, тем не менее резкие изменения, сдвиги в культуре на определенной территории в короткие промежутки времени — если исключаются социальные или иные потрясения, — как правило, связаны с изменениями этнического состава. На территории Тянь-Шаня после непрерывной преемственности культуры примерно с VI по XII вв. имели место два заметных сдвига: один — в период вселения монголов на рубеже XII—XIII вв.; другой — в середине XV в. — в период вытеснения с Тянь-Шаня полуотюреченных монголов кыпчакско-кыргызскими племенами, который совпадал с завершением процесса сложения киргизской народности.

Бряд ли кто может отрицать наличие особенностей физического типа (внешнего облика) у каждого народа. Одного взгляда на внешность человека иногда бывает достаточно, чтобы определить его принадлежность к определенному народу. Однако данные антропологии тоже далеко не всегда имеют решающее значение. Различия физического типа отдельных людей и групп одного и того же народа могут быть весьма велики. Иногда они могут быть гораздо большими, чем различия физического типа у разных народов. В корне неправильно поэтому отождествлять формирование физического типа с формированием народности. Физический тип народа — не причина, а следствие его общественной истории. Он лишь отражает ее в той или иной мере. Физический тип народа изменяется в общем гораздо медленнее, чем язык или культура. Люди каменного века Европы по физическому типу не отличались от современных европейцев, в Китае — от современных китайцев и т. д. Гораздо труднее проследить преемственность языка и культуры народов, разделенных столь значительными промежутками времени.

Тем показательнее в связи с этим для изучения истории формирования киргизского народа тот факт, что на территории современной Киргизии физический тип народа резко изменился всего несколько веков назад.

Изменение физического типа на той или иной территории всегда является следствием исторических событий. В одних

случаях на физическом типе людей отражаются изменения условий их существования. В других — изменение физического типа является следствием переселения на эту территорию представителей какого-то иного народа. Причины переселения не связаны с физическим типом. Но если антропологические данные свидетельствуют о переселении, то перед историками встает задача выяснить обстоятельства, которые привели к переселению.

Ясно, однако, что антропология, как, впрочем, лингвистика и этнография, дают нам лишь первоначальные и притом общие указания на историю народа. Задача выяснения тех условий, которые привели к сложению народности, целиком лежит на исторической науке. Их освещение и является потому основным содержанием нашей книги.

Автор выражает благодарность Ю. А. Зуеву, С. А. Кляшторному, Е. И. Кычанову, В. А. Ромодину, В. П. Юдину, сделавшим ценные замечания при чтении рукописи очерка, а также Г. Ф. Дебецу, предоставившему в распоряжение автора некоторые из своих неопубликованных материалов и внесшему важные коррективы при редактировании книги.

ГЛАВА I

ОБЩИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

§ 1. Свидетельство антропологии

Положение того или иного народа в антропологической классификации, или, как говорят, его расовая принадлежность, определяется общностью наследственных признаков строения тела. Хотя люди той или иной расы могут сильно различаться между собою, эти различия по сравнению с расовыми особенностями гораздо менее значительны.

В качестве отличительных расовых признаков служат цвет кожи и волос, форма волос и головы, развитие волосяного покрова на лице и теле, строение лица и его отдельных частей (носа, губ, глазных век и др.).

Сложение человеческих рас произошло в очень древние времена. Представители трех основных человеческих рас известны еще с древнекаменного века. Ими являются европеоидная, негроидная и монголоидная.

Для представителей европеоидной расы характерны светлая кожа, волнистые волосы, сильный волосяной покров на теле, слабое выступание скул, узкий нос, тонкие губы. К ней относятся европейцы и похожие на них народы.

Название негроидной расе дано по цвету кожи (от латинского слова «нигер» — черный). Ее представителям свойственны темная кожа, курчавые волосы, средний волосяной покров на теле, умеренное выступание скул, широкий нос, толстые губы. К ней относятся народы Экваториальной Африки и похожие на них народы Австралии. Раса именуется в таком расширенном понимании негро-австралоидной, или экваториальной.

У представителей монголоидной расы, к которой относятся киргизы, желтоватая кожа, прямые жесткие волосы, слабый волосяной покров на теле, сильно выступающие скулы и слабо выступающий нос, умеренно толстые губы, а также особая складка верхнего века (эпикантус). Эта раса раньше именовалась желтой, затем ее стали называть монголоидной. Во избежание недоразумений необходимо помнить, что второе

название чисто условное и вовсе не означает, что ее представители принадлежат к монголам. Раса, как указано, сложилась много тысячелетий тому назад, а монголы как народ появились всего несколько столетий. В ее состав входят народы Сибири, Монголии, Китая, большая часть населения Индокитай и Индонезии.

Перечисленные расы нерезко разграничены друг от друга. Все они принадлежат к одному биологическому виду (*homo sapiens*), поэтому смешение между представителями разных рас широко распространено. Теперь оно усиливается и, вероятно, придет время, когда расовые различия вообще перестанут существовать. Но и в древности постоянно происходило смешение рас. Значительная часть Северной Африки, почти вся Индия представляют собою зону древнего смешения европеоидной и экваториальной рас. В Индонезии давно происходило смешение экваториальной расы с монголоидной, в Северной и Средней Азии — монголоидной и европеоидной. В эту зону входит и Киргизия.

Монголоидная раса подразделяется на несколько рас второго порядка, или подрас. В частности, в Азии выделяют монголоидов северных и южных. У северных размеры лица больше, а высота мозговой коробки меньше, чем у южных. Северные монголоиды, в свою очередь, подразделяются на сибирскую, или байкальскую, и центральноазиатскую подрасы.

Сибирскую подрасу представляют эвены, эвенки и другие народы Восточной Сибири. Некоторые монголоидные признаки (плоское лицо, складка верхнего века, слабый рост бороды и др.) выражены у них наиболее резко, но волосы сравнительно мягкие, кожа почти белая. У представителей центральноазиатской подрасы кожа желтее, волосы более жесткие, но другие монголоидные признаки выражены менее отчетливо. Её представляют монголы, буряты, тувинцы и якуты, предки которых в прошлом были близкородственны предкам киргизов.

Есть еще одна монголоидная раса второго порядка, или подраса, которая образовалась в результате смешения древнего европеоидного населения Западной Сибири с пришлыми монголоидами. Ее называют смешанной южносибирской. Доля пришлых из Центральной Азии монголоидных племен была больше, поэтому признаки монголоидной расы преобладают, хотя смешанное происхождение проявляется во всех отношениях, кроме ширины лица, которая не меньше, чем у представителей центральноазиатской подрасы.

К южносибирской монголоидной расе относятся прежде всего казахи. Ее черты проявляются у хакасов, южных алтай-

цев, а также у родственных им киргизов, предки которых переселились из Иртышско-Енисейского междуречья¹.

Поскольку народы, относимые к южносибирской расе, говорят на тюркском языке, то ее именовали также тюркской или туранской. В последнее время это название в научной литературе не употребляется, потому что многие другие народы, например узбеки и туркмены, тоже говорят на тюркском языке, но по физическому типу относятся к европеоидной расе. Впрочем и само название южносибирская раса тоже довольно условно.

То обстоятельство, что южносибирская раса, к которой принадлежат киргизы, сложилась в сравнительно недавнее время — не ранее середины I тысячелетия н. э., представляет большую важность для изучения происхождения киргизского народа.

У киргизов преобладают прямые и жесткие волосы, рост бороды у мужчин в общем скорее слабый, кожа смуглая, лицо уплощенное, нос не очень сильно выступает. Во внутреннем углу глаза, особенно у детей и подростков, заметна складка кожи, которая носит название монгольской складки, или эпикантуса. По этим признакам киргизы сближаются с тувинцами, монголами, китайцами и другими народами Восточной Азии и заметно отличаются, например, от таджиков и в несколько меньшей степени — от узбеков.

Антропологические исследования, проводившиеся в Киргизии и других советских республиках, а также сравнительное изучение черепов современных киргизов и древнего населения Киргизии привели к двум выводам, имеющим важное значение для понимания проблемы происхождения киргизского народа.

Во-первых, удалось установить, что особенности, свойственные монгольской расе, выражены у киргизов гораздо более отчетливо, чем у древнего и даже у не особенно древнего населения Киргизии. Всего семь-восемь столетий назад в Чуйской долине жили люди, гораздо более похожие на нынешних узбеков или уйгуров или даже таджиков, чем на киргизов. Да и в горах в то время жили народы, в физическом типе которых хотя и проявлялись некоторые черты монголоидной расы,

¹ Под Иртышско-Енисейским междуречьем подразумевается территория между сближающимися верховьями Иртыша (включая Черный Иртыш) и Енисея. На юге она доходит до озера Киргиз-нор, на севере ограничивается по линии Красноярск—Новосибирск—Бараба. В общем это горная область Алтая, Саяна и Танну-Ола протяженностью примерно 800×800 км.

но они были гораздо менее выражены, чем у современных киргизов.

Во-вторых, после тщательного статистического сопоставления данных о киргизах и южных алтайцах удалось установить, что у последних особенности монголоидной расы выражены еще сильнее, чем у киргизов.

Таким образом, в физическом типе у всех древних и современных народов Средней Азии и Алтайско-Саянской области Сибири в той или иной мере проявляются результаты смешения европеоидной и монголоидной рас. Но удельный вес обоих элементов различен. В этом различии находит свое отражение история народов.

Профессор Г. Ф. Дебец полагает, что все европеоидные и монголоидные элементы у перечисляемых народов могут быть выражены следующими числами.

Таблица 1

Удельный вес монголоидного и европеоидного элемента у некоторых современных и древних народов Средней Азии и Сибири.
по Г. Ф. Дебцу¹

Название народа	Монголоидный элемент %	Европеоидный элемент %
Буряты	100	0
Тувинцы	100	0
Южные алтайцы	90—95	5—10
Северные алтайцы	75—80	20—25
Хакасы	70—75	25—30
Казахи	60—65	35—40
Киргизы	85—90	10—15
Узбеки	35—45	55—65
Средневековое население Чуйской долины Киргизии	10—20	80—90
Тюркские кочевники горных районов Киргизии до XIII века	55—65	35—45
Усуни Киргизии на рубеже нашей эры	35—45	55—65

¹ Неопубликованные данные из подготовляемого к печати второго издания «Палеантропология СССР».

Население Енисейско-Иртышского междуречья, где проживали физические предки современных тьянь-шаньских киргизов, до нашей эры было европеоидным. Пограничная полоса между монголоидами и европеоидами проходила примерно через Северное Прибайкалье. Монголоиды жили в то время в Забайкалье и Восточной Монголии.

Отдельные группы монголоидных племен еще в I тысячелетии до нашей эры проникали в верховьях Енисея и на Алтай. Массовые переселения их сюда во II—IV вв. привели к смене европеоидного облика монголоидным. В период с VII до XIII в. следы древнего европеоидного населения в Енисейско-Иртышском междуречье сильно сгладились, хотя и не исчезли совсем. К этому времени и относится формирование южносибирской расы.

Монголоидные по физическому типу племена постепенно продвигались также к Тянь-Шаню. В I тысячелетии н. э. они проникали на Тянь-Шань в незначительном количестве. Их продвижение сюда сказывалось лишь в появлении постепенно нараставшей монголоидной примеси у местного европеоидного населения отдельных районов. В первые века II тысячелетия физический тип населения Тянь-Шаня стал примерно таким, каков он у современного киргизского народа.

Таким образом, по физическому типу (внешнему облику) киргизы принадлежат к южносибирской расе, которая складывалась в середине I тысячелетия н. э. на территории Енисейско-Иртышского междуречья. Тем самым киргизы близкородственны южным алтайцам и казахам, хотя доля монголоидного элемента у первых несколько больше, а у вторых несколько меньше, чем у киргизов. В I тысячелетии н. э. Тянь-Шань населяли европеоидные народы. Основная масса монголоидных племен — физических предков киргизов переселилась сюда из Енисейско-Иртышского междуречья. Их переселение и сложение физического типа тьянь-шаньских киргизов имели место после XII в.

Эти выводы антропологии, имеющие важное значение для понимания истории сложения киргизской народности, основываются на обширных материалах — исследованиях Киргизской археолого-этнографической экспедиции 1953 — 1955 гг. Их общая оценка принадлежит Г. Ф. Дебецу («Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», под редакцией Г. Ф. Дебеца, т. I, М., 1956).

§ 2. Языки народов Южной Сибири и Тянь-Шаня и место киргизского языка среди них

Язык представляет собою один из важных признаков национальной принадлежности. Он дает много ценных материалов для выяснения происхождения того или иного народа. Как по археологическим памятникам можно проследить хозяйственно-культурные связи народа в тот или иной период, так по языку можно проследить связи современных народов между собой, а при наличии памятников древней письменности — и с их далекими предками.

В давние времена тюркские и монгольские языки вместе с тунгусо-маньчжурскими представляли собою группу близких диалектов, которые условно именуются алтайским языком, или алтайской языковой общностью.

Алтайская языковая общность в свое время разделилась на две большие группы: тюрко-монгольскую и тунгусо-маньчжурскую. Затем произошло расхождение говоров тюркских и монгольских, которые в конце концов развились в разные языки.

В гуннскую эпоху (конец определяется примерно в V в. н. э.) происходило разветвление и развитие племенных диалектов в тюркской языковой общности. Следы этого сохранились, например, в различии звуков *p—л* в корнях слов, общих у разных народов, или в чередовании *p—з/ш*, например, *көз—глаз*, но *көр—видеть*.

В эту эпоху существовала огузско-карлукско-кыпчакская языковая общность, которая распалась, с одной стороны, на карлукскую (уйгурскую) ветвь, а с другой — на огузско-кыпчакскую, позднее раздвоившуюся, в свою очередь, на огузскую и кыпчакскую группы.

Оформление четырех основных современных групп тюркских языков имело место в древнетюркскую эпоху, определяемую примерно второй половиной I тысячелетия н. э. (V—X вв.). Их принятые названия, которыми мы пользуемся, следующие:

1. Юго-западная, или туркменская (туркмено-огузская);
2. Северо-западная, или кыпчакская;
3. Юго-восточная, или карлукская (карлукско-уйгурская);
4. Северо-восточная, или уйгурская (уйгуро-огузская).¹

¹ Обзор классификаций и классификационных признаков см. в работе известного советского тюрколога Н. А. Баскакова «Тюркские языки», М., 1960. В нашем изложении за основу взята классификация А. Н. Самойловича. (Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922).

Тюркские языки, составляющие эти группы, объединяются по особым фонетическим, грамматическим признакам и лексике.

Языки северо-восточной, или уйгуро-огузской, группы (иногда именуемой еще алтайской), имеют следующие наиболее характерные признаки:

наличие звуков *т, д, з* в середине слова вместо *й* в других группах языков (*адак, азак* — нога в языках уйгуро-огузской группы вместо *айак* в других);

наличие звука *п* в начале слова вместо *б* в других группах (*поа* — быть вместо *боа*);

наличие звуков *т, с* в конце слова вместо *й* в других группах (*кут* — лить вместо *куй*);

сохранение звука *ғ, ғ* в конце слова (*тағ* — гора, вместо *тай*).

Языки уйгуро-огузской группы отличаются также особенностями грамматического строя и словарного состава.

Отдельные языки этой группы имеют некоторые особые признаки, которые дают основание подразделять их на следующие подгруппы:

- 1) уйгуро-тукуюскую (туцзюескую);
- 2) близко примыкающую к ней хакасскую и
- 3) якутскую.

К первой подгруппе относятся близкородственные древние языки племен *түркүтов-туцзюе'* (öк тюрк), древних уйгур и древних кыргызов. Они дошли до нас в памятниках так называемой орхоно-енисейской письменности V—IX вв. Түркүты в начальный период основания их каганата V—VI вв. занимали Алтайско-Хангайское нагорье, включая бассейны рек Орхона, Селенги и отчасти верховьев Енисея. Древние уйгуры до середины IX в. проживали в общем на той же территории. Племена под названием кыргызов занимали верховья Енисея на север от Танну-ола.

Языки түркүтов, древних уйгур и кыргызов были близки между собою. Памятники орхоно-енисейской письменности, оставленные этими племенами, имеют ряд общих характерных признаков, позволяющих отнести их к одной языковой подгруппе. Особая близость языков кыргызов и древних уйгур засвидетельствована в китайских летописях¹.

¹ Например, в летописи X в. династии Тан «Синь Тан-шу»: «Их (кыргызов) язык и письменность совершенно сходны с уйгурскими» (Н. Я. Би-

Из современных языков близкими к этим древним являются тувинский, хакасский и северо-алтайские диалекты, образующие вместе с хакасским особую подгруппу, а также якутский¹.

К особым признакам языков хакасской подгруппы можно отнести: наличие согласного *з* в середине слова вместо *й—д—т* (*азак* — нога вместо *адак, айак*); наличие согласных *с, з* в конце слов вместо *й* (*кес* — надевать вместо *кий*); наличие начального *ч* и *н* вместо *й—ж—д—с* в других языках (*чыл* — год вместо *йыл, жыл, сьл*). Имеется также ряд других специфических признаков. Тувинский, хакасский языки и северо-алтайские диалекты в большей мере сохранили общие архаические признаки языков уйгуро-огузской группы (включая древних кыргызов). Их языковая общность связана с общностью исторических судеб — вхождением в государственно-племенные объединения древних кыргызов, токуз-огузов и уйгуров в I тысячелетии.

Носителей языков этой подгруппы (тувинцев, хакасов и северных алтайцев) в языковом отношении можно считать ближайшими потомками тех древних народов, которые оставили памятники орхоно-енисейской письменности.

Это, конечно, не исключает языковую преемственность других групп языков, носители которых выселялись с Алтайско-Хангайского нагорья и верховьев Енисея в разные края. В частности, это касается племен западных тюркотов, переселившихся в V—VI вв. на Тянь-Шань и в сопредельные районы. Их объединение в памятниках орхоно-енисейской письменности именовалось «десятистрельными» тюрками (он ок).

чурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. 1, стр. 353). Прямым подтверждением этому служит тот факт, что китайский двор в переписке с кыргызским каганом и при приеме его посольств 840-х годов, пользовался исключительно уйгурскими переводчиками, хотя не доверял им, и, опасаясь предательства, был вынужден привлекать для проверки других тюрок, которые более или менее могли понимать кыргызских послов. См. спец. доклад министра Ли Дэ-юя о переводчиках для кыргызского посольства: «...каждого, кто понимает иноземные языки и кто не соплеменник уйгур, доставить (его) в столицу, чтобы была произведена взаимная проверка во избежание обмана» (Ли Вэй-гун Хойчан ипинь цзи, т. 2, Шанхай, 1936, цз., 15, стр. 121. Там же переписка с каганом. Публикация перевода Г. П. Супруненко в «Известиях АН Киргиз. ССР», Фрунзе, 1963 г.).

¹ Носителями северо-алтайских диалектов являются небольшие этнические группы (общей численностью до двух десятков тысяч человек): туба, или «черневые татары» междуречья Катунь-Бии, куманды-кижи и куу-кижи (кумандинцы и лсбединцы), живущие по рекам Бии, Лебеди и в соседстве с ними. Сюда же относится язык шорцев.

В состав «десятистрельных» тюрок входили племена карлукской и так называемой огузской, или огузско-туркменской, языковой группы. Из характерных признаков языков последней группы можно отметить: наличие 8 кратких гласных (в отличие от кыпчакской и карлукской групп, где от 6 до 9); наличие узких губных гласных в аффиксах (например, *йа-рук* — свет, блеск вместо *йарык*); сохранение конечных *г* и *г* в словах типа *бег*—бей, *даг*—гора вместо *тай* озвончение начальных согласных *т* и *к* (*даг*—гора вместо *тай* выпадение начального б/п в основе (олмак—быть вместо болмак). Наряду с фонетическими особенностями, имеются также особенности грамматического строя, в лексике и др.

Язык народов огузско-туркменской группы очень близок к языку орхоно-енисейских и таласских памятников V—IX вв., точнее говоря, он самый близкий, за исключением языков хакасской группы. Это закономерно, так как племена огузско-туркменской языковой группы до VI в. находились в общей массе с тюркүтами. Некоторые из орхоно-енисейских памятников, несомненно, принадлежали племенам этой группы. С еще большей уверенностью можно говорить о принадлежности им таласских и других надписей Тянь-Шаня (включая Памиро-Алай), относящихся к периоду «десятистрельных» тюрок Тянь-Шаня, т. е. до середины VIII в. (Не случайно предания народов огузско-туркменской группы считают Иссык-Куль своей ранней родиной, где жил их прародитель Огуз-хан).

Примерно с середины VIII в. на Тянь-Шане наступил период господства племен другой языковой группы, именно карлукско-уйгурской, что было связано с вселением на Тянь-Шань в VIII — IX вв. карлукских и уйгурских племен. Он продолжался до прибытия сюда в XIII в. кыпчакско-кыргызских племен, язык которых относится к третьей группе тюркских языков (кыпчакской).

Языки карлукско-уйгурской группы (именуется иногда карлукской) сложились в основном на Тянь-Шане и сопредельных областях Восточного Притяньшанья. В ней выделяются две подгруппы;

1) карлукско-уйгурская—язык так называемых хаканских тюрок, или населения государства караханидов IX—XII вв.;

2) карлукско-хорезмийская, которая послужила основой развития золотоординского языка восточной части улуса Джучи и так называемого чагатайского языка улуса Чагатая, на основе которого, в свою очередь, сформировался староузбекский язык.

Из современных языков к карлукско-уйгурской группе принадлежит язык уйгур и других национальных меньшинств Восточного Туркестана и Казахстана (именуемый ново-уйгурским) и узбекский.

Характерными признаками языков карлукско-уйгурской группы являются: изменение количества гласных фонем (от 6 до 9); различные степени палатализации согласного *к*; отсутствие озвончения согласных *п, т, к* между гласными; сохранение согласных *ғ, ғ* или их переход в конце слов в *к* (*сарык* — желтый вместо *сары*); наличие формы собирательного числительного на *—ағу/—эғу* вместо кыпчакского *а6°/ев°* (*икэ-гу* — двое вместо *экев°*); наличие формы указательного и личного местоимения 3-го лица *у(л)* — тот, он вместо *ол* и др.

Языки карлукско-уйгурской группы можно во многих отношениях противопоставить языку огузов и кыпчаков X—XIII вв.

Уйгурский язык этой группы племен Тянь-Шаня очень сильно отличается от древнеуйгурского по фонетическим и грамматическим признакам, а также по словарному составу.

Наиболее полными памятниками уйгурского языка (именуемого иногда еще караханидским) являются известная поэма XI в. «Кутадгу билик» («Знание, дающее счастье») Юсуфа из Баласагука (тогдашний государственно-политический центр на р. Чу) и записи живого разговорного языка населения Тянь-Шаня в словаре Махмуда Кашгарского. К более поздним памятникам относятся многочисленные надгробные надписи населения Тянь-Шаня XIII—XIV вв., выполненные сирийским алфавитом. Этот язык, по-видимому, был близким к разговорному языку отюреченных монголов Тянь-Шаня до вытеснения последних в Кашгарию на рубеже XV—XVI вв. Их потомки, перемешавшись с общей массой уйгур Восточного Туркестана, говорят ныне на близких диалектах: кашгарском, турфанском, хамийском, хотанском, илийском и др.

Предпосылки формирования языковой общности у племен Тянь-Шаня VIII—XII вв. обуславливались их последовательным вхождением в государства карлуков и затем токуз-огузских уйгур, основавших обширное объединение караханидов. Язык населения Тянь-Шаня и Восточного Туркестана VIII—X вв. с его общими признаками карлукско-уйгурской группы имел два заметно различавшихся между собою диалекта. Один из них условно именуется карлукско-уйгурским (или *j*=диалект), другой — уйгуро-огузским (*n*=диалект). В

качестве одного из главных признаков их различия, которому сопутствуют другие, обычно берется противопоставление звуков *j* и *n* (например, в первом *rigai* — не имущих, во втором — *riġan*).

Н-диалектные основы можно считать принадлежавшими карлукам. Во взаимодействии с ними в IX в. сложился своеобразный язык, послуживший основой современных уйгурского и узбекского языков. Н-диалект считают принадлежавшим уйгурским и тогуз-огузским племенам. На нем написано большинство дошедших до нас памятников IX—X вв. уйгурской и манихейской письменности Турфана и других областей Восточного Притяньшанья (в связи с этим язык иногда именуется манихейским).

Хотя исторические судьбы н-диалекта изучены недостаточно, определенно известно, что он имеет, с одной стороны, близкие связи с тувинским и другими языками Алтая, с другой — ряд характерных форм, сближающих его с огузскими языками¹.

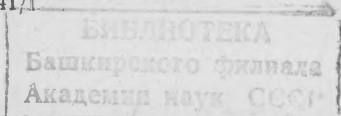
Мы предполагаем, что так называемый н-диалект, или уйгуро-огузский, стоял близко к языку племен секиз-огузов, составлявших вместе с уйгурскими племенами государственное объединение тогуз-огузов.

Племена секиз-огуз (государственное объединение которых впоследствии именовалось найманами) оставались на Хангайско-Алтайском нагорье после выселения уйгур с Орхона вплоть до возвышения монголов. Они имели тесное языковое общение с населением южной части Енисейско-Иртышского междуречья. Некоторые из их племен влились в состав этого населения в период монгольских погромов конца XII—начала XIII вв. По-видимому, длительное языковое влияние отразилось на диалектах современных языков тувинцев, хакасов, северо-алтайских диалектах, а также на диалекте группы ичкилик тянь-шаньских киргизов, вышедших из этого района.

Четвертой тюркской языковой группой, представители которой в лице кыпчакско-кыргызских племен появились на Тянь-Шане в XIII в., является кыпчакская.

Из характерных общих признаков кыпчакской группы языков можно отметить следующие: наличие 8 или 9 гласных; отсутствие, как правило, лабиализации узких гласных в аффиксах (*йарык*—свет, блеск вместо *йарук* в огузских и карлукских языках); слабая губная гармония гласных и только в

¹ Рассмотрение специальных вопросов: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М., 1961, стр. 17—26 и др.

отношении узких гласных; наличие, как правило, в начале слов звонкого *б* вместо *п* в других языках (*бол*—быть вместо *пол*) и глухих *т, к* (*тил* — язык вместо *дил*, *кэл* — приходить вместо *гэл*); наличие дифтонгов, соответствующих древнему сочетанию гласной + *ʁ/ɣ* (*тай* — гора вместо *тағ*); неустойчивость в начале слов звуков *й—ж—дж* (*йок, жок, джок*—нет) и др.

Отдельные языки кыпчакской группы наряду с общими имеют некоторые особые признаки, по которым их можно разделить на несколько подгрупп: кыпчакско-половецкую, кыпчакско-булгарскую, кыпчакско-ногайскую и кыпчакско-киргизскую (или киргизско-кыпчакскую).

Кыпчакско-половецкую подгруппу составляют древний половецкий, или куманский язык, а из современных—карачаево-балкарский на Кавказе, язык кумыков Дагестанской ССР, язык караимов в Крыму и Литве и другие.

Кыпчакско-булгарскую подгруппу представляют средневековый золотоординский и новые татарский и башкирский языки.

Кыпчакско-ногайская подгруппа объединяет язык ногайцев Ставропольского края, каракалпакский, казахский и кыпчакские диалекты узбекского языка (пришлых в XV—XVI вв. кыпчакских племен шейбанидов).

Киргизско-кыпчакская, или киргизско-алтайская, подгруппа представлена современным киргизским и южноалтайскими диалектами¹.

Языковая общность перечисленных древних и современных народов, разбросанных на огромной территории от Алтая до Черного и Балтийского морей, объясняется особо близким родством их древних предков, которые до конца I тысячелетия н. э. проживали на территории Юго-Западной Сибири, примерно от Оби до Ишима.

Их государственно-этническое объединение во второй половине I тысячелетия н. э. носило название кымаков и кыпчаков. В начале II тысячелетия из его состава выделились и переселились в Причерноморье куманы — половцы. За ними последовали другие кымакско-кыпчакские племена. В XI в. они уже господствовали на обширной территории до Дона и далее, которая стала именоваться с этого времени «Дешт-и Кыпчак—Степь кыпчаков». В период монгольского господ-

¹ Носителями южноалтайских диалектов являются собственно алтайцы, или алтай кижы, теленгуты (теленгиты) и телеуты, именовавшиеся в общем «белыми калмыками» (ойротами). Их диалект является основой современного литературного языка алтайской народности, включающей также северных алтайцев.

ства на ее территории сначала был образован улус Джучи, затем возникли Золотая и Белая орда и другие объединения. Массовые передвижения кыпчакских племен на территории улуса Джучи, особенно в его западной части, сопровождавшиеся междоусобицами и перемешиванием племен, имели следствием общение и скрещивание племенных диалектов.

Племена кыпчакско-киргизской языковой подгруппы (предки тянь-шаньских киргизов и южных алтайцев) в первые десятилетия монгольского господства продолжали оставаться на прежних местах, что поддерживало их языковую обособленность от западнокыпчакских диалектов.

Некоторые языковеды, принимая во внимание особую близость киргизского и южноалтайского языков при сравнительно малочисленности носителей последнего, иногда рассматривают южно-алтайский язык как один из диалектов киргизского и употребляют для его обозначения термин киргизско-алтайский, или киргизско-кыпчакский.

Характерной особенностью киргизского языка является то, что он, принадлежа к кыпчакской группе, вместе с южноалтайским имеет ряд общих признаков с хакасским и тувинским языками уйгуро-тукуюской группы, занимая в этом отношении как бы промежуточное положение.

Из характерных признаков киргизско-алтайской группы, сближающих ее языки с близкородственными или отличающих от последних, можно отметить следующие.¹

Киргизский, южно-алтайский, тувинский и хакасский языки имеют 4 пары (или 8) гласных, не имеют противопоставления *a* твердого и *ə* мягкого.

Киргизский и южноалтайский языки отличаются от других последовательным сингармонизмом гласных в основе и аффиксах (в основе кирг.-алт. *тоголок* — круглый, каз. *тома-лак*, узб. *думбалак*. То же отличие в переходе аффикса—*лар* в — *лор*: *кол* — рука, *колдор*—руки).

Для киргизского и южноалтайского языков характерно наличие долгих гласных вторичного образования (*тоо*—гора кирг. и *туу* юж.-алт. в отличие от *таг* хакас. и *тау* каз.).

¹ Специальные исследования по этим вопросам: Н. А. Баскаков, *Алтайский язык*, М., 1958; Его же, *Тюркские языки*. М., 1960, стр. 184—221; И. А. Батманов. Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа «Тр. Киргиз. археол.-этнограф. эксп.», т. III, Фрунзе, 1959; Его же. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947; К. К. Юдахин. Итоги и задачи изучения киргизских диалектов. «Тр. ИЯЛИ», вып. VI. Фрунзе, 1956; Б. М. Юнусалиев. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка. «Тр. ИЯЛИ», вып. VI, 1956.

Киргизский и южноалтайский языки не сохраняют согласных в сочетании типа —*аг*, —*уг*, —*уб* в отличие от хакасского и других языков (кирг. -алт. *суу* — вода, хакас. и тув. *суг*, каз. *сув*).

Некоторые говоры киргизского языка, как и языки кыпчакско-ногайской группы, имеют дифтонги вместо долгот.

Киргизский язык имеет общие признаки с южноалтайским, казахским и уйгурским, отличаясь от хакасского и тувинского чередованием гласных *й*, *д*, *т*, *з* (*айак* — нога вместо хакас. *азак*, тув. *адак*).

Киргизский и южноалтайский языки отличаются, например от казахского и хакасского чередованием *ш—с* и *ч—ш* (*баш*—голова вместо каз. и хак. *бес*, *пис*).

По ассимиляции и диссимиляции аффиксальных *л* и *р* киргизско-алтайские языки сходны с казахским (наличие аффиксов —*лар*, —*дар*, —*тар*) и отчасти с хакасским, тувинским (—*лар*, —*тар*, —*нар*), отличаясь тем самым от уйгурского и узбекского языков.

В области морфологии киргизский и южноалтайский языки выделяются образованием формы 3-го л. ед. числа наст. времени с помощью аффикса *т* (*болоот*—будет вместо *болады*, *болады*, *бола* в других языках).

Киргизский и алтайский языки резко отличаются от других языков словарным составом, в частности, заимствованием иноязычных слов. Все современные языки Восточного Туркестана, Казахстана, Средней Азии. (уйгурский, казахский, узбекский и др.) имеют большое количество заимствованных ирано-арабоязычных слов, широко распространявшихся с VIII в. вместе с мусульманской культурой и хозяйственно-политическими связями, и сравнительно немного заимствований из монгольского языка (II тыс. н. э.). В южноалтайском и киргизском языках обратное соотношение; много монгольских заимствований и сравнительно мало ирано-арабских. Характерно, что арабо-персоязычные слова, заимствованные в сравнительно позднее время, подвергались более сильной фонетической обработке, чем, например, в узбекском, уйгурском и даже казахском языках. Это говорит о том, что носители киргизского языка сравнительно недавно пришли в тесное общение с соседними народами Средней Азии, а до этого проживали вместе с алтайскими племенами.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о следующем. Современный киргизский и южноалтайский языки, имея ряд особых, присущих только им, общих признаков, составляют отдельную подгруппу в кыпчакской группе языков.

Киргизско-алтайский язык не мог развиваться на основе языков карлукско-уйгурской группы Тянь-Шаня домонгольского времени или явиться результатом скрещивания с ними языков уйгуро-тукюеской группы (в частности древних кыргызов). Он не мог сложиться и сформироваться также в процессе скрещивания одного из кыпчакских языков с карлукско-уйгурской группой Тянь-Шаня.

Киргизско-южноалтайский язык, принадлежащий к кыпчакской группе, имеет некоторые признаки, характерные для древних и новых языков уйгуро-тукюеской группы (кыргызского и древнеуйгурского языков орхоно-енисейской письменности, тувинского, хакаского и североалтайских диалектов). Это свидетельствует о том, что киргизско-алтайский язык складывался в процессе скрещивания языков уйгуро-тукюеской (хакаской подгруппы и близкородственных ей языков) и кыпчакской группы. Сохранившиеся диалектные особенности в киргизском языке дают в пользу этого дополнительные подтверждения. Правда, многовековое дробление и смешение отдельных родо-племенных групп, их тесное общение друг с другом стирали диалектные различия, способствуя превращению их в территориальные говоры. Но все же некоторые признаки, сохранившиеся до сих пор, позволяют говорить об остатках племенных диалектов, например южного (в основном группы ичкилик и примыкающих к ней племен) и северных.

Одним из характерных признаков диалекта ичкиликов и примыкающих к ним некоторых племен левого крыла (саруу, кушчу, саяк) Ошской области является наличие девятой фонемы *э*, противопоставляемой *а*, *э*, (*е*), например «*эит* — скажи» вместо «*айт*», «*эйлан* — вернись» вместо *айлайн*. В других диалектах ее нет. В алтайском, хакаском и тувинском языках ее так же нет, но есть в уйгурском и языках кыпчакско-ногайской подгруппы (казахском, кыпчакских диалектах узбекского языка).

Другим признаком, выделяющим диалект ичкиликов, является особая форма вспомогательного глагола *е* — *эде*, аналогичная которой имеется в южноалтайском языке и у ферганских нойгут-кыпчаков.

Сопутствующим признаком ичкиликского диалекта является выпадение *л* в некоторых глагольных корнях при наращении аффикса (*кеген* — он пришел вместо *келген*). Аналогичное явление имеет место в уйгурском и узбекском языках. Кроме указанных отличительных признаков, имеется несколько менее выраженных.

Вопрос о происхождении отличительных признаков ич-

кикильского диалекта остается дискуссионным. По мнению одних, некоторые признаки его появились в результате особого влияния языка уйгур Восточного Притяньшанья, где ичкилики якобы находились с давних пор, будучи оторванными от основной массы киргизов; по мнению других, те же признаки (например, наличие девятой фонемы *ә*) могли появиться под влиянием кыпчакско-узбекских племен шейбанидов, прибывших в Фергану в начале XVI в.

История улуса ичкилик-булгачи показывает, что он до XIII в. находился вместе с общей массой кыпчакско-кыргызских племен в Енисейско-Иртышском междуречье, занимая его южные районы. Вместе с ними он продвигался к Тянь-Шаню¹.

По нашему мнению, особенности ичкикильского диалекта, в частности влияние группы карлукско-уйгурских языков, объяснялись двумя фактами. Группа ичкилик-булгачи, занимая южную окраину расселения кыпчакско-кыргызских племен Енисейско-Иртышского междуречья до середины VIII в. находилась в более близком соседстве с алтайскими карлуками, отдельные родо-племенные группы которых оставались на Алтае и в последующие времена до их ассимиляции, затем в течение многих веков — вплоть до начала XIII в. она состояла в более тесных отношениях с уйгуроязычными племенами секиз-огузов и затем найман, что не могло не отразиться на ее языке. (Между прочим, в ее составе имеются группы с названием найман). Точно так же были своеобразными ее отношения с тянь-шаньскими монголами на заключительной стадии их ассимиляции на Тянь-Шане общей массой киргизских племен. Как отмечено, монгольские племена в первое время своего пребывания на Тянь-Шане подвергались отюречиванию в языковом отношении носителями карлукско-уйгурской группы языков, т. е. перенимали в конечном счете языки этой группы. Основная масса отюреченных монголов в период их вытеснения кыпчакско-киргизскими племенами в XV в. перемещалась в Кашгарию и Фергану. В конечном счете в Южном Тянь-Шане их задержалось и было ассимилировано киргизами несравненно больше, чем в Северо-Восточном, что не могло не сказаться на их влиянии на южный диалект. Происхождение некоторых отличительных признаков южнокиргизского диалекта ичкиликов следует связывать не только с поздним влиянием языка непосредственно уйгур и

¹ К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв., Фрунзе, 1961, стр. 23, 134, и др.; Его же. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв., Фрунзе, 1961, стр. 140; и др.

узбеков, но, возможно, с ассимиляцией отюреченных тянь-шаньских монголов, принадлежавших по языку к той же карлукско-уйгурской группе. В общем формирование ичкиликского диалекта могло идти как по линии приобретения отдельных признаков в позднейшие времена, так и по линии утраты некоторых древних особенностей в процессе сложения общенародного киргизского языка, причем некоторые из них не поддались нивелировке (например, вспомогательный глагол *эде*).

Несмотря на некоторые особенности, ичкиликский диалект представляет единое целое с общекиргизским языком, или, точнее говоря, составляет вместе с другими диалектами общенародный киргизский язык, в котором есть диалектные группы. Например, для северокиргизских диалектов преимущественно правого крыла (исключая бугу) и сары-багышей левого крыла характерно соответствие звука *с* звуку *з* в других группах (*кысыл* — красный вместо *кызыл*). Для языков кыпчакской группы характерно *з*. «Соканье» наблюдается лишь у алтайцев. Для племен левого крыла характерно наличие губных дифтонгов типа *ow* развивавшихся из сочетания гласного и звонкого согласного (*тоw* — гора вместо *тоо*). Аналогия имеется у южноалтайских теленгитов. Явление, конечно, неслучайное. Оно связано с более частыми совпадениями названий родоплеменных групп киргизов левого крыла с группами алтайцев (см. далее).

Сопоставления киргизского и южноалтайского языков говорят, что общекиргизский народный язык в своих главных чертах сложился в период продолжительной общности предков — носителей современного киргизского и южноалтайского языков, что не могло иметь место на территории Тянь-Шаня.

Параллельные сопоставления киргизского и южноалтайского языков с хакасским и тувинским показывают наличие у них ряда общих признаков в фонетике, морфологии и лексике. Это свидетельствует о тесном общении носителей указанных языков.

Начало сложения киргизско-южноалтайской языковой общности, совпадающее со временем сложения общенародного киргизского языка, по мнению авторитетных лингвистов, имело место в первые восемь веков нашей эры, а окончательное формирование в VIII—XII вв. «Общенародный киргизский язык, — по заключению академика Б. М. Юнусалиева, — сложился не на Тянь-Шане и Памире, а в районах верховьев Енисея и Южного Алтая в период длительного взаимодействия киргизского языка большей частью с алтайским языком...

Общекиргизские черты в современных киргизских диалектах, включая ичкиликский диалект, не могли формироваться после XIII в. и тем более начала XVI вв.»¹. «Большинство предков современных киргизов», прибывших на Тянь-Шань в первой половине II тысячелетия, говорили «на уже сложившемся киргизском языке»².

Таким образом, языковые данные говорят о происхождении киргизского народа следующее. Предки киргизов и южных алтайцев — носители языков киргизско-кыпчакской подгруппы по языку были близкородственны другим племенам кыпчакской группы и составляли единый массив.

Первоначальным местом их обитания являлся район, смежный с территорией обитания носителей языков уйгуро-тукюеской группы (древних кыргызов), что нашло отражение в наличии ряда общих черт с хакасским, тувинским и другими языками этой группы.

Носители современного киргизского языка находились в языковом общении (т. е. жили на одной территории) с носителями южноалтайского языка примерно до XII—XIII вв. Переселявшиеся после этого времени на Тянь-Шань племена разговаривали на уже сложившемся киргизском языке. В период распространения на Тянь-Шане они ассимилировали в языковом отношении оставшихся здесь носителей языков карлукско-уйгурской группы.

Имея в виду принадлежность прибывших на Тянь-Шань киргизских племен в языковом отношении к кыпчакской группе, их можно именовать кыпчакско-кыргызскими. Правильность такого наименования подтверждают и другие факты, в том числе употребление ими самоназвания кыпчак.

§ 3. Родо-племенной состав и место киргизов в семье тюрко-монгольских народов

Существующие ныне названия некоторых киргизских родо-племенных групп имеют давность, вероятно, до двух тысячелетий. Это дает возможность проследить участие отдельных древних родов и племен в формировании киргизского народа. Но, чтобы правильно понять и оценить их роль, необходимо знать условия существования самих родо-племенных групп. Сохранение до недавнего времени названий родо-пле-

¹ Б. М. Юнусалиев. К вопросу формирования общенародного киргизского языка. «Тр. ИЯЛИ АН Киргиз. ССР», вып. VI, 1956, стр. 37, 44 и др.

² Итоги и рекомендации сессии по этногенезу киргизов. «Тр. Киргиз. археол.-этнограф. экпн.», т. III, Фрунзе, 1959, стр. 233.

менных групп у киргизов, как и у некоторых других народов, объясняется особенностями перехода их к феодализму и патриархально-феодальных отношений, складывавшихся на развалинах общинно-родового строя. Родо-племенная организация, перерождавшаяся в результате развития частной собственности и классов, как бы вращалась в феодальное общество, и феодализм приспособлял ее к новым условиям. Ее содержание все более менялось. В конечном счете от кровнородственных родов и племен остались лишь названия, оболочка, да некоторые обычаи-порядки, позволявшие главам нового «рода» — феодалам использовать свои права и обязанности членов рода в интересах превращения родовой организации в орудие эксплуатации и угнетения своих «сородичей». Поэтому они стремились поддерживать и увековечить ее. Угнетение феодалами «сородичей» продолжалось до Великой Октябрьской революции, когда родо-племенные группы прекратили свое существование как общественное явление, память о них сохранилась, однако, до наших дней.

Кочевое скотоводческое хозяйство, остававшееся на протяжении двух тысячелетий примитивным и косным, способствовало сохранению родо-племенной организации общества. Исчезновение родо-племенного деления у оседлых народов происходило быстрее, чем у кочевников. Оседлое земледельческое население прочно связывало общность территории, поэтому родовые связи сравнительно быстро потеряли значение и были забыты. С ростом больших поселений и городов родовые связи разрушались еще быстрее. Население перемещивалось. Феодалы, чтобы держать в зависимости крестьян, прикрепляли их к земле. Кочевые скотоводческие племена не были связаны с полями, поселениями, т. е. с определенной территорией, часто меняли местопребывание, переселяясь иногда за многие сотни и даже тысячи километров. Необходимость защищать пастбища от врагов или завоевывать новые прочнее сплачивала отдельные мелкие родо-племенные группы, которые могли стать легкой добычей для соседей. Феодалы, чтобы держать в зависимости бедняков, в условиях постоянных переселений стремились удерживать их в составе своих объединений — групп, которые по традиции именовались родами. Род использовался феодалами как организация для закрепощения бедняков.

В то же время крупные объединения племен, на основе которых могли складываться народности, были непрочными и недолговечными, легко распадались и возникали. Эти и другие причины обусловили длительность сложения киргизской народности и устойчивость отдельных родо-племенных групп.

В области идеологии они способствовали сохранению до революции многих обычаев и преданий, связанных с именами «родоначальников», названиями, происхождением и жизнью отдельных родов. Хотя предания на протяжении столетий претерпевали изменения, по ним можно проследить далекую историю взаимоотношений киргизских родов и племен, из которых складывалась народность.

Киргизский народ, по существовавшему до недавнего времени делению, состоял из трех объединений: правого и левого крыла (он и сол) и группы ичкилик. В прошлом они являлись союзами племен. Можно полагать, что их родство восходит к середине первого тысячелетия.

Правое, левое крыло и группа ичкилик состояли из отдельных родов-племен, связанных между собою близким или дальним родством. К левому крылу по традиции относятся родо-племенные группы кушчи, саруу, мундуз, джетыген, чон-багыш, басыз, кытай, найман и другие, населяющие Таласскую долину и некоторые районы Южной Киргизии.

К правому крылу причисляются группы саяк, черик, азык, багыш, кара-багыш, монголдор, солто, сары-багыш, жедыгер дӱӱлӱс, монгуш и другие, населяющие Иссык-Кульскую, Тянь-Шаньскую области и Чуйскую долину, а также некоторые районы Китайской Народной Республики.

Объединение ичкиликов составляют группы канды, жоо-кесек, кесек, теит, бостон, оргу, кыдырша, дӱӱлӱс, ават, нойгут, найман и другие, населяющие Южную Киргизию.

Принадлежность большинства крупных родо-племенных групп к правому, левому крылу и к ичкиликам давняя. Их союзы существовали еще в Иртышско-Енисейском междуречье. Близость между собою трех основных объединений, а внутри их отдельных племен не считается одинаковой. Она определяется по степеням «родства» родоначальников. Родоначальником левого крыла считается Куул, или Куу огул (Кубул), правого—Акуул, или Ак-куу огул. Объединение ичкиликов стоит несколько особняком. Его родоначальником, по некоторым преданиям, был Салвас бий Булгачи.¹

В правом крыле более близкими считаются группы солто, сары-багыш и бугу как «действительные» потомки Тагая, к которым, например, азык и саяк не принадлежит. Их родоначальники были лишь «усыновлены». Обособленно от них стоят «потомки» брата Тагая, Адигине, и сестры Нелиже.

¹ По-видимому, персонифицированный этноним, который встречается у Низам ад-дина Шами в качестве названия улуса ичкиликов «Салвачи и Булгачи».

Среди последних имеются, в свою очередь, более близкие и «чужие», вроде монголдор и др.

Хотя объяснения родственных отношений племен в преданиях иногда наивны, они в определенной мере отражают исторический процесс сложения киргизской народности. Они дают возможность выделять родо-племенные группы, входившие в киргизские объединения в более ранние и последующие времена, проследить изменения — комбинации племен в отдельные периоды. Так, при сопоставлении преданий XV—XVI и XIX—XX вв. можно видеть перемещения племен из одних групп в другие, исчезновение названий некоторых племен, появление новых.

Перечисленные крупные родо-племенные группы, в свою очередь, состоят из более мелких подразделений, названия которых дают возможность проследить сложение самих родо-племенных групп. Как уже указывалось, их состав со временем перестал быть кровнородственным. Киргизские роды могли поглощать не только близкие тюркоязычные подразделения, но чуждые монголоязычные и другие.

Слияния и перемешивания чаще и легче происходили среди самих киргизских племенных групп. Некоторые из них на протяжении многовековой жизни были поглощены другими, и их названия бесследно исчезали. Сильные роды обычно присоединяли более слабых. Они могли присоединять в общем гораздо больше людей, чем сами первоначально имели. Род разрастался. Название главенствовавшей группы распространялось на остальные. Количество людей, первоначально носивших какое-либо название, оказывалось ничтожным в сравнении с общей массой, которая его получала. Впоследствии такая родо-племенная группа могла разделиться в результате выделения долей—уделов сыновьям, братьям и др. При этом оказывалось несколько одноименных групп. Все это необходимо иметь в виду при ознакомлении с родо-племенным составом киргизского народа.

Более подробные сведения о родо-племенном составе киргизов содержатся в I и IV томах «Трудов Киргизской археолого-этнографической экспедиции», М., 1956—1961.

Данные родо-племенного состава и предания о племенах отражают участие разных тюрко-монгольских народов в формировании киргизской народности и ее место среди родственных народов.

Степень родства тюркоязычных народов не одинакова. Среди них выделяются группы-ветви близкородственных народов. Одну из таких групп-ветвей составляют киргизы, алтайцы, хакасы и тувинцы. К ней примыкают казахи.

Алтайцы, хакасы и тувинцы живут на старой родине киргизских племен в Обско-Енисейском междуречье. Восточно-казахские племена издавна проживали по соседству с этим районом. Близкородственны киргизам некоторые узбекские племена, переселившиеся в XV в. из Казахстана и Юго-Западной Сибири. Кроме того, у киргизов прослеживаются родственные связи тысячелетней давности с якутами, предки которых некогда переселились с Енисея в Восточную Сибирь, а также тесные отношения с ойрат-монгольскими (калмакскими) племенами, жившими в верховьях Енисея.

Близкое родство киргизов с алтайцами, тувинцами и хакасами проявляется во многом, в том числе в материальной и духовной культуре. Киргизы близки к ним по внешнему облику (физическому типу). Они стоят также ближе всего к алтайцам, тувинцам и хакасам по языку. Особая близость киргизов с указанными народами Иртышско-Енисейского междуречья объясняется тем, что племенные объединения киргизов и этих народов складывались на основе родственных, а иногда из одних и тех же групп, часть которых в конце концов оказалась в составе киргизов, часть в составе алтайцев, часть — в составе киргизов, часть — в составе алтайцев, детельствуют одноименные названия многих групп киргизов, алтайцев, тувинцев и хакасов.

В составе киргизов и алтайцев имеются одноименные родо-племенные группы мундуз, толес (дөөлөс), саруу, кушчи, торо и другие. Хотя левое крыло киргизов и теленгутская группа алтайцев в этом отношении особо выделяются, и в других объединениях тоже есть одноименные группы киргизов, например, бурут, ак-тумат и кара-тумат, кочкор-мундуз, кыпчак, найман, меркит и др.

Особенно показательны имена родоначальников левого и правого крыла киргизов Кобула и Ак-Куу огула, а также цветные названия родо-племенных групп у киргизов — куба, кумач, кызыл, сарычаа из племен сары-багыш, солто и адигине, мундуз, саруу и др. Имена Кобул, Ак-куу огул, названия куба, кумач представляют диалектные формы характерных цветовых топо-этнонимов от прилагательного *куб(а)~куу* — желтый. Другие их диалектные варианты распространены среди основных групп алтайцев: куу-кижи, куманды, кобын, кобий, кызылы и др. (см. § 2 след. главы).

С тувинцами у киргизов одноименны группы монгуш, кара-монгуш, тумат, тюют, киргиз, ирхыт и др. Тувинцы до сих пор живут в верховьях Енисея. С хакасами одноименны груп-

пы монгуш, бугу, толес, кыргыз и др.¹ Хакасы живут по Енисею, севернее тувинцев.²

Все эти и другие родственные между собою группы некогда представляли крупные роды, племена или союзы племен. В результате разных причин они дробились, распадались. Их осколки перемешивались, образуя новые объединения. На основе таких объединений с течением времени сложились народности хакасов, тувинцев, алтайцев и киргизов. Первые три остались на старых местах. Объединение киргизских племен переселилось на Тянь-Шань. Кроме того, части распавшихся групп вошли в состав казахов и ойрат-монголов (калмаков), и народность которых распалась в XVIII в.

Киргизов и ойратов нельзя считать близкородственными по языку. Калмаки монголоязычны. Но в состав тех и других вошло много родственных групп древнего населения Енисейско-Иртышского междуречья.

Сложение и формирование киргизского народа, алтайцев, тувинцев, хакасов, казахов, узбеков и многих других тюркоязычных народностей проходило при участии значительного количества монголоязычных племен. Равным образом многие тюркоязычные племена входили в состав союзов—объединений монголоязычных племен.

Достоверная история тюркских племен начинается со времени их появления на исторической арене в V—VI вв. Первоначальным местом их обитания, как предполагают, была Центральная Азия и Южная Сибирь. На этой территории за несколько веков до нашей эры возникло обширное государственное объединение гуннов, включавшее много племен и народов. Возвышение гуннов сопровождалось массовыми передвижениями на большие расстояния многих племен и народов от Центральной Азии до Восточной Европы. Наиболее ранние письменные известия о гуннах содержатся в китайских летописях. (Их переводы см. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 1950, т. 1, М., стр. 39—141).

Как сообщают китайские источники, тюрки являлись ветвью гуннов. Одна их группа во главе с родом Ашина после распада гуннского объединения в III—IV вв. н. э. занимала

¹ В связи с названием племени бугу интересно отметить, что еще в XVII в. существовал производный от него топо-этноним (название местности и племени) Бугасар (афф.—сар множ. числа). Бугассарская «землица» находилась близ Киргизской «землицы». См.: Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I—II, М., 1937, по указанию названий Бугасар, Богасар.

² Среди ичкиликов тоже имеются некоторые группы, одноименные с алтайскими и кыпчакскими такими, как дёблос, нойгут, кыпчак и др. Но некоторые не имеют аналогий (кэзды, коокесек, бостон оргу, ават).

территорию Северного Китая. В V в. группа племен Ашика передвинулась сначала к Восточному Тянь-Шаню (в Гаочан), затем после 460 г. переселилась на Алтай. Здесь она, подчинив местные алтайские и соседние племена, создала обширное государство, простиравшееся от Тихого океана до Каспийского моря. Оно стало именоваться тюркским (түркүтским) каганатом.

Таким образом, имя тюрков и они сами как народ появились примерно в V в., когда на Алтае возвысилось, как передают предания, десять сыновей—родов Ашина, принявших названия «түркүт» — в китайской передаче туцзюе (предания см. в китайских летописях: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. 1, стр. 201—202).

Достоверная история монголоязычных племен с начала нашей эры в общем такова. Монголоязычные племена на рубеже нашей эры занимали территорию к югу от Байкала между хребтами Хангая и Хингана, т. е. современную Монголию. Часть их некоторое время объединялась в союз, именовавшийся в китайских источниках народом дун-ху. По распадения союза дун-ху из него выделился племенной союз сянь-би, который в середине первого тысячелетия, в свою очередь, разделился на группы племен татабов и киданей, установивших впоследствии (в X—XII вв.) господство над тюрко-монгольскими народами от океана до Средней Азии. Третья группа племен сянь-би, жившая южнее Байкала, именовалась у китайцев с VII—X вв. народом шивэй. В его составе была отдельная группа племен мынву—«монгол», которая на рубеже XII—XIII вв. распространила свое господство на все близкородственные племена до океана. С XII—XIII вв. они тоже стали именоваться монголами, в результате чего это название приобрело собирательное значение.

Из числа монголоязычных племен и народов наибольшее влияние на сложение киргизской народности оказали ойрат-монголы, баргуты и другие, жившие в Приенисейском районе и на Алтайско-Хангайском нагорье, а также баарины, керейты, меркиты, дуглаты, баруласы, джалаиры и ряд других, осколки которых вошли в состав киргизов.

Хотя влияние монгольских племен на формирование киргизской народности было значительным, его все же не следует преувеличивать. Сложение киргизской народности происходило в среде тюркоязычных племен и народов. Именно они определили общий этнический облик киргизов как народности. Родо-племенные группы некоторых древних тюркских народов непосредственно вошли в состав киргизов. Другие косвенно, но очень сильно воздействовали на формирование кир-

гизского народа. Наибольшее влияние оказали тюркоязычные племена и народы Енисейско-Иртышского междуречья, особенно кыпчаки, токуз-огузы, канглы, а также карлукские племена, и огузско-уйгурские племена, занимавшие Тянь-Шань в домонгольское время.

Тянь-шаньские киргизы как народность сложились на основе трех больших племенных массивов.¹ Первый массив составляло местное население Тянь-Шаня домонгольского времени (до XIII в.), Он складывался в течение I тысячелетия н. э. при движении на Тянь-Шань тюркоязычных племен с Алтайско-Хангайского нагорья. Первые волны кочевников на рубеже нашей эры вытеснили, частично поглотили местное население, проживавшее на Тянь-Шане с древних времен, и оторвали его в языковом отношении. Следовавшие за ними другие племена, в свою очередь, частично оттесняли далее на запад, частично поглощали своих предшественников. Ведущее положение на Тянь-Шане до VIII в. занимали племена так называемых «десятистрельных» тюрков во главе с родом Ашина. Большая часть их в последующее время переместилась за Аму-Дарью, ушла в Малую Азию. Там они приняли участие в образовании народностей туркмен, азербайджанцев, турок и др. Их место на Тянь-Шане в период с VIII до XII вв. занимали пришедшие с востока карлукские и огузско-уйгурские племена.

Хотя в период с VIII по XII вв. на Тянь-Шань продолжали прибывать как тюркские, так и монголоязычные племена, все они растворялись в общем массиве карлукско-уйгурских племен и остатков огузов, перенимали из языка. В этот период на Тянь-Шане и территории восточных областей современного Узбекистана происходило сближение огузско-карлукско-уйгурских племен. Однако процесс формирования народности неоднократно прерывался периодическими вторжениями разных новых племен кочевников с востока. В начале XIII в. монголы вытеснили большинство огузско-карлукских и прочих племен в Западное При Тянь-Шанье. Там они слились с другими родственными племенами, образовав вместе с ними основу узбекской народности.

Монголоязычные племена, переселившиеся в XIII в. на Тянь-Шань, явились вторым большим массивом, вошедшим в состав киргизской народности. Названия этих родо-племенных монголоязычных групп сохраняются у киргизов до настоящего времени, например: монгол, баарин, кереит, меркит

¹ См.: К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XII—XV вв., Фрунзе, 1961, стр. 4—8.

и др. Много осколков тех же групп вошло в состав казахов, узбеков, алтайцев, тувинцев и их соседей.

Третий (основной) массив представляли кымакско-кыргызские племена Енисейско-Иртышского междуречья и близкородственные им восточнокыпчакские племена, на основе которых сложилась казахская народность и которые вошли в значительном количестве в состав узбеков. Этот массив, по-видимому, включал также некоторые племена распавшегося в первом тысячелетии объединения токуз-огузов.

Восточнокыпчакские и близкородственные им кымакско-кыргызские племена в физическом отношении были монголоидами, но включали в свой состав также некоторую долю европеоидных элементов. Движение восточнокыпчакских племен к Тянь-Шаню стало намечаться с XI в., затем было временно приостановлено нашествием на Тянь-Шань монголоязычных племен. Движение кымакско-кыргызских племен Енисейско-Иртышского междуречья последовало в XIII в. Они частично вытеснили, частично поглотили остатки местного населения Тянь-Шаня домонгольского времени и пришлых монголов, т. е. племена первого и второго массивов. Кымакско-кыргызские племена определили физический тип, язык, культуру — в общем облик тянь-шаньских киргизов как народности. Сложение киргизской народности на основе трех указанных массивов обусловило их место в общей семье тюркских народов, а также характер отношений с соседними и отдаленными тюрко-монгольскими народами.

КЫМАКСКО-КЫРГЫЗСКИЕ И ДРУГИЕ ПЛЕМЕНА ЕНИСЕЙСКО-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ДО XIII в.

§ 1. Племена кыргыз

Исследование этимологии термина «кыргыз» дает основание автору данной работы считать, что термин произошел от древнетюркского прилагательного *кырыг (кыргу)* — *красный*.¹ *Кыр(ы)гыз* — форма множественного числа *кырыг* с аффиксом —*ыз*. Термин первоначально имел значение топонима, то есть названия «красных» местностей, страны и по ней населения народа.

Появление такого названия в местностях междуречья Енисей — Оби объясняется, по-видимому, красным цветом пород почв этого края. Массивы красноцветных суглинистых и глинистых почв, красных песчаников являются наиболее характерными для Минусинской котловины и верхнего Енисей. В среднем и верхнем бассейне Чулыма и во всем бассейне Телеецкого озера распространены красно-буро-желтые почвы. По Кузнецкому Ала-Тау имеются обширные массивы выхода красно-бурых железняков. Этим объясняется традиционное бытование здесь вплоть до настоящего времени тюрко-монгольско-русской топонимики с определениями «красный», «бурый», «желтый» и др.² Названия местностей от прилагательных *«кырыг — красный, буру — бурый (темно) красный, ала — красный, куба — желтый»* и др. давались в соответствии с их значениями в разных тюркских языках и диалектах. Название приенисейской области «Красная страна» существовало, по-видимому, еще в середине I тысячелетия до н. э. Наиболее раннее упоминание о ней в китайских летописях относится к III в. до н. э., когда гунны завоевали эту страну. В китайской передаче название писалось Гэгунь, Цзянькунь (см. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1, М., 1950, стр. 50). Китаеведы восстанавливают ее тогдашнее тюркское произношение — Кыргун. Это — форма того же прилагатель-

¹ К. И. Петров. К этимологии термина кыргыз (в печати).

² Материалы по цветной топо-этнонимике в Енисейско-Обском междуречье, приводимые далее, взяты из указанной статьи.

ного множественного числа кыргу с аффиксом н-диалекта¹. Название сначала означало «красные» местности; затем просто «красная» страна. Аналогичными этому топониму диалектными названиями соседних областей являлись на северо-востоке Ала(г) чы-н, на юго-западе Куба-н (от прилагательных *ала* и *куба* — см. следующий параграф).

По-видимому, примерно в то же время появился топоним Кыргут (от *кыргу* с аффиксом множ. числа —т), Кыркыр, а несколько позднее кырг-ыз. Они представляли форму множественного числа того же кырыг с аффиксами р-языков и з-языков.

Население Енисейско-Иртышского междуречья накануне нашей эры в физическом отношении было европеоидным, по языку относилось, вероятно, к самодийским и кетским народам, населяющим ныне северные области Сибири. Свидетельством их проживания в верховьях Енисейско-Иртышского междуречья в древние времена являются многие сохранившиеся названия рек, озер, гор и разных местностей этого края. Проникновение гуннских племен на территорию Енисейско-Иртышского междуречья имело место с середины I тысячелетия до н. э. В частности, в исторических записях Сыма Цяня, составленных к началу I в. до н. э., говорится, что гунны (сюнну, хунну) между 209—201 гг. до н. э. на севере покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин и Гэгунь, которые в общем занимали Енисейско-Иртышское междуречье и сопредельные юго-западные области Сибири. Можно думать, что это было не первое проникновение гуннских племен на территорию Енисейско-Иртышского междуречья. Обширное гуннское государственно-племенное объединение складывалось в Северном Китае и Монголии с середины I в. до н. э. (само упоминание о народе «хунь» известно из китайских источников с VII—V вв. до н. э.). Состав гуннского объединения был неоднородным. Предполагают, что большинство составляли тюркоязычные племена, а монголоязычных было, должно быть, меньше. Неоднородны были гунны и в физическом отношении. В физическом типе многих тюркоязычных орд, прибывавших в Енисейско-Иртышское междуречье и переселившихся затем отсюда на запад, преобладали монголоидные элементы.

О численности переселившихся гуннских племен в III в. до н. э. в приведенном китайском сообщении не говорится.

¹ Специальное исследование об аффиксах —а, —а, —п собирательно-множественного значения см.: J. Nemeth, Die Uolksnamen quman und qun. Körösi Csoma — Archivum, Budapest—Leipzig, 1940, I. Füzet, I. Heft, стр. 108 и др.

Но примерно через 100 лет их переселилось сюда, по-видимому, много. В 99 г. до н. э., гунны поставили во главе енисейских владений некоего Ли Лина, одного из китайских военачальников, перешедшего на их сторону. В 48 г. до н. э., в период междоусобий в среде самих гуннов и распада их государства, сюда прибыли новые орды гуннов западно-гуннского правителя Чжи-Чжи. Часть их во главе с правителем переселилась отсюда во владения Канцзюй, находившиеся на территории современного Восточного Казахстана. Археологические материалы Алтая, в особенности материальная культура, свидетельствуют о тесных связях племен этого времени с народами Монголии и Северного Китая.

Вселение больших масс гуннских племен на территорию Енисейско-Иртышского междуречья сопровождалось вытеснением местного населения на север и ассимиляцией его остатков в языковом отношении. Во внешнем облике смешанного местного самодийско-кетского населения и гуннов до начала нашей эры еще отчетливо проявлялись признаки древнего европеоидного населения. Смена физического типа на монголоидный произошла в последующие века. Она была связана с массовым переселением сюда племен центрально-азиатского происхождения в период возвышения во II—IV в. н. э. мощного объединения сянь-би, пришедшего на смену гуннскому государству в Монголии. Многие гуннские племена вошли в его состав. Имеются сведения о том, что после разгрома гуннов в 93 г. н. э. около 100 тыс. семей (до полу-миллиона человек) приняли «народное имя» сянь-би.

Основное ядро сянь-би составляли монголоязычные племена киданей, татабов, монголов и др., выделившихся после распада объединения сянь-би в середине I тысячелетия на самостоятельные группы. В состав обширного государственного объединения сянь-би входили также племена, которые, будучи, по-видимому, монголоидными по внешнему облику, говорили на тюркских диалектах (в частности, впоследствии окитаенные табгачи, основавшие северную династию Вэй (386—532 гг.) и др.).

О возвышении сянь-би в китайской летописи младшей династии Хань (25—220 г. н. э.) говорится, что предводитель сянь-бийцев Тянь-Шихай (умер в 180-х годах) остановил на севере динлинов, которые с падением власти гуннов возвращались в верховья Енисея, и овладел всеми землями, бывшими во владении гуннов, т. е. и Енисейско-Иртышским междуречьем.

Установление сянь-бийского господства в междуречье сопровождалось массовым переселением сюда новых племен,

в том числе говоривших на тюркском языке, которые проживали, по-видимому, в соседних прихангайских областях Северо-Западной Монголии. Монголоидные по физическому типу племена объединения сянь-би, прибывшие во II в. в Енисейско-Иртышское междуречье, либо вытесняли местное население, т. е. частично отюреченных гуннами самодийцев, кетов, динлинов и других, либо перемешивались с ним. «Омонголивание» внешнего облика населения Енисейско-Иртышского междуречья приняло во II—IV вв. широкие размеры. Оно завершилось через два-три столетия почти полной сменой европеоидного облика монголоидным.

Середину I тысячелетия можно считать временем сложения кымакско-кыргызских и других монголоидных племен междуречья на основе местного европеоидного населения и пришлых монголоидно-гуннских, сянь-бийских и других племен Северо-Западной Монголии.¹ Это период образования объединений, которые во второй половине I тысячелетия стали известны под именем кыргыз, кымак, кыпчак, баргут и др.

Примерно к этому времени относится возникновение на юге Енисейско-Иртышского междуречья объединения тюркүтов (тюркского каганата). Легенды о его появлении представляют для нас большой интерес, поскольку в них говорится и о предках кымакско-кыргызских племен.

Согласно легенде, занисанной в китайской летописи династии Суй (правление 557—583 гг. н. э.), прародительница тюркүтов из владения Со на Алтае имела четырех сыновей. Первый из них «превратился в лебедя», второй основал между реками Афу и Цзянь (Абаканом и Енисеем) царство под названием цзегу (кыргут). Третий царствовал у р. Чуси, а четвертый (старший) жил у гор Цзянь-сы Чжучжеши (или Басычу-сиши). Этот сын, став государем, принял имя Түрк. Его 10 жен родили 10 сыновей, которые получили имена по 10 родам матерей².

К этой легенде мы будем обращаться неоднократно. Сейчас обратим внимание на ее расшифровку, во многих отношениях превосходно данную еще Н. А. Аристовым. Легенду о превращении первого брата в лебедя Н. А. Аристов истолковывал, как переселение группы племен на р. Лебедь (правый приток р. Бии, образующий при слиянии с р. Катунью р. Обь).

¹ О смене физического типа и культуры населения Енисейско-Иртышского междуречья см. фундаментальные исследования: Г. Ф. Дебеж. Палеантропология СССР, М., 1948; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1949, гл. VII.

² Пересказ, см.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, стр. 222. Далее цитируется по Н. Я. Бичурину.

Прежнее название р. Лебедь—Куманды). Указание на основание вторым братом владения кыргут (кыргыз) ясно (дополнительные разъяснения см. в следующем параграфе). Владение на р. Чуси некоторые отождествляют с районом р. Чуи на Алтае. Точное определение первоначальной местности, где царствовал старший брат, пока не дано, но в общем известно, что центр владений первых тюркских каганатов находился сначала в пределах Алтая, затем переместился на р. Орхон. Общее владение Со, из которого происходили братья, отождествляют с названием одного из племен сяньби.

Эта легенда представляет для нас интерес прежде всего тем, что в ней говорится об основании двумя первыми братьями владений «Лебедь» (на тюркском языке куу, ак-куу) и «Кыргут» (кыргыз). Они некогда как будто состояли в родстве с народом тюркүт, и их царства возникали примерно в одно время, т. е. около V—VI вв. (При одновременности в полтысячелетия и более легенды вряд ли связывали бы «родство»). Появление названий владений и легенд о них по времени, по-видимому, близко к середине I тысячелетия.

Как явствует из сообщений других китайских летописей, название *кыргут* (*кыргыз*) — красные закрепилось за племенами потому, что они поселились в стране, имевшей древнее название «*Кыргун — Красная*». Уйгуры и некоторые другие соседи в соответствии с их диалектами употребляли диалектные формы *хырхыс*, *кыркыс* — в китайской передаче *хя(р)гяс*, *хя(р)кяс*. Так как китайцы предполагали, что название «красные» отражало внешность, то они соответственно изображали кыргыз «красно-рыжими».

В качестве примера объяснения китайцами происхождения названий кыргут, кыргыз и его тюркских диалектных вариантов—кыркыс, хырхыс и др. по местности «*Кыргун*» («*Красная*») можно привести сообщения китайской летописи X вв. династии Тан (правление 618—907 гг.). Соответствующие тюркские диалектные прототипы даем в скобках.

Хя(р)кяс (хырхыс~кыркыс) есть древнее государство Цзянь-кунь (Кыргун). Иные называют это государство Цзюйу и Цзегу (Кыргу, Кыргут). Племена перемешивались с динлинами. Владение некогда составляло западные пределы гуннов. Гунны поставили (в 99 г. до н. э.) покорившегося им китайского полководца Ли Лин государем у динлинов. Впоследствии (48 г. до н. э.) гуннский предводитель Чжи-Чжи разбил Цзяньгунь (Кыргун), основал там свою столицу. Поэтому племена, впоследствии владевшие этой землей («*Кыргун-Красная*»), ошибочно назывались цзе(р)гу, хэ(р)гу, а также

хэ(р)хэсы (кыргут, хыргут, хырхыс). Все жители высокие, с рыжими волосами, с красным лицом, голубоглазые. Черные волосы считались нехорошим признаком... Их государь воодружил знамя, весь низ которого красный. Их письмо и язык совершенно сходны с уйгурскими. В 758 г. они были разбиты уйгурами, и их посольства не могли достигать Китая. Впоследствии на языке ли (северных «варварских» уйгурско-тюркских племен) их ошибочно называли хя(р)кяс (хыркыс), «что на уйгурском языке значит краснолицый; и это слово еще ошибочно выговаривали цзяцзяс» (хыркыс).¹

Китайские летописцы (в частности автор «Обозрения Танской истории» Ван-Пу, составленного в период 618—691 гг.) объясняли разницу диалектных форм названия кыргут и хырхыс (цзегу и хя(р)кяс «быстрыми и медленными диалектами» разных тюркских племен. А перевод названия, говорится в «Обозрении», «желтоголовый, краснолицый». (Ван Пу, Танхуэйяо, Пекин, 1955, т. III, стр. 1785).

Цветовая «красно-буро-желтая» топо-этнонимика была распространена в те времена у многих племен Енисейско-Обского междуречья. Так как ее происхождение со временем забывалось, а китайские, мусульманские и другие авторы стремились объяснить происхождение, по-видимому, рационально толкуя переводы значений терминов, то в связи с этим появлялись разные легенды. Например, происхождение названия другой области и народа на Енисее — Ала(г) чын объяснялось тем, что в этой стране все лошади якобы были саврасой (желто-бурой) масти — «ала». Название народа куман — половцев (от тюркского *кум*—желтый и древнерусского *половь* — желтый, рыжий) объясняли тоже рыжим, соломенно-желтым цветом волос. По-видимому, аналогичного происхождения и китайская легенда о красно-рыжей «внешности» кыргызов. В действительности кыргызы, будучи как и все их соседи представителями монголоидной расы, не могли резко отличаться от последних. Кстати сказать, это подтверждается самим противоречием в описаниях — «черные волосы считались нехорошим признаком». Оговоркой о «черноволосых», действительно представлявших монголоидный тип енисейских племен, китайские летописцы, вероятно, стремились согласовать наличие реального типа с легендой о «красно-рыжих», которая родилась в результате рационального толкования этнонима *кыргызы*—красно-рыжие. Возможно, в связи

¹ Передача терминов в переводе Н. Я. Бичурина (ук. публ., I, стр. 355) хягас и гягас, в переводе Н. В. Кюнера—ся(р)цяс (Н. В. Кюнере, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 55—60).

с тем же значением топо-этнонима главное знамя правителя кыргыз было красного цвета.

Местом расселения племен кыргыз являлись верховья Енисея от хребта Танну-ола на север. На западе они занимали земли до областей Кубан и Кыркыр на Оби, на севере граничили со страной Ала(г)чын, лежавшей у слияния Енисея и Ангары. Путь в страну кыргыз с юга довольно хорошо описан в ряде источников. По нему в VII—VIII—IX вв. проходили войска тюркских и уйгурских каганов, а также китайские послы.

Войска тюркских и уйгурских каганов при вторжениях с юга, переправившись через р. Селенгу, следовали вдоль Енисея. По нему они проникали до главной ставки кагана кыргыз, находившейся на краю Саянских гор (их тогдашнее название Кӧгман).

Указанным путем вдоль Енисея следовали в 690—730-х годах войска тюркских каганов Капагана, Могиляна и уйгурского кагана, подчинившего кыргыз в 758 г.¹ По той же дороге проходили в IX в. послы и торговцы из Китая. Ее подробное описание содержится в «Новой Танской истории»: «На северо-востоке от реки Селенги Снежные горы... Восточнее Алтая (Цзинь-шань) есть река Кемь (Енисей). Переправа через нее на лодках. Все реки текут на северо-восток. Далее страны хя(р)кяс (хыркыс) они соединяются и на севере впадают в море».² Многие китайские источники того времени, например «Политический свод» Ду Ю, точно указывают на горы Тань-Мань-Шань (Танну-ола) как на южную границу страны кыргыз. Они согласуются с более ранними сведениями о нахождении здесь древней страны Кыргун.

Как указывалось, название «Кырг-ун», существовавшее до нашей эры, означало «Красная страна», или в собирательно-множественном значении «Красные» (места, жители). Позднее прибывшие сюда новые тюркские племена, имея другие диалекты и аффиксы множественного числа —т, —з, к V—VI вв., соответственно изменили произношение кырг-ун на кыргут, кырг-ыз. Но китайское правительство в период подчинения в 648 г. кыргыз снова восстановило древнее название, дав имя наместничеству Цзяньгунь (Кыргун).

Эти факты важно помнить в связи с одним сообщением ле-

¹ Подробное описание см. в надписях в честь Могиляна, Моюн-чура, Кюль-тегина, Тоньюкука и др. в публикациях: С. Е. Малова. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., 1959, стр. 20, 40—41; Его же. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 39, 67.

² Синь Тан-шу, гл. 217, лезжуань 142. См.: Н. В. Кюнер. Указ. публ., стр. 282.

тописи «Суй-шу» (правление династии Суй 581—618 гг.), повторяемым в других сочинениях, которое может ввести в заблуждение. В ней говорится: «Западнее И-у (Хами), севернее Янь-шу (Харашар) возле Белых гор есть (народы) кибй, уху (уйгуры) и цзегу (кыргут)». То же сообщение, с указанием на заимствование, повторяется в «Обозрении Танской истории» X в. Ван Пу. Ее составители в пояснение добавили: цзегу (кыргут) именовались еще хэгу (хергут), хэгучзы (хыргут) и хэхэсы (хырхыс). В «Новой Танской истории» начала XI в. добавляется: «Хя(р)кяс (хырхыс) есть древнее государство Цзяньгунь. Его земли находятся западнее И-у (Хами), севернее Янь-шу (Харашар), по сторонам Белых гор. Некоторые называют его цзюйу (кыргу) и цзегу (кыргут)... хэгу (хергут), хэхэсы (хырхыс). Населения до 100 тысяч... войска 80 тыс. На юге соприкасаются с горами Тянь-мань-шань (Танну-ола)». (Перевод см.: Н. Я. Бичурин. Указ. публ., стр. 350—351). То же сообщение «Суй-шу» перешло в другие летописи.

Указание «западнее Хами», если его рассматривать вне связи с общим описанием, на первый взгляд как будто говорит о расположении страны Цзяньгунь (Кыргун) в VI—VII вв. в пределах Тянь-Шаня, где-то на р. Или. (В связи с этим она на китайской карте, составленной по приведенному указанию, ошибочно помещена западнее Алтая Н. Я. Бичурин, указ. публ., т. III, карта 8-б). Это противоречит всем описаниям страны Цзяньгунь — Кыргун, в самих китайских летописях, которые, как и древнетюркские надписи, везде правильно помещали ее на Енисее и прекрасно описывали путь в нее из Монголии.

Составители и в данном случае имели в виду Енисей, потому что именно его описание следует за указанием «западнее Хами, севернее Харашара». Это указание становится совершенно ясным, как только мы примем во внимание, почему в качестве ориентиров взяты Хами и Харашар. Они оказались ориентирами потому, что китайское правительство пользовалось при сообщении с енисейской страной Цзяньгунь двумя путями: одним—из Монголии, другим—из Восточного Тянь-Шаня. В 639 г. китайское правительство учредило в Восточном Тянь-Шане наместничество Бэйтинфу (современный Урумчи, находящийся несколько севернее дороги Хами-Харашар). Области западнее Селенги и Енисея (в частности, страна Цзяньгунь) находились в подчинении наместничества Бэйтинфу.

Страна Цзяньгунь отстояла от наместничества Бэйтинфу, по определению летописи «Старая история Тан» (гл. 38, чжи 18), в 3500 км на север. Это — очевидное преувеличение. В действительности от Бэйтинфу, как и от Хами-Харашара, все-

го 800—1000 км от Танну-ола, где начиналась страна Цзяньгунь, и лишь 1500 км до Минусинска.

Таким образом, указания о расположении енисейской страны Цзяньгунь на север от Яньшу (Харашара) совершенно правильное, но она была не в пределах Тянь-Шаня, а за Танну-ола. Что касается «западнее Хами», то здесь неточность: в действительности не на запад, а примерно на северо-северо-запад.

Топо-этноним Кыргун, как и пришедшие ему на смену Кыргут и Кыргыз, имея в виду название страны и ее жителей («Красные» местности, жители «Красных местностей») не отражали этнического состава племен, тем более сложение определенной народности. О носителях термина кыргыз можно сказать лишь, что они принадлежали к группе 3~4-языковых. Поэтому будет большой ошибкой рассматривать факт появления термина «кыргыз» как свидетельство сложения этнической общности—народности.

Возникновение объединений племен с общим названием является важным условием их сближения, сложения этнической общности. Но появление названия само по себе не означает, что такая общность сложилась. Известно много случаев, когда процессы сближения даже близкородственных племен протекали медленно, объединения распадались, а входившие в них группы племен обособлялись. Особенно часто это случалось у кочевых народов, часто менявших свою территорию. Должно пройти достаточно времени, чтобы у отдельных племен какого-либо объединения сложилась прочная хозяйственно-политическая, языковая и культурная общность, которую можно было бы считать за начало сложения народности. Одно-два столетия—это минимальный срок.

Особенно осторожно следует подходить к рассмотрению вопроса о времени сложения межплеменной общности у тюркоязычных племен Енисея, именовавшихся кыргызами. Термин «кыргыз» первоначально имел значение топо-этнонима, который не отражал никакой общности, кроме территориальной.

Сложение племен этого края как массива близкородственных племен на основе местного дотюркского и пришлого тюркского населений имело место примерно в III—V вв. н. э., т. е. в общем в одно время с соседними кыпчакско-кымакскими племенами области Кыркыр-хан. Свидетельства о смешении местных и пришлых племен—населения «Красных» местностей (Кыргун) имеются в ряде китайских летописей. Они аналогичны приведенному сообщению «Новой Танской истории»: «Его роды перемешались с динлинами».

Отголоски сообщений о происхождении енисейских кыргызов в результате смешения пришлых племен с местным населением доходят до нас в самих кыргызских преданиях. В китайской летописи «Юань-ши» (XIV в.) передается: «Народ (енисейских) киргизов ведет свое происхождение с тех пор, как сорок девушек Ханьской земли (возможно, китайской династии, правившей до 220 г. н. э. — К. П.) вступили в брачный союз с мужчинами народа усцев. Поэтому и были названы так эти земли», т. е. землями «сорока девушек» или «кыркыз». (Объяснение происхождения названия кыргыз в связи с числительным «кырк — сорок» — неправильная этимологизация). Это — запись XIV в. древней киргизской легенды, дожившей у киргизов до наших дней. Легенда изменилась у тьянь-шаньских киргизов после XIV в. лишь в том отношении, что согласно теперешней передаче 40 девушек забеременели не от мужчин некоего народа усцев, а прикасаясь к воде или будучи брошенными в реку, т. е. от бога реки. И это поразительно, потому что родоначальником усцев считался именно бог реки.

О народе усцев, т. е. можно думать о жителях по реке Ус, протекающей в Саянах, в той же летописи «Юань-ши» передается: усцы, получившие свое имя от названия реки, прожигают к востоку от киргизов. По существующему у них обычаю каждый год, в первой декаде 6-го месяца, убивают белую лошадь, быка и барана, разбрызгивают кумыс. Все усцы омываются в реке, чтобы почтить духов реки, потому что, по преданию, оттуда вышел их родоначальник.

Как видим, современная передача легенды о происхождении киргизов от 40 девушек, забеременевших от бога реки, согласуется с записью ее в XIV в., по которой 40 девушек забеременели от мужчин народа усцев, родоначальником которых был бог реки Ус. В нынешней передаче забыто лишь название той далекой реки, богу которой поклонялись древние предки. Возможно, то была действительно река Ус, а может быть сам Енисей. Как бы то ни было, предания в общем доносят память о том, что предки енисейских кыргызов появились в результате смешения местных племен и народа, пришедшего с юго-восточной стороны.

Этническая общность у пришлых и местных племен Енисейско-Обского междуречья, проявлявшаяся в особенностях их культуры, языка и проч., начала складываться в основном с середины I тысячелетия.

Племена кыргызов находились в то время на высшей стадии разложения патриархально-родового строя. Их быт, по-видимому, еще во многих отношениях сохранял черты патриар-

хально-семейных общин. На это указывает сообщение автора «Политического свода» Ду Ю (735—812 гг.) о большой численности их семей в описываемое время VI—VIII вв. В каждой семье, пишет он, могло быть 500—1000 человек, которые имели общий дом, одну кровать и одеяло. Женщины и мужчины жили вместе, их нравы — весьма свободны. Хотя здесь, наверное, некоторые преувеличения и непонимание китайцами сути отношений, но само их «удивление» достаточно показательно.

История кыргызов VI—VII вв., зарождение у них раннефеодальных отношений и государства говорят о появлении крупной феодально-родовой знати в лице биев. Среди них было три главных, которые управляли всем народом: хэси-бий, цзюйшапо (или шабоцзюй) -бей и ами-бей. Тюркские значения их названий пока не расшифрованы. Пояснение «Новой Танской истории» (гл. 217) интересно. Глава посольства кыргызов 643 г. в Китае носил имя-звание Чжу-у Хэсу. Чжу-у видимо, соответствовало тогдашнему общетюркскому титулу «чур». Хэсу (хэси) в летописи пояснено: «хэ—отважный», «со—левый» (сол). Летописцы объясняли его значение «искусный стрелок с левой руки». Поскольку титул хэсу (хэси) был традиционным у одного из трех главных биев, китайское объяснение его значения сомнительно. Может быть, его следует связывать с названием левого крыла (сол).

Сложение устойчивого территориально - государственного объединения кыргызов в VI—VII вв. отражало определенную ступень формирования межплеменной общности.

Хотя государственное объединение кыргызов появилось на исторической арене, по-видимому, одновременно с объединением тюрков—түркүт на Алтае, по размерам и могуществу оно ему уступало. Соседние тюрко-алтайские племена в середине VI в. подчинили всех кочевников от Монголии до Черного моря. Их государство включало массу разных племен. В конце VI в. тюркский каганат разделился на две части: восточную и западную. В этот период много племен түркүтов переселилось с Алтая к Орхону и на Тянь-Шань.

Население Енисейско-Иртышского междуречья в ходе борьбы между восточными и западными каганами было в подчинении то одних, то других. Борьба сопровождалась частыми передвижениями разных племен в междуречье, в частности тех же түркүтов, уйгур и др. Памятниками их пребывания являются надгробные надписи Тувы и соседних областей. По-видимому, некоторые из огузских родо-племенных групп не ушли с общей массой своих соплеменников на запад, а остались и перемешались с местным населением. Первенст-

вующее положение в Монголии после тюркютов перешло к объединению токуз-огузов во главе с уйгурскими племенами, центр которых находился на р. Орхоне, стекающей с восточного склона Хантайского хребта. Их государство известно в истории под названием уйгурского каганата. Уйгуры в 748 г. установили господство над племенами кыргыз Енисейско-Иртышского междуречья.

Государство уйгуро-огузских племен, как и существовавшие до него каганаты тюркютов, было непрочным, недолговременным. Предводители крупных племенных групп вели между собою борьбу за верховенство, вовлекая в нее родо-племенную знать подвластных народов. Один из могущественных вассалов уйгурского хана по имени Цзюйлоу, призвал в 840 г. на помощь кагана кыргыз, которые уже около двух десятков лет вели борьбу против уйгурского кагана.

Каган кыргыз, вмешавшись в распри уйгуро-огузского объединения, разгромил уйгурского хана на Орхоне и временно перенес свою ставку на Танну-ола, на расстояние пятнадцатидневного пути от бывшей ставки уйгурского хана. Часть разгромленных уйгурских племен переселилась со своей родины к Восточному Тянь-Шаню.

Большинство токуз-огузских племен Хангайско-Алтайского нагорья, подчинявшихся ранее кагану уйгур, признали верховенство кагана кыргыз. То был период возвышения их могущества. Имея в виду состав кыргызских и уйгуро-огузских племен, входивших в государственное объединение кыргыз того времени, необходимо помнить в общем об их этнической близости. Она отражалась в культуре, обычаях, языке и проч. Например, китайские летописцы прямо указывали, что язык и письменность кыргыз совершенно сходны с уйгурским. Это подтверждается и памятниками орхоно-енисейской письменности.

Государственное объединение под верховенством кыргыз было тоже непрочным. Лет через 15—20 верховенство кыргыз перестали признавать племена токуз-огузов. Токуз-огузы составляли большинство населения Хангайско-Алтайского нагорья: их земли простирались от Орхона до Восточного Тянь-Шаня. Отпадение токуз-огузских племен фактически означало сокращение «великокыргызского» государства до прежних размеров. Через несколько десятилетий (в начале X в. н. э.) в Монголии возвысилось объединение монголо-язычных киданей, некогда входивших в состав сянь-би. Они положили конец власти кыргыз за р. Селенгой и на Хангайском нагорье. На западе в период упадка власти кагана кыргыз возвысились объединения кыпчакско-кымакских племен.

Племена кыргыз после кратковременного возвышения их государственного объединения сохраняли различия в диалектах, обычаях, т. е. не представляли собою единой сложившейся народности. В «Книге о пределах мира» X в. («Китаби Худуд ал-Алам») описано несколько разновидностей кыргызских племен. «Богатство киргизов, — говорится в ней, — составляют овцы, коровы и лошади. Они кочуют в поисках воды и травы; живут в кибитках и юртах, занимаются охотой. В их стране добывают много мехов соболей, горностаев и белок.

Фури (или хори, кори) — народ тоже из киргизов. Люди этого племени живут восточнее других и не смешиваются с прочими киргизами. Другим киргизам их язык мало понятен. Недалеко от них находится город Кемиджкет, где живет главный киргизский каган (хан).

Касим (или кистим) — название другого народа также киргизов. Люди (из него) селятся по склонам гор, живут в юртах, добывают меха, мускус, рог и пр. (Это — один из киргизских родов). Речь людей, которые к нему принадлежат, ближе к карлукской, а по одежде они похожи на кимаков» (Худуд ал-Алам, л. 17).

Эти описания IX—X вв. наглядно показывают, что племена енисейских кыргыз, так сказать в «общекиргызском» масштабе, не имели в то время достаточной общности в языке, одежде, обычаях и проч., сильно различались между собою. Даже близ города главного киргизского хана жило много таких племен, диалект которых был плохо понятен другим. Они представляли собою конгломерат значительного числа племенных групп.

Характерным для этнической истории племен Верхнего Енисея в конце I тысячелетия было их общее продвижение с юго-востока на северо-запад по мере усиления напора монголоязычных племен. Массив тюрко-монгольских племен Южного Прибайкалья, объединявшихся под общим названием «баргут» (достигавших численности до трети миллиона человек), постепенно перемещался к верховьям Енисея и на Енисей. Общее освещение их передвижения дается в следующих параграфах, здесь мы хотим отметить лишь интересные названия некоторых племен, упоминаемых в китайских летописях наряду с прибайкальскими тюркоязычными народами, входившими до IV—V вв. в состав «поколений» тэлэ (толес). В частности, упоминаются племена хусе (хусье) и байси, сицзе (хигийе), сыцзе (сигйе)¹. Хусе жили севернее теленгу-

¹ См.: Н. Я. Бичурин. Указ. публ., т. I, стр. 349, 350 и др.

тов (доланьгэ), находившихся в то время южнее Танну-ола. Судя по размерам войска (до 10 тыс. человек), они были небольшим племенем. Примерно такой же была численность байси. Сыгье имели два поколения с войском до 20 тыс. Заманчиво было бы отождествить названия хусе (хусье) и байси с названиями родо-племенных групп кушчи и багыш у алтайцев и киргизов, а сыцзе (сигье) с тогдашними племенами чиков. Может быть, родо-племенные группы кушчи и багыш — осколки этих племен. Но к этому предположению следует подходить с большей осторожностью.

Южная граница расселения племен енисейских кыргыз после их возвышения оставалась по хребту Танну-ола. На западе они, по-видимому, удержали власть над периферийными кыргызскими племенами области Кыркыр-хан.

В китайских источниках X в. имеются сообщения о пребывании главной ставки кагана кыргыз в пределах Восточного Алтая, т. е. где-то поблизости от Кыркыр-хан. По-видимому, к этому периоду следует отнести окончательное слияние кымакско-кыргызских племен Кыркыр-хан (впоследствии составивших правое и левое крыло тянь-шаньских киргизов) с некоторыми племенами собственно «енисейских» кыргыз в частности с группой ичкилик и др.

В XI—XII вв. кымакско-кыргызские племена этого края несколько оттеснялись их южными соседями — найманами, выделившимися из бывшего объединения уйгуро-токуз-огузских племен. Найманы в предмонгольское время (до XIII в.) занимали большую часть Алтая.

В описании границ страны кыргыз и их соседей на рубеже XII—XIII вв. в «Сборнике летописей» Рашид ад-дина говорится: «Страна киргизов и Кэм-Кемджиут составляют одно владение. Кэм-Кемджиут (передача названия страны Енисея и енисейцев.—К. П.) большая река; одна сторона ее (бассейна) граничит с областью монголов, с Селенгой, где живут (монгольские) племена тайджиутов, другая сторона граничит с бассейном реки Ангары, доходя до области Ибир-Сибир. Третья сторона Кэм-Кемджиута соприкасается с местностями и горами (Алтая), где живут племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из которых некоторые монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области».

В том же сочинении о предках нынешней группы ичкиликов, именовавшихся тогда объединением булагачи и кэрэмучи, говорится, что они жили «у самого края страны киргизов» в упомянутой местности Баргуджин-Токум.

В Енисейско-Иртышском междуречье, кроме племен, при-

числявшихся к кыргызам, проживало также много других мелких близкородственных им групп, которые не причислялись ни к каким народам, но именовались по названиям местностей. Их названия и состав рассматриваются нами в следующих параграфах.

В научной литературе прошлого столетия высказывались гипотезы о происхождении тянь-шаньских киргизов от кыргыз Енисея, переселившихся на Тянь-Шань до начала нашей эры (Н. А. Аристов) или в I тысячелетии н. э. (В. В. Радлов и др.). Хотя современный уровень развития антропологии, лингвистики и общей тюркологии, археологии и других смежных наук показывает их несостоятельность, тем не менее некоторые исследователи до сих пор делают безуспешные попытки найти какие-либо «подтверждения» этим устаревшим гипотезам. При этом допускаются предвзятые толкования письменных источников. Наши комментарии основных свидетельств, дававших поводы к неправильным предположениям, содержатся в ранее вышедшей книге¹. Комментарии других, заслуживающих внимания сообщений, даются в последнем параграфе следующей главы. Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть два факта. Комментаторы письменных источников, не зная значения термина «кыргыз» как топо-этнонима («Красная» страна) проводили границу этой страны по Тянь-Шаню, что исключено. Обычно упускалось из виду, что язык населения Тянь-Шаня до XIII в. относился к иной языковой группе (карлукской) в отличие от языка енисейских кыргыз (группы уйгуро-туцзюе) и что язык современных тянь-шаньских киргизов не мог развиваться в результате скрещивания этих групп. Это язык третьей языковой группы.

§ 2. Кымакско-кыргызские племена верховьев Оби

Состав и история племен верховьев Оби в источниках второй половины I тысячелетия освещены очень плохо. Дошли только отдельные отрывочные сведения. Известно лишь, что от Иртыша до Оби существовало крупное объединение народа кымак — западных соседей енисейских кыргыз². Его довольно хорошее описание содержится в анонимном географическом сочинении IX в. «Худуд ал-Алам», написанном по

¹ К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв., Фрунзе, 1961.

² Название кымак в персоязычной литературе передавалось кимак (аналогично кипчак вместо кыпчак). С точки зрения фонетики тюркских языков правильное кымак. Толкование значения термина дается в конце параграфа.

материалам более ранних сочинений (Ибн-Хордадбега и др.).

«Страна кимаков, — говорится в указанном сочинении, — такова, что к востоку от нее (проживает) одно из киргизских племен, на юге находится река Иртыш... к западу — некоторая часть кипчаков, а на севере — необитаемые области... В ней всего один город и множество племен. Ее жители обитают в юртах, кочуют летом и зимой в поисках пастбищ... Их богатство составляют соболь и овцы, пищей служит летом молоко, зимой — сушеное мясо. Правителя кимаков зовут хакан (хан). У него в стране 11 наместников, подвластные им области переходят по наследству (от отцов) к сыновьям.

Андар аз кифчак (кипчак) — область кимаков, жители которой по некоторым обычаям напоминают (о) гузов. Кыркы-хан — еще одна область, которая принадлежит кимакам, ее жители по обычаям похожи на киргиз». (Указ. публ. В. В. Бартольда, Л., 1930, л. 18-б).

Более обстоятельное описание страны кымаков, ее границ и путей в нее содержится в «Украшениях известий» XI в. Гардизи, который черпал сведения из источников VIII—IX вв. Согласно его данным, основными племенами кымак являлись: ими, имек, татар, баяндер, кыпчак, ланиказ и аджлад. Они происходили от «татар», пришли на Алтай к Иртышу с юго-восточной стороны. Их страна с юго-запада начиналась от Иртыша, на востоке доходила до горы Ман бек-лу, за которой лежали владения кыргызов. (Описание страны и пути см. Гардизи в публ. «Записки АН», СПб., 1897, VIII серия, т. 1, № 4, стр. 82—84, 106—107 и др.). Сообщения о приходе предков кымаков со стороны Северо-Западной Монголии имеются также в ряде китайских источников.

Хотя кымакские племена были близкородственны между собою, но все же кымаки, как и кыргызы, в общем не представляли сложившуюся народность. В их среде выделялись несколько групп, в частности племена, имевшие название кыпчак. Наиболее раннее упоминание имени кыпчак (кыбчак) в тюркских источниках, относящееся к VII в., содержится в надписи середины IX в. уйгурского кагана Моюн-чура. «Кипчаки, — как разъясняется в сочинении «Худуд ал-Алам», — есть народ, который будучи отделенным от кимаков, поселился в этих местах. Но кипчаки более грубы, чем кимаки. Их правитель (назначается) со стороны (хана) кимаков» (там же, л. 19-а). Примерно то же сообщается в словаре XI в. Махмуда Кашгарского. Говоря о кымакском племени имек, занимавшем до XI в. среди остальных первенствующее положение, автор писал: «Имеки было племя тюркского языка,

как мы сказали кыпчак. (Но) сами кыпчаки считают, что они — отдельная ветвь».

Название объединения кымак существовало до конца X — начала XI вв., когда часть его племен под названием куман-половцев переселилась в Причерноморье. Главную роль на территории бывшей страны кымаков с XI в. стала играть группа племен кыпчак. Племена, входившие в состав объединения под верховенством кыпчаков, стали именоваться с этого времени кыпчаками. В последующие века это название было распространено на другие родственные алтайско-саянские племена до приенисейской области, в том числе на племена, ранее входившие в государство кымаков и енисейских кыргызов, которое распалось. Кыпчаки подчинили также племена куман-половцев Причерноморья, установили господство над канглами и другими племенами, которые тоже стали причисляться к кыпчакам. В результате этого название кыпчак в XI — начале XII вв. было распространено на огромный массив племен от Енисея до Тянь-Шаня и Черного моря.

Отдельные группы племен наряду с общим собирательным названием кыпчак в первое время сохраняли свои старые названия. Через несколько веков они были забыты и исчезли:

Племена кыпчак сыграли большую роль в сложении народностей казахов, алтайцев, киргизов и узбеков. Своим особым родством между собою они обязаны более всего кыпчакам.

Кыпчакские племена в начале II тысячелетия н. э. занимали территорию, простиравшуюся почти от Енисея до Тянь-Шаня и Волги. Затем в XIV—XV вв. их объединение распалось. Некоторые из племен, входившие в его состав, переселились на Тянь-Шань и в Западное Притяньшанье. Кыпчакские племена, переселившиеся на Тянь-Шань вместе с кыргызскими, вошли в состав киргизской народности, а переселившиеся в Западное Притяньшанье, на территорию современного Узбекистана, вошли в состав народности узбеков. На основе племен, оставшихся на территории современного Казахстана, сложилась народность казахов¹.

В числе областей, подвластных кымакскому кагану, особенно внимания заслуживает сообщение «Худуд ал-Алам» об области Кыркыр-хан, жители которой по обычаям были похожи на кыргызов. В данном описании нет прямого указания на этническую принадлежность жителей Кыркыр-хана к кыма-

¹ О роли кымаков и кыпчаков в этногенезе киргизов см.: К. И. Петров. Киргизско-кыпчакские отношения. «Изв. АН Киргиз. ССР, сер. Обществ. наук», т. III, вып. 2, Фрунзе, 1961.

кам или к кыргызам. Видно лишь, что она «принадлежала» кымакам, выделяясь из их прочих областей (поэтому о ней и упомянуто).

Анализ ряда свидетельств дает основание предполагать, что область Кыркыр находилась на границе с владениями енисейских кыргыз — примерно в верховьях Оби, при слиянии Бии и Катунь. Она, может быть, периодически переходила то в подчинение кымаков, то приенисейских кыргыз, а ее жители по обычаям, языку, культуре и пр. занимали как бы промежуточное положение между кыпчакско-кымакскими и кыргызскими племенами.

Смешанный характер кымакско-кыргызской культуры у племен верховьев Оби подтверждают археологические материалы этого района, относящиеся к времени до середины IX в. Например, инвентарь погребений в известном кургане близ с. Сростки, на р. Катунь, будучи связанным с древними местными алтайскими традициями, резко отличающимися от приенисейских, имеет вместе с тем ряд характерных черт более развитой материальной культуры енисейских кыргыз¹.

Это свидетельствует о том, что жители юго-восточной кымакской области Кыркыр-хан не только «по обычаям походили на (приенисейских) кыргызов», но отчасти и по материальной культуре, причем сходства имели место еще до возвышения в середине IX в. енисейских кыргыз, когда они распространяли власть на ряд пограничных кымакских племен.

На этот факт следует обратить тем большее внимание, что в преданиях тьянь-шаньских киргизов XVI в., зарегистрированных в сочинении Сейф ад-дина Ахсикенти «Маджму ат-таварих», название Кыркыры фигурируют в качестве родины киргизов, а дружинники Манаса — главного героя эпоса — имеют название **кыркыринцев — кыпчаков**. Киргизские племена именуется в этом сочинении чаще кыпчаками и сравнительно редко кыргызами (напомним, современный киргизский язык принадлежит к кыпчакской группе). Имя Кыркыры имел также «отец» Джакыпа, «дед» Манаса.

Название кымакской области Кыркыр-хан и общее название кыргыз и их страны представляют две формы от одного прилагательного кыр(ы)г. Разница между кырк-ыр и кырк-ыз лишь в аффиксах множественного числа — *p/-з*. Первый, по-видимому более древний, принадлежал западногунским *p/-языкам*, второй *з-языкам*. Примеры чередования звуков *p/-з* в современных языках дают сопоставления одних и тех

¹ См. С. В. Кисилев. История народов Южной Сибири. «Тр. ИИМК», М., 1949, стр. 310—314.

же слов из современного чувашского и других языков. Например, чувашское *варах* — долго в других языках *узак*, чувашское *хер* — девушка в других *кыз*, чувашское *куран* — котел в других *казан* и др.

Название «Кыркыр — Красные (местности)» было связано, по мнению автора данной книги, с особым, красно-бурым цветом почв этого района — северной и западной части бассейна Телецкого озера, что имело следствием особую концентрацию здесь и в позднейшее время локальных тюрко-монгольско-русских топонимов с определением «красный», «желтый» и др. Диалектные формы локальных топо-этнонимов от прилагательных *кырыг*, *кызыл*, *куба*, *ула(г)ан* и др. сохранились здесь до XVII в.¹

Можно думать, что название Кыркыр — «Красные» места, «Красные» племена было оставлено древними племенами булгарской языковой группы, проходившими по территории Енисейско-Иртышского междуречья в раннегуннское время. Оно удержалось лишь как название сравнительно небольшой местности и по ней небольшой группы племен на Оби. Но так как язык племен, вселившихся в начале I тысячелетия н. э. на территорию Енисея являлся 3-языком, то общее название всех племен от того же слова *кырыг* оформлялось соответственно аффиксом 3, т. е. произносилось кыр(ы)г — ыз.

Таким образом, в конце I тысячелетия существовали две формы названия: Кыр(ы)г—ыз—общее название страны и конгломерата племен от Енисея до Оби и локальное Кыр(ы)к—ыр—небольшой местности, находившейся на окраине расселения кыргызов, где по р. Оби проходила их граница с кымаками и где жили полукумакско-полукыргызские племена, «походившие по обычаям на кыргызов»².

Название Телецкого озера произошло, вероятно, от имени древнетюркского объединения племен толес. Телецкое озеро именовалось у местного населения также Алтын-кӧл³. *Алтын кӧл* — Красное озеро (*алтын* ~ *алчин* от корня *ал*—красный)⁴.

¹ См. топо-этнонимы (по русской терминологии «землица» и название племен) кергес, кергеж, керексур (кырыксар), кызылы и др. в указ. статье: К. И. Петров. К этимологии термина кыргызы.

² Там же.

³ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924, стр. 30.

⁴ Между прочим, того же происхождения топоним Алтай и современное название алтайцев (алтай кизи). В древности имя Алтын даг носила одна из вершин, название которой со временем распространилось на большое нагорье. Алтай и Алтай варианты н-диалекта и ј-диалекта. Мусульманские авторы переводили значение Алтын (Алтун) даг «Золотая (-Красная) гора». Китайские летописи именовали Алтай «Цзинь-Шаньем», буквальный перевод — «Красная (-Золотая) гора».

Жители местности Кыркыры, принадлежавшие к 3-языковой группе, по-видимому, именовали себя на своем языке не кыркыр, а кыргыз. Вследствие этого непонятная форма топонима (кыркыр) со временем исчезла.

Легенда о первоначальной родине тянь-шаньских киргизов Кыркыры, находившейся на Северном Алтае в районе Телецкого озера и верховьев Оби, согласуется с другим локальным топо-этнонимом этого района, пожалуй, не менее примечательным, чем Кыркыр.

В составе северных алтайцев имеются две группы с самоназваниями куманды=кижи и куу=кижи, занимающие бассейн р. Лебедь (в прошлом Куманды), правобережного притока Бии. Их названия произошли от древнетюркского прилагательного куу~кум~куб, обозначавшего в разных тюркских языках цвет от красноватого до желтого, бледно-желтого и бледного¹. В XVI—XVII вв. в этом районе были известны варианты локальных топо-этнонимов кобын и кобий того же происхождения. Формы перечисленных топо-этнонимов расшифровываются следующим образом. *Кобын~Кубан*—форма н-диалектов, которой в других диалектах соответствует кобий (*н~й*), кобыл. *Куман-ды*—вторично образованная от множественного числа форма прилагательного с аффиксом -ды (-лыг). Она появилась, когда значение куман — желтые как формы множественности-собирательности было, вероятно, забыто и воспринималась в единственном числе— («желтый», в связи с чем стало возможным наращение аффикса —ды. Форма топонима куу—(*кү*) образовалась в результате закономерного перехода согласного+гласного в долгий гласный: *куш*→*куу* (аналогично *таш*→*тоо*—гора).

Таким образом, топо-этнонимы *Куман~Кобын* означали «желтые» (местности, племена). То же первоначальное значение современных названий куманды-кижи и куу-кижи— «желтый народ» (*кижи* — человек, народ).

Топо-этноним Куман (Кубан) был известен, как указано, в качестве самоназвания группы кымакских племен, переселившихся в Причерноморье. Принесенный куманами топоним Кубань сохраняется до сих пор на Северном Кавказе. Местность с таким названием существовала, по-видимому, и на

¹ Специальное исследование производных от «куу~кум~куб» топо-этнонимов см. в указ. статье К. И. Петрова «К этимологии термина кыргыз». В русский и другие славянские языки «кум» перешло в форме «кумаш», «кумач» («кумак» — белорусский). См.: А. Г. Преображенский. Этимолог. словарь русского языка, т. I, М., 1959, стр. 412; В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. II. СПб., 1898, стр. 1048.

первоначальной родине племен куман в верховьях Оби, где название реки Куманды сохранялось до недавнего времени.

Примечательно, что языки куман — половцев и современных северокавказских народностей — карачаевцев, балкарцев, кумыков и др., составляющие кыпчакско-половецкую подгруппу, близкородственны киргизскому и алтайскому языкам и входят вместе с ним в кыпчакскую группу языков. Это подтверждает принадлежность прежних носителей этих диалектов к общему массиву кыпчакско-кымакских племен¹.

Наивная этимология еще в I тысячелетии ассоциировала этноним от прилагательного *куу* ~ *кум* ~ *куб* с названием *куу*, *ак-куу* — лебедь. С нею связана китайская легенда о «превращении в лебедя одного из четырех братьев — основателей царств. Ее можно рассматривать как предание о создании первым «братом» в Приалтайском районе территориально-государственного объединения с названием от прилагательного *куу* (куман или кымак. См. далее).

Согласно устойчивым генеалогическим преданиям тяньшаньских киргизов, родоначальниками их левого и правого крыла считаются Куул (Куу уул, или огул, Кубул, Кобыл, Кабыл) и Акуул (Ак-куу огул, Абыл). Происхождение имени родоначальника левого крыла от прилагательного *куу* ~ *куу* ~ *куб* подтверждается наличием двух вариантов (Куу, Кубул). Поскольку значение *ак-куу* — желтый в тюркских языках совпадает с *куу*, то имя родоначальника Ак-куу есть дублет того же Куу. Стяженная форма его имени Абыл образовалась: Ак-кобыл (кабыл) → Акабыл → Аабыл → Абыл. Дублирование одних и тех же имен — обычное явление в генеалогических преданиях.

Дублированием объясняется наличие в числе предков Куу огула, Ак-куу огула и всего киргизского народа родоначальника Сары бия — от *сары* — желтый. Порядок следования родоначальников: Кыргыз бай, ..., Сары бий, Домбур, Долон бий, Куу огул, Ак-куу огул². Куу уул и Ак-куу уул, по преданиям, имели третьего брата Кызыл уула (от *кызыл* — красный).

¹ А. Пономарев. Куманы-половцы. «Вест. древней истории», 1940, № 3—4.

² Имя Долон может быть диалектным вариантом древнетюркского этнонима телис, толес (с переходом начального *t* → *d* при конечном *n*). Переход начального *t* → *d* иллюстрирует название племен доолос (от *тöлös*) правого крыла и группы ичкилик киргизов. Форма этнонима с *-n* возможна в названии теленгут (в названии тюлют у тувинцев вместо *n* конечное — *t*). Дэлэн, или долен, в киргизском языке, отличающемся последовательной гармонией гласных, перешло в долон. Форма олицетворенного этнонима, Долон, будучи рано забытой, подверглась иной фонетической обработке, чем *дöблös*.

С цветовой топо-этнонимикой связаны также древние предания о происхождении киргизского народа от красной собаки (кызыл тайган), от которой якобы забеременели 40 дев, родившие 40 родоначальников племен (Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 297—308).

Происхождение имен родоначальников Сары бия, левого и правого крыла Куу огула и Ак-куу огула от *куу* ~ *куб(а)*, *сары*—желтый подтверждается наличием значительного числа родоплеменных групп и родов, образованных от тех же корней. Например, одно из главных родо-племенных подразделений чериков (правого крыла) имеет название куба. Названия входящих в него родов кумач, кызыл тукуму, сарычаа, означающих в переводе «красный», «желтый», конечно, не случайные и прекрасно иллюстрируют первоначальное значение их собирательного имени куба. Роды кубат (*куба*+аффикс множ. числа —*т*) имеются во многих племенах правого и левого крыла, например, у сары-багыш, солто, адыгене — правого, мундуз, саруу и др. — левого крыла.

Народная этимологизация топо-этнонимов от *куу*—*куб* и имен родоначальников в связи с красно-желтой топо-этнонимикой и значением *куу* (*ак-куу*) — лебедь объясняет нам происхождение многих имен, действующих лиц и сюжетов киргизских генеалогических преданий и эпоса Манас.

Главный эпитет Манаса—Канкор — «кроваво-красный»¹. Другой вариант того же эпитета— Хонгор. Имя его главного врага Конгур бай—буквально «Красный бай» (от тюрко-монгольского конгур (хонгор) — красно-коричневый)². Имя коня Манаса, фактически его двойника, Аккула — «темно-крас-

Имеются основания предполагать, что часть племен кымак, в частности группа района Телецкого озера, выделилась из объединения толес (во времена существования тюркского каганата толесы и тардуши образовали два крыла тюркских и огузских племен). Имя родоначальника Долона (вместе с названиями основных киргизских племен дӱӱлӱс) приоткрывает древнейшую историю предков киргизского народа.

¹ Канкор от «кан-кровь, красный». Манас соответственно ему изображается проливающим кровь и т. д. Некоторые манасоведы усматривали в этом отголоски жертвоприношения, связанные с кровопролитием. В действительности, по-видимому, в рациональном толковании эпитета «Канкор».

² В связи со значением имени противника Манаса, Конгурбая («Красный бай»), заслуживает внимания аналогичное явление в каракалпакском и казахском эпосе, складывавшемся среди кыпчакских племен. Главный герой эпоса Коблан имел в качестве главного противника Кобикли. Форма обоих имен могла образоваться от *куш* ~ *коб*: *коблан* <*коб(ы)л*=*ан*<*коб-ыл*<*коб*; *кобикли* ~ *кобыклы*<*кобык-лы*<*коо-ыг*. Буквальное значение имен Коблан и Кобикли — «Желтый».

ный» (саврасый). Возможно, того же происхождения второй основной эпитет — имя Манаса «а(р)слан», воспринимаемый в настоящее время как «лев». В действительности он мог произойти от прилагательного *ар* (*ар-сал*, *ар-сыл*), передающего цвет между красновато-коричневым и серым, с аффиксом —*ан*¹.

Варианты имени «деда» Манаса, старца и старшего в его дружине Кыргыз, Кыргыз, Кыркыр—«красный».

Особое место в эпосе, в частности в цикле Семетея, занимает фигура Ак-куу и Ай-Чурөк—невесты сына Манаса, Семетея, и старшей над коллективом 40 девушек—родоначальниц киргизского народа.

Генеалогические предания о родоначальниках Сары бие, левого и правого крыла Куу огуле (Кубуле) и Ак-куу огуле, называя родо-племенные группы киргизов куба и кубат, как и многие другие нити, ведут нас в правобережный район верховьев Оби, где еще в прошлом веке были известны группы с названием кобын, кобий (кобыл) и где ныне проживают куу-кижи и куманды—«желтый народ». Туда же ведут нас предания, связанные с самим Манасом.

Одной из характерных черт киргизских преданий является отражение в них особого почитания предками киргизов духов воды. Это, конечно, не случайно. Согласно китайским и арабо-персоязычным источникам, у енисейских кыргызов IX—X вв. основным был культ воды, а жрец именовался кам². Духи воды — реки являлись главными божествами также у кымакских племен. Главным объектом поклонения были духи р. Иртыша. «Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее,

¹ Образование формы прилагательного *аслан* < *арслан* < *ар-сыл-ан* < *ар-гыл* (см. статью К. И. Петрова. К этимологии термина кыргызы). Возможно, с цветовым значением а(р)слан связано также наименование киргизов XV в. «арслан кыргызлар» Монголистана, которое современники истолковывали как «львы» — кыргызы. На самом деле оно могло означать «желтые кыргызы» как дублированный этноним «Желтые (сары) уйгуры» именовались в китайских летописях (Ляо-ши, гл. 36, чжи 6) тоже «а(р)слан уйгурами» (наше внимание на это обратила Г. П. Супруненко, за что автор приносит ей благодарность). При толковании «арслан» необходимо помнить о двух его значениях (как, например, «кулан» — обозначение рыже-красного, буланого цвета и название животного).

С цветовыми эпитетами Манаса, возможно, семантически связано имя его двойника Алмамбета: *Ал-мам-бет* < *Ал-ман-бет* (переход *нб* → *мб*) *Ал-ман* — Красный Ман (прилагат. *ал*—красный *ман* — корень имени Манаса).

² Синь Тан-шу, цз. 217 (Н. Я. Бичурин, указ. публ., т. 1, стр. 350). Слово «кам» заимствовано у дотюркского населения. По-кетски кам—вода, река». Отсюда древнетюркское навание Енисея Кам (Кэм). Алтайский жрец — шаман тоже имели название «Кам».

поклоняются ей и говорят: «Река — бог кимаков», — писал Гардизи, сообщая в связи с этим интересную деталь об омовении в Иртыше жены предводителя кимаков, что представляло собою символический акт общения (оплодотворения) с духом воды¹.

Следы почитания предками тянь-шаньских киргизов духов воды сохраняются во многих преданиях и обычаях киргизов. Они видны в предании о 40 девушках-родоначальницах, которые, забеременев при прикосновении к воде, родили 40 сыновей². Другая древняя легенда в «Юнь-ши», повествует о том, что 40 девушек забеременели от мужчин народа ус, родоначальником которых был бог реки Ус. По наблюдениям этнографов, «одним из наиболее распространенных способов лечения бесплодия среди киргизских женщин, было посещение... местностей, считавшихся священными... В Чуйской долине такой местностью являлся источник Иссык-Ата. Женщины, чтобы излечиться от бесплодия, по грудь погружались в воду»³.

В Таласе бесплодные женщины с той же целью пили воду из источника (родника) недалеко от мазара Манаса. По преданиям, источник образовался на месте следа, оставленного копытом коня Манаса. Вода этого источника якобы способствовала оплодотворению женщин.

Оба обычая, как и ряд им подобных, по-видимому, восходят к обрядам, связанным с культом воды и омовениями в воде, символизировавшими общение с духами—божествами водной стихии. В древности омовения совершались в определенных местах и носили массовый характер, представляя своего рода сатурналии. Должно быть, с ними связан у киргизов запрет девушкам приближаться к воде (ручью, роднику и проч.) с наступлением сумерек. В случае крайней необходимости (при отсутствии в доме мужчин) они должны были идти за водой обязательно в сопровождении детей⁴.

Предания о культе воды и духах-божествах водной стихии широко представлены в сюжетах эпоса Манас, которые,

¹ Гардизи. Украшение известий. «Зап. АН, серия VIII», т. 1, № 4, СПб, 1897, стр. 82—83 и 105—106.

² «Тр. Киргиз. археол.-этнограф. эксп.», т. 1, М., 1956, стр. 140.

³ А. Джумагулов. Некоторые обычаи и обряды дореволюционной киргизской семьи. «Изв. АН Киргиз. ССР», т. 1, вып. 1 (История), Фрунзе, 1959, стр. 80.

⁴ Последнее представляет собою, по-видимому, следы тех же сатурналий у воды. Возможно, этим объясняется сюжет эпоса, связанный с бегством Каныкей, жены Манаса, после смерти отца к озеру на руках с сыном Семетеем.

как обычно в таких случаях, подвергаются многократным дублированиям, варьируются.

Во всех циклах эпоса при каждом удобном случае описываются переправы через реки, сопряженные с риском для жизни героев, со сценами их утопания и спасения, что, возможно, представляет тему смерти и воскресения водного божества. В частности, при переправах через реки тонут и спасаются (умирают и воскресают как духи-божества) сам Манас, его сын и двойник Семетей, их двойник Күльчоро и др.

Особенно примечателен в этом отношении цикл эпоса, связанный с Семетеем. Он в большей мере сохранил сюжеты водной стихии и древнейший праобраз Манаса, связанный с куклами воды. Это объясняется, по-видимому, тем, что предания, связанные с образом Семетей, будучи «второстепенными», менее подвергались переработке, чем предания, связанные с образом Манаса, очень рано ставшего главной фигурой героического эпоса.

Сюжет цикла Семетей начинается со смерти Манаса. Его жена Каныкей после смерти Манаса бежит к озеру Кен-Көльчук (көльчук—озерко). У нее на руках младенец Семетей, которого она на озере передает на воспитание своему отцу, т. е. деду Семетей. Бегство Каныкей к озеру—воде и фигурирующий здесь же младенец Семетей означают бегство к божеству воды.

Именно поэтому Семетей, как только подрос, отправился к реке Талас. Мать напутствует его: «К твоему приезду вода в Таласе прибудет, но ты не бойся, переезжай ее в любом месте, тебя стерегут духи твоего отца и 40 чоро и помогут тебе. Если они встретят, ты можешь без страха ехать дальше, если же духи не появятся, не откроют тебе тайну (т. е. если ты не общишься к духам воды), ты с того места поворачивай обратно».

Когда Семетей достиг реки Талас и стал переправляться через нее, было половодье, река бурлила, водяные боги волновались. Семетей, переправляясь через реку, обратился к духу Манаса. «Когда он въехал в реку, ему почудилось, что Манас со своими чоро окружают его со всех сторон, и он благополучно переправился через Талас»¹.

Здесь, в Таласе, Семетей ищет «кумбез» — гробницу Манаса и попутно находит себе в сподвижники Күльчоро, который становится его двойником.

Сюда же в Талас прилетает Ак-Куу Ай-Чурөк. Ай-Чурөк, по преданию, девушка, которая, превратившись в лебедя (ак-

¹ Фонды АН Киргиз. ССР, инв. № 592, стр. 408.

куу), полетела по свету искать жениха. Именно поэтому она и прилетела в Талас «посмотреть» дух умершего Манаса. Здесь она его нашла в лице Семетей.

Ак-куу Ай-Чурёк всякими ухищрениями добивается замужества, похищает у Семетей с озера его ловчего сокола. Семетей со своим двойником Кўльчоро едут сватать Ай-Чурёк и ее подругу (для Кўльчоро) Канчоро, а также 40 девиц-подруг (кырк кыз).

40 девиц-подруг ожидают женихов на берегу большой реки. Кўльчоро, когда увидел их, вспыхнул любовью: «**Обратившись** к духам Манаса и Алмамбета, не задумываясь, въехал в воду. Некоторые из девушек в страхе кричали, чтобы он вернулся обратно..., а Кўльчоро, как только въехал в воду, сразу исчез под водой... потом всплыл на поверхность». «Из рта у него, как из бурдюка, текла вода»¹.

Здесь, возможно, отголоски сюжета смерти и воскресения божества воды. А 40 девушек-невест, ожидающих «водяных» — женихов, представляют вариант легенды о том, как они божественным образом забеременели, прикасаясь к воде с пеплом. (Пепел являлся останками сожженного любовника).

Между прочим, имя Кўльчоро, возможно имеет связь с самой легендой о 40 девушках (*куль*—зола, пепел). Предания объясняют происхождение имени тем, что Кўльчоро при появлении на свет имел в руке горсть пепла или золы.

Олицетворением водяных духов—богов, ожидавших Семетей в Таласе, являлась не только Ак-куу Ай-Чурёк. Его ожидала тень любимого коня Манаса Аккула (фактически двойника самого Манаса).

Эпитеты и имена Ак-куу Ай-Чурёк, Аккула, родоначальников Куу огула и Ак-куу огула, несомненно, связаны с древней народной этимологизацией топо-этнонимов от прилагательного *куш* ~ *уу* ~ *куб(а)* — желтый, существующих до настоящего времени на Оби, в частности в названиях племен куу-кижи и куманды-кижи, которые ранее означали «желтый народ», «желтые», а теперь переводятся «лебединцы». Такая ассоциация могла появиться под влиянием преданий о почитании духов воды (лебедь — водяная птица).

Пребывание в Таласе разных существ с именами, образованными от *ак-куу*, *куу* — желтый и ассоциировавшимися с названиями лебедя (*ак-куу*), коня масти аккула и др. понят-

¹ Фонды АН Киргиз. ССР, инв. № 592-а, стр. 488, 523. Между прочим, отражение сюжетов водной стихии проявляется в опере «Ай-Чурёк», основным местом действия которой является озеро. Поскольку авторы сюжета и постановщики, хорошо поняв основу легенды, делали это, разумеется, неумышленно, тем показательнее их толкование.

но, поскольку это место пребывания духа Манаса. По преданию, он витал вокруг так называемого кумбеза Манаса.

С образом Манаса связаны сюжеты эпоса, в которых отражаются предания о культе и духах—божествах воды у предков киргизов.

Определенного внимания заслуживают разыскания проф. А. П. Дульзона по гидрономическому ареалу — «ман» в южной части Сибири¹. В результате скрупулёзного анализа им установлен во многих гидронимах своеобразный термин «ман», выступающий самостоятельно или в сочетании с другими элементами. Основным районом гидронимов «ман» являлось Енисейско-Иртышское междуречье, откуда кымакские племена куман вынесли его на рубеже I—II тысячелетия в Европу. В частности, в указанном районе имеются названия рек Куманды, Чулышман, озеро Ман, р. Кызыл-Маны (приток Чулышмана), р. Чул(ы)ман, Мана, с притоком Урман и др.² Из перенесенных кымакско-куманскими племенами в Европу гидронимов известны Кубань (Куман), Маныч (уменьшительное от Ман — «Манчик») и др.

Происхождение *ман* в гидронимах типа Куманды, Кубань (Куман) ясно. Куман — *кум* с аффиксом *ан*. В данном случае «ман» как самостоятельный элемент отсутствует, он возможен лишь при неправильном членении слова: Ку-ман вместо Куман. В других случаях (оз. Ман, р. Маныч, Кызыл-Маны и др.) «ман» выступает как самостоятельное слово. Он должен в этом случае иметь какое-то свое значение, быть термином. Его выяснение даст, по нашему мнению, ключ к выяснению происхождения имени Манас.

Диалектные варианты этого имени у алтайцев Ай-Маныс и Мансар³. Формы Ман-сар, Ман-ыс, Ман-ыч (название реки)

¹ Совещание по топонимике Востока. Тезисы докладов, М., 1961.

² См. указ. работу А. П. Дульзона и его же: Былое расселение кетов, по данным топонимики. Сб. «Географические названия», М., 1962.

³ В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 162—165, 57. Там же упоминается один из богатырей Ман(г)ды (аффикс *-ды -лыг*), что в переводе может значить «обладающий Маном». Кроме того, автором записана интересная легенда о происхождении названия горы Манак на р. Мрасе, верховья которой сходятся с рекой Куманды: «В древности река протекала сквозь гору с мрачным ущельем... Предки обратились через шаманов к хозяину горы Ту-ээзи с молением: «Нельзя ли уничтожить ущелье?» Ту-ээзи велел им принести в жертву одну старую женщину по имени Манак, опустив ее в ущелье на сальчике (плот) без огня... Когда Манак доплыла до середины ущелья гора с шумом падает на нее. Эта упавшая гора, у подножья которой находится порог, и доселе носит название своей жертвы Манак» (В. И. Вербицкий, там же, 125—126). Между прочим, напомним, что обрядовый кафтан алтайских шаманов, одевание которого означает перевоплощение в божество, носит название Манжак.

и Ман-ас могли быть производными от корня *ман* с уменьшительно ласкательными аффиксами *-сар*, *-ыс*, *-ыч*, либо множественного числа. В киргизском языке, отличающемся последовательной гармонией гласных, Ман-ыс закономерно перешло в Ман-ас.

У эвенков — народа тунгусо-маньчжурского происхождения был широко известен дух-божество — «хранитель местностей» мајин (К. М. Рычков. Енисейские тунгусы; ж. «Землеведение», СПб., 1912, кн. 1—2, стр. 79—93). В. А. Горцевская допускает возможным его варианты мајин — магинман.

Не ставя перед собою цель выяснить в данном исследовании значение термина «ман» и происхождение имени Манаса, мы хотим подчеркнуть лишь один важный факт. Имя Манаса киргизские племена принесли из бассейна верховий Оби. Об этом свидетельствует его бытование у алтайцев (и только у них из всех тюркских народов) в качестве имени богатыря, божества и в топонимике. Это важно для выяснения происхождения левого и правого крыла киргизов.

Дело в том, что и эпос Манас, и связанные с ним предания распространены только у племен левого и правого крыла. Все манасчи (исполнители эпоса) — выходцы из этих племен. Потомки ичкиликов даже в настоящее время очень плохо — лишь по наслышке — знают предания, связанные с эпосом Манас. Среди них имеются даже такие (это многократно засвидетельствовано этнографами), где неизвестно имя самого Манаса. Этот факт нельзя не сопоставить с генеалогией — происхождением левого и правого крыла от родоначальников Куу огула (Кубала) и Ак-куу огула, к потомкам которых не причисляются ичкилики. У них родоначальник Салвас бий-Будгачи. Имена родоначальников Сары бия, Куу огула и Ак-Куу огула и предания о Манасе бытовали только у племен левого и правого крыла. Среди них же (в племени дӱӱлӱс) существовала легенда о третьем брате Кызыл ууле (огуле) «Красный сын» (Труды Киргиз. археол.-этнограф. экспедиции» т. IV, М., 1960, стр. 184). Это конечно, не случайно. Признаки прошлой обособленности группы ичкилик от племен правого и левого крыла можно также наблюдать на примерах материальной культуры, прикладного искусства и т. д.

Приведенные и другие факты позволяют считать предками большинства родо-племенных групп левого и правого крыла

Следует обратить также внимание на монголо-тюркский этноним манг(х)уг-мангыт. По киргизским преданиям, Манас был ногойским (мангытским) мирзой. Ногой доводился Манасу дядей. Близкие культурно-исторические связи киргизов с мангытами-ногаями проявляются во многих отношениях.

кымакские, или кымакско-кыргызские племена верховьев Оби. Что касается основного состава группы ичкилик, племена которой консолидировались с левым и правым крылом, безусловно, еще в I тысячелетии (об этом свидетельствуют единый антропологический тип, язык и др.), то это — племена основного конгломерата енисейских кыргыз. По отношению к периферийным приобским кымакско-кыргызским племенам они представляли собою выходцев-жителей внутренней области Ички. Отсюда их название ичкилик — внутренний (аналогично, например, туркменскому названию ички-салоры).

В связи с выяснением происхождения группы ичкилик особого внимания заслуживает вышеприведенное описание в «Худуд ал-Алам» одной из групп конгломерата кыргыз по имени касим или кистим (куштеми): «Касим название другого народа также из киргизов. (Люди из него) селятся по склонам гор, живут в юртах, добывают меха, мускус, рог и пр. Это — один из киргизских родов. **Речь людей, которые к нему принадлежат**, ближе к карлукской, а по одежде они похожи на кимаков».

Имеются основания полагать, что ичкилик-булгачи либо выделились из подобной группы, либо близко к ней примыкали. По монгольскому «Сокровенному сказанию» XIII в., племена кистим были соседями с сибир, теленгут и толес (§ 239). Булгачи, кистеми (куштеми) и теленгуты описаны как соседи и в «Сборнике летописей» Рашид ад-дина (т. I, ч. I, стр. 122).

В составе ичкиликов имеются роды, происходящие из указанных и соседних групп: кыштим, сиберги-сибир (подразделения кесек). Родовые названия алтынчи и кызыл аяк того же подразделения кесек, название сары подразделения оргу указывают на выселение их носителей из района цветовой красно-желтой топо-этнонимии. О том же свидетельствуют родовые названия большой группы кыпчак (кызыл аяк, алтыке, кабыл, абыл), а также, возможно, канды (от *кан* — красный с аффиксом *-ды*¹). В составе ичкиликов имеется племя дёёлс (толес). Родоначальником племени дёёлс, по некоторым преданиям, считался Кыпчак, сын Кызыл уула (огула), доводившегося братом Куу уулу и Ак-куу уулу.

У ичкиликов и племенных групп, принадлежавших в прошлом к кыпчакско-кымакскому массиву, в этнографическом отношении до настоящего времени наблюдается ряд сходных черт. Наконец, ичкиликский диалект, или говор, отличающийся

¹ Первоначальное значение диалектных форм корня *кан* могло совпадать со значением *кан* — кровь, красный (легенду о значении *канлы* — кровавый см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М., 1958, стр. 60).

до сих пор от других киргизских, имеет существенные признаки, общие с языками карлукской группы.

Все эти особенности, следы которых остаются до сего времени, несмотря на многовековое пребывание племен ичкилик в составе киргизского народа, в прошлом, по-видимому, выступали более заметно. Некоторые из них могли быть следствием влияния карлукских племенных групп, остававшихся на Алтае после выселения в VIII в. основной массы карлуков.

Может возникнуть предположение, не в результате ли продвижения племен ичкилик в верховья Оби появилась здесь смешанная кымакско-кыргызская культура, засвидетельствованная археологическими материалами VIII—IX вв. и письменными источниками. По нашему мнению, процесс перемешивания племен и скрещивания культур Алтая и Енисея в верховьях Оби имел более широкие размеры.

Дело в том, что в основном составе левого и правого крыла имеются племена, вышедшие не только из среды основного массива приенисейских кыргызов, но и из состава их северных соседей—ала(г)чын. Область Ала(г)чын, известная по китайским источникам с VII—VIII вв. и сохранившая свое название еще в XIII веке, граничила на севере с областью минусинских кыргызов. Она доходила до впадения Ангара в Енисей. Ее жители, именовавшиеся алачынами, по свидетельству китайских источников, происходили из одной группы с кыргызами. Они часто бывали в подчинении минусинских кыргызов и перемешивались с ними. Топо-этноним Алачын, образованный от корня *ала*—красный, представлял собою прилагательное *алачи* с аффиксом собирательно-множественного значения *-н* и означал «красные» (местности, племена). Он был одним из локальных цветовых (красных) топо-этнонимов, аналогичным Кыргун, Кубан и др.¹

Отдельные группы ала(г)чын в начале II тысячелетия находились в составе куман (половцев) в Причерноморье, что свидетельствует о предшествующем их продвижении с Енисея на Обь и перемешивании с кыпчакско-кымакскими племенами.

Одно из основных племен левого крыла современных киргизов имеет название «саруу—желтое». Его главное подразделение «алакчын» — красные. Состав родов представлен «красно-желтыми» названиями: алчиген, кызыл курт, кызыл

¹ Специальное исследование см.: К. И. Петров. К этимологии термина кыргызы. Китайские и некоторые мусульманские легенды объясняли происхождение названия тем, что в этой стране «все лошади были саврасые (цвета ала)».

кулак, кубу, кубат, боруке (значение последнего от *бур*—темно-красный). Род алчин того же происхождения и известен в Малом жузе восточных казахов, среди которых существуют также легенды об Алача (Алаша) хане как родоначальнике жуза.¹

Близкородственное черикам племя саяк правого крыла имело полное название «алты аталуу саяк». «Алты аталуу» истолковывалось в связи со значением *алты*—шесть и название объяснялось «(племя) саяк, имеющее шесть отцов (предков)». («Труды Киргиз. археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 40). Но «алты-алчи» имеет также значение «красный». По-видимому, таково оно было в названии племени саяк, имевшего «красного» предка-родоначальника. На это указывают другие варианты имен родоначальников и родовых подразделений племени, связанные с характерной красно-желтой топо-этнонимикой. В частности, имена двух предков-родоначальников были Сарык («Желтый») и Каба; родовые подразделения носили названия сары, улаан (монгольское «красный»), боз тери (от *боз/бор*—бурый), кабыл от (*кобыл*) уулу, каба и ак-кабак. Названия каба, ак-кабак аналогично кобыл образовались, по-видимому, от коба, кобак (*куба*—желтый) в результате регрессивной ассимиляции гласной. Пример такой ассимиляции в этом слове дает разная передача имени известного в XVIII в. бия рода кушчи Кубата, или Кобата, которое писалось также Кабат (например, Ч. Валихановым).

Таким образом, процесс смешения кымакско-кыргызских племен в верховьях Оби во второй половине I тысячелетия имел довольно широкие размеры. Одним из районов этого смешения и консолидации своеобразной группы кымакско-кыргызских племен, позднее переселившихся на Тянь-Шань, являлся бассейн реки Бии со смежными относительно небольшими бассейнами: на востоке—верховьев р. Абакан, на юге—низовьев р. Чулышман и Телецкого озера, на западе—р. Ка-

¹ Диалектные варианты названия этнических групп от прилагательного алчы-алты существовали в других районах междуречья Енисей—Оби. В VI—IX вв. был известен «алты баг» («баг» — родовое подразделение). Упоминания о нем в надписях см.: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М., 1952, надписи 1, 5, 24, 49). Основное ядро енисейских кыргыз XVI—XVII вв. составляли княжества с названиями алтысар и алтыр. *Алтысар* — форма *алты ~ алчи* с уменьшительно-ласкательным аффиксом *-сар*, *алты-р* — с аффиксом диалектного чередования *р ~ л* (аналогично *кызыр ~ кызыл*). Среди кыпчакско-ногайских объединений до XVIII в. существовал улус алтыулы (алты огул), в состав которого, по-видимому, входили каракалпаки.

тунь. Согласно современному административному делению, это — северная половина Горно-Алтайской области, юго-западная часть Хакасии и примыкающие районы Тувы. В этногенезе участвовали две основные группы племен: кымакские, близкородственные племенам, причислявшимся к конгломерату приенисейских кыргызов, и племена последних. Это объединение племен в отличие от массива енисейских кыргызов можно именовать приобскими, или «периферийными», кыргызами. Процесс их консолидации сходен в некоторых отношениях с этногенезом современных алтайцев, в сложении народности которых также приняли участие южноалтайские племена и часть племен, принадлежавших по языку к енисейским кыргызам.

Обособленность указанного объединения от основного массива приенисейских кыргызов подтверждает ее особое название, появившееся в начале II тысячелетия (вероятно в XI—XII вв.).

В период возвышения монгольских племен в XII в. южная часть Енисейско-Обского междуречья была занята ойрат-монголами (предками калмаков). Ойрат-монголы именовали своих северных соседей кыргызов их собственным именем, заменяя лишь тюркский аффикс множественного числа — *-з* монгольским — *-д/т* и производя на свой лад кыргу (кергуд, кергут), а обособленную приобскую кымакско-кыргызскую группировку именовали бурут (от прилагательного *бур* — бурый, темно-красный), с аффиксом мн. числа *-т¹*. Хотя термин бурут был фактически синонимом кыргызов (диапазон цветового значения бур и кырыг совпадали от красного до серого), ойраты (калмаки) никогда не смешивали названий. Имея впоследствии в своем подчинении енисейских и тянь-шаньских кыргызов, они (и только они!) именовали первых всегда их самоназванием (кергут), а вторых — только бурут (борот), хотя тянь-шаньские киргизы не употребляли и не знали значения калмацкого названия, как не знали его первоначального значения в XVI—XVIII вв. сами калмаки и перенявшие его от калмаков китайцы и русские¹.

¹ См. указ. статью К. И. Петрова. «К этимологии термина кыргызы». Славянское «бурый» заимствовано из тюрко-монгольских языков.

¹ Кроме калмацкого собирательного названия бурут, в составе тянь-шаньских киргизов и народностей Енисейско-Обского междуречья имеются также осколки родо-племенных групп с диалектными тюркскими формами этнонима буру, пуру и др.

В связи с этнонимом бурут заслуживает внимания легенда, связанная с племенем дурут, фигурирующим у Руки ад-дина Бейбарса Эльмансури. Руки ад-дина Бейбарс, а затем Шихаб ад-дин Эннувейри и другие арабские авторы конца XIII—начала XIV вв. перечисляют в оригинальном

Калмакское название тянь-шаньских киргизов бурут не могло, конечно, появиться на Тянь-Шане в XVI—XVIII вв. Бурут был синонимом кыргыз, а киргизы и калмаки не знали в XV—XVIII вв. значений ни кыргыз, ни бурут. Термин бурут был принесен калмаками из Сибири и появился у них в период пребывания на Енисее. Это свидетельствует о том, что группировка кымакско-кыргызских племен, именовавшаяся калмаками бурут могла переселиться на Тянь-Шань только в XIII—XV вв. она должна была поддерживать с калмаками непрерывный контакт и все время находиться в поле их зрения, чего не могло быть в случае переселения енисейских кыргыз, как полагали некоторые ученые в VIII—IX вв. Ойраты, еще не имевшие к этому времени тесного контакта с енисейскими кыргызами (и, конечно, не употреблявшие термина бурут) и совсем не имевшие общения с племенами Тянь-Шаня до конца XIV—начала XV вв., потеряли бы из виду «переселившихся» кыргыз на пять столетий, насыщенных передвижениями больших этнических масс на огромной территории, и не могли бы употребить по отношению к ним термин бурут — синоним кыргыз. А на Тянь-Шане в XVI—XVIII вв. этот термин появиться не мог. Он алтайского происхождения (см. нашу статью «К этимологии термина кыргыз»). Обозначение особой группировки приобских кыргыз появляется, возможно, в названии арслан кыргызлар, аналогичном арслан (сары—желтые) уйгуры.

Приведенные факты дают основание считать территорией раннего этногенеза предков тянь-шаньских киргизов Енисейско-Обское междуречье, в частности его западный, приобский район. В этногенезе принимали участие кымакские племена верховьев Оби (предки основного состава левого и правого крыла), и племена из состава енисейских кыргыз (предки ич-

списке одиннадцати кыпчакских племен несколько неизвестных из других источников. Их названия сильно искажены, в некоторых случаях вместо племен ошибочно даны названия областей (например, «канджанцы»). По-видимому, арабские авторы в период тесных отношений их государств с Золотой ордой получали сведения о Белой орде и восточнокыпчакских племенах из вторых-третьих рук. О племени дурут сообщается довольно запутанная легенда с анахронизмами, относящаяся в общем к концу XII—началу XIII вв. или даже к более ранним временам. В ней рассказывается о войне некоего Монгуша из дурутов с Ак-Кубулом. Имя Монгуша, возможно, как и в других случаях, олицетворенное название племени монгуш правого крыла киргизов, родоначальником которого считался Ак-Кубул. Племя дурут известно только по этому списку. Необходимо исследовать, не явилось ли дурут следствием описки бурут в результате пропуска диакритического знака или принятия его за помарку в первоначальном списке рукописи, а возможно с черновых записках, которыми пользовался Руки ад-дин Бейбарс.

киликов). Процесс их консолидации как особой группировки был уже достаточно выраженным в VIII—IX вв. Предки главного ядра тянь-шаньских киргизов принадлежали, таким образом, к приобскому массиву кымакско-кыргызских племен (входившему в кыпчакскую языковую группу), возвышение и передвижение племен которого имели место с XI в., т. е. после упадка государства енисейских кыргызов.

В предшествующих работах мы определяли территорию раннего этногенеза кымакско-кыргызских племен Енисейско-Иртышским междуречьем. Теперь имеется возможность дать более точные координаты.

Вопрос перемещения термина «кыргыз» на Тянь-Шань, связанный с решением коренного вопроса этногенеза тянь-шаньских киргизов — численности в их составе пришлых из Сибири и местных племен — решался по-разному. Ряд исследователей отрицает перемещение этнонима вместе с основной массой предков тянь-шаньских киргизов. По мнению одних, его принесла на Тянь-Шань в XV в. группа племен-завоевателей (аналогично переносу этнонима узбек на население Мавераннахра). Другие полагают, что местное население Тянь-Шаня приняло это название в период вхождения в IX в. в политический союз енисейских кыргызов, и термин первоначально имел «политическое содержание», затем закрепился в качестве этнонима¹. Приведенные в настоящей работе факты свидетельствуют о другом.

У тянь-шаньских киргизов имеют место многократные дублирования цветовой «красно-желтой» этнонимии, характерной для племен района Енисейско-Обского междуречья: двойное название киргизы и буруты, названия основных групп сару, алакчын, кубат, буру и др.; дублирование аналогичных имен основных родоначальников Куу огула и Ак-куу огула, имевших общего предка Сары бия.

Эти и аналогичные им многократные дублирования в этнонимике, основных генеалогических преданиях и эпосе «Манас», являющемся энциклопедией киргизской старины, не могли иметь место при механическом перенесении цветового этнонима с одного народа на другой, поскольку они органически связаны с древним значением самого этнонима. Этноним кыргыз вместе с дублированной этнонимикой и дублирующими ее генеалогическими и эпическими преданиями был принесен на Тянь-Шань основным ядром племен, определивших этни-

¹ Материалы сессии 1956 г. по этногенезу киргизов. «Тр. Киргиз. археол.-этнограф. эксл.», т. III, М., 1959, стр. 34 и др.

ческий облик тянь-шаньских киргизов как народности, которые выселились из района цветовой топо-этнонимии Енисейско-Обского междуречья.

В заключении обзора племен кымак и кыпчак, участвовавших в раннем этногенезе основного ядра киргизской народности, можно высказать предположения о происхождении и значении их названий. По нашему мнению, они образованы от диалектных вариантов одного корня *куш* ~ *кум* (*ком*) ~ *куб* (*коб*). От корня *кум/ком* с аффиксами *-н*, *-к* образовались *куман*, *коман*, *кумык*, *кымак*; от *куб/коб* с аффиксами *-н*, *-л*, *-й*, *-к* образовались *кубан*, *кобын*, *кобыл* (*кабыл*), *коб(ы)л-ан*, *кобук*, *кобыклы*, *кыбчак*. По указанию Рашид ад-дина, название кыбчак произошло от *кубук*. На возможность перехода *у/о* → *ы/а* в словах кыбчак и кымак указывает пример регрессивной ассимиляции *кобыл* → *кабыл*. Образование форм могло быть: *кум* + *ык* ~ *кумак* → *кымак*; *куб(коб)* + *ча*, *кобча* + *к* → *кыбчак*. Название кымак, будучи диалектной формой кумык, коман, означало «желтый» народ. По-видимому, образование этого обширного объединения имела в виду легенда с китайской летописи о превращении в лебедя одного из братьев — основателей четырех царств. Уменьшительно-ласкательная форма *кыбчак* — желтенький означала название одной из небольших групп кымак, аналогично, например, названию казахского рода алчин («красненький») от *ал* — красный. Привлекают также внимание имена главного героя кыпчакского (ногайского и казахского) эпоса Коблан и его противника Кобыклы, означающие «Желтый». Вероятно, в связи с первоначальным значением этнонима кыбчак его носители, как и носители других желтых этнонимов, описывались в китайских и мусульманских источниках желтоволосыми, желтолицыми. Происхождение их этнонима связывалось с названием «Желтой» страны «Аль-Сары». Граница между ареалами цветовой желтой (от *куш*) и красной (от *кыр/кыз*) топо-этнонимии в Южной Сибири проходила, по нашему мнению, примерно в районе р. Оби.

При рассмотрении красно-желтой топо-этнонимии Южной Сибири заслуживает внимания также возможное образование термина казах от корня *кыз* — красный с аффиксом *-ығ* аналогичного прилагательному *кыр-ығ* от *кыр* — красный. «Кыр» и «кыз» являлись диалектными вариантами одного корня (так называемых р-языков и з-языков). Кырығ и кызығ имели значение множественного числа «красные». В кызығ произошел переход узкой задней гласной в широкую (*ы* → *а* аналогично *у* → *о*, например, в *куб* → *коб*) одновременно с уширением на-

чального согласного $K \rightarrow Q$ (*кызыл* $\rightarrow$ *қазақ*). Существование формы кызык (наряду с формой кызыл) подтверждается этнонимом кызык среди огузско-туркменских племен. Ею имела одна из основных групп, происходившая, по преданиям, вместе с группой каркын (возможно <кыркын) от Юлдуз-хана.

При исследовании первоначального значения *казах*—красные необходимо иметь в виду дублированные названия этого народа кыргыз-казах (киргиз-кайсак) и казах-бурут (у ойратов), ставшие известными в России с 1720-х годов. Со времени Г. Ф. Миллера «ошибочное название» приписывается «СПб. Ведомостям» за 1734 г., которому стали следовать. Но уже в переговорах ойратского посла Борокурмана с Головкиным в 1721 г. в переводе ответов встречается термин киргиз-казах. Возможно, двойное название появилось не в результате «недоразумения», а существовало с древних времен, когда еще были известны значения кырыг и кызык. Следует иметь также в виду, что старики у алтайцев именуют казахов обычно кыргызами. Интересно также двойное название узбек-казак, существовавшее до XVI в.

У казахов имелось значительное число племен с характерными красно-желтыми названиями алчин, кызыл бөрк, конур бөрк (красные, коричневые шапки) и др.

В числе кыпчакско-ногайских улусов, вошедших в состав казахской народности, был известен большой улус Алты огул (возможно Алчи огул). По некоторым преданиям, родоначальником Младшего жуза и всех северо-западных казахов являлся Алчин («Красенький»). Имеется также ряд других легенд, связанных с характерной цветовой топонимикой. Между прочим, по преданиям, считается, что народ казахов и его название произошли от девушки — родоначальницы «кыз», в которую превратился «каз—гусь».

Высказываемые соображения носят предварительный характер и требуют дальнейших исследований. Одновременно требует дальнейшего исследования вопрос вообще о происхождении характерной красно-желтой топонимии в Южной Сибири. Появление здесь цветовой средневековой тюркской, монгольской и русской топонимии в связи с характерным цветом почв не вызывает сомнений (вплоть до названия большой области Красноярский край — в прямом значении, а не в смысле «Красивый яр», как полагают некоторые).

В древнетюркскую эпоху появление цветовой этнонимии иногда было связано и с другими причинами. В числе древнетюркских племен, проживавших в середине I тысячелетия до н. э. в Северном Китае (провинции Шаньси и Ганьсу), бы-

ли известны некие «чи-ди». Название по-китайски означало «красные ди» (ди — северные варварские племена). В III в. до н. э. «красные ди» были вытеснены в район Гоби, где будто бы стали называться дили. Значительное их число в IV в. н. э., т. е. в сянь-бийский период, переселилось в Южную Сибирь, в частности на Алтайско-Саянское нагорье. Некоторые исследователи считают название страны — народа Динлин на Енисее, находившейся севернее Кыргун, за измененную форму дили. Китайский летописец Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.) сообщает, что некие племена бома были родственны племенам ди. Бо-ма (буквально «саврасые кони» масти «ала») именовалась с VII—XIII вв. н. э. также страна Алачин на Енисее, находившаяся севернее кыргызов. В «Шаньси тунчжи» упоминается одно из сянь-бийских подразделений Хэлань (Ала), получившее название от гор Ала-Шань. Имея в виду эти и некоторые другие факты, можно допускать, что древнейшая «красная» и вообще цветовая топо-этнонимика (в частности названия Алачин, Кыргун Канлы (Кангюй) и др.) была принесена в Южную Сибирь тюркскими племенами из Северного Китая.¹

Появление красной этнонимии у древнетюркских племен Северного Китая в науке первоначально связывалось с их принадлежностью в европеоидной «белокурой» расе, поскольку китайские летописи традиционно изображали носителей «красных» этнонимов и их потомков краснолицыми, рыжеволосыми, с голубыми глазами (см. Г. Грум-Гржимайло. «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?» СПб., 1889; Его же. Белокурая раса в Средней Азии. «Зап. РГО по отделению этнографии», т. XXXIV, 1909). В последнее время установлено, что цветовые этнонимы появлялись в некоторых случаях в связи с символическим значением цветообозначающих прилагательных при ориентировке по странам света (например *кара*—черный означало «северный», *кыр/кыз*—красный означало «южный» и др.).

Допуская, что некоторые из древнетюркских племен, переселявшиеся до нашей эры и в начале нашей эры в Южную Сибирь, действительно имели названия «красные», мы вместе

¹ Правда, это может находиться в противоречии с хронологией. Переселение «красных» племен ди в Южную Сибирь имело место в III—IV вв. н. э., а названия стран Кыргун, Динлин существовали здесь за шесть столетий до этого — в III в. до н. э. Массовое их передвижение до начала нашей эры трудно допустить, так как население Енисейско-Иртышского междуречья до начала н. э. оставалось европеоидным. Смена физического типа имела место после II—IV вв. н. э.

с тем связываем широкое распространение здесь цветовой то-по-этнонимии в средние века не с символикой цветов, а с характерным цветом почв.

Мы не склонны также допускать происхождение термина *кыргыз* от *кыр(ы)г огуз* → *кыргыз*, который мог бы означать «красные огузы».

§ 3. Уйгуры и токуз-огузские племена Алтайско-Хангайского нагорья

Государственное объединение токуз-огузов, охватывавшее территорию от Монголии до Тянь-Шаня и от Сибири до Китая, играло почти полтысячелетия большую роль в жизни народов Центральной Азии. Их история изучена очень мало. До сих пор не установлены причины внезапного исчезновения с исторической арены их огромного государства на рубеже X—XI вв. и судьба племен, входивших в его состав. Очень неясны вопросы отношений токуз-огузов и уйгур. Не установлено даже, какие племена именовались токуз-огузскими и какие уйгурскими, что между ними общего и каковы различия.

Поскольку уйгуры и токуз-огузские племена играли большую роль в истории народов Южной Сибири, Тянь-Шаня и, в частности, киргизов вплоть до XIII в. и даже позднее, мы считаем необходимым кратко осветить некоторые вопросы. Много в истории киргизского народа остается темным, пожалуй, из-за того, что не изучена история этих племен.

Название народа токуз-огуз состоит из тюркских слов: «токуз» и «огуз». Слово токуз в языках соответствующих групп имеет формы тогуз, тогыз. Его корень *тоғ*, по нашему мнению, совпадает с корнем слова *токум* — род, поколение, потомство. Широко известно существование его в качестве топонима — названия большой местности между Верхним Енисеем и Байкалом — Бургуджин Токум¹. Значение названия *токум* — родина. Таким образом, корень *тоғ* семантически связан с понятием о роде, родине, рождении глагол (*тоғ* — родить) и пр.² По-видимому, не будет большой ошибкой (по крайней мере в данном случае) корень *тоғ* условно рассматривать в значении «род» или близком к нему. Производное от *тоғ* — род — существительное во множественном числе (*тоғ-уз*) могло означать: родичи, родственники, родные и т. д.

¹ Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. 1, ч. 1, М., 1952, стр. 215 (Указатель географических названий).

² Л. Л. Покровская. Термины родства в тюркских языках в сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, стр. 43—47.

Думаем, таково было первоначальное значение этнонима «тогуз-огузы» — известного обширного объединения тюркских племен VI—X вв. «Огуз» означало поколение, племя, а во множественном числе племена. Общее значение этнонима «тогуз—огуз—родственные огузы (родичи—огузы)». Таково наше мнение, сложившееся в результате исследования истории этого объединения. Первоначальной родиной племен, может быть, была страна Баргуджин Токум в южном Прибайкалье.

Слово тогуз имело также значение числительного девять. Когда в конце I тысячелетия значение «токуз—родичи» и происхождение названия были забыты, наивная этимологизация, рационально истолковывая термин, связывала происхождение названия с объединением девяти племен.

Употребление термина «огуз» в сочетании с числами и без них в названиях племенных объединений было широко распространено у тюркских народов. Огузами называлась другая большая группа племен, которая в VII—VIII вв. находилась на Сыр-Дарье. На их основе или при их большом участии складывались народности туркмен, турок Малой Азии, азербайджанцев и др. В связи с этим они в научной литературе иногда именуются народами огузской группы или огузскими.

В арабо-персоязычных сочинениях VIII—X вв. токуз-огузы именовались токуз-гузами или просто гузами. Нами это название употребляется в тех случаях, когда необходимо избежать смешивания их с присырдарьинскими огузами.

С XI в. имя народа тогуз-огузов внезапно исчезало. По источникам последующего времени, на их огромной территории обитали племена и народы с новыми, ранее неизвестными названиями. Ученые оказываются в затруднении: куда девался прежде столь широко известный народ и откуда на той же территории появились новые племена? Какие из них местные и какие пришедшие? Особенно большие затруднения встают при выяснении происхождения двух больших массивов племен или народов, сменивших в XI—XII вв. тогуз-огузов, а именно: найман на Хангайско-Алтайском нагорье и соседних с ними уйгур Восточного Тянь-Шаня.

По нашим исследованиям, большая группа племен народа найман и группа племен Восточного Тянь-Шаня, за которыми с XI в. закрепилось название уйгур, существовали с давних времен. Их объединение в общем именовалось народом тогуз-огузов с первоначальным значением «родственные огузы». Одна из групп называлась уйгуры, другая — секиз-огузы.

Происхождение названия уйгур по некоторым древним легендам связывается с тюркским глаголом *уймак*—присоеди-

нять. Может быть, оно действительно означало примерно «объединившиеся, союзные племена».

По древним преданиям, такое название возникло в связи с присоединением уйгур к собственно огузским племенам легендарного Огуз-хана. Может быть, в этих преданиях есть доля истины, поскольку уйгуры, объединившиеся с секиз-огузами в составе тогуз-огузов (родичей огузов), находились на особом положении.

Первоначальное значение слова «сәкиз» до сих пор не установлено. Оно имеет основу *сәк* и аффикс множественного числа *-из*. В конце I тысячелетия название «сәкиз» стало истолковываться в связи со значением *сәкиз*—восемь как «восьмиплеменное» объединение. А уйгуры стали рассматриваться в качестве девятого племени объединения тогуз-огуз (о действительной численности племен мы скажем далее). Тюркскому числительному секиз (8) в монгольском языке соответствовало числительное найман. Первое время объединение сохраняло тюркское название, затем за ним закрепилось монгольское найман.

Предположения об отождествлении «восьмиплеменной» группы секиз-огузов с найманами, основанные на совпадении названий, высказывались,¹ но вопрос об ее отношении к тогуз-огузам не был решен. Мы, поддерживая эти предположения, принимаем секиз-огузов — найман за одну из двух главных групп тогуз-огузов.

Огузское происхождение уйгур, вернее их принадлежность в прошлом к массиву огузских племен, в общем давно установлена и широко известна. Но вопрос об отношении уйгур к тогуз-огузам оставался неясным. Некоторые исследователи просто отождествляли их с тогуз-огузами.

По нашему мнению, уйгуры являлись частью тогуз-огузов. Племя—народ уйгур было многочисленным. По преданиям, оно имело 10 родов и именовалось «он уйгур—десятиродовые уйгуры». Группа уйгурских родов долгое время занимала первенствующее положение в племенном объединении тогуз-огузов. Секиз-огузы — найманы стояли на втором месте.

Предками уйгур, согласно китайским летописям, были гунны. В IV—V вв. они вместе с некоторыми другими племенами входили в объединение теле, с VI в. — в состав восточной части каганата тюрков — туцзюе. Они проживали в то время в северных районах Хангайского нагорья, в междуречье

¹ Л. Л. Викторова. Ранний этап этногенеза монголов. Автореферат. Л., 1961.

Орхона-Селенги. Уйгуры и вообще токуз-огузы играли большую роль в жизни восточно-тюркского каганата.

В ходе борьбы с восточными каганами на рубеже VII—VIII вв. они несколько раз откочевывали в Северный Китай и снова возвращались обратно. При сопоставлении описаний этой борьбы в тюркских памятниках орхон-енисейской письменности и китайских летописях с мусульманскими сочинениями VIII—IX вв. можно установить следующие факты.

Во всех тюркских письменных памятниках того времени говорится о народе и борьбе токуз-огузов, или огузов. Постоянно перечисляются их союзники — карлуки, басмылы, кыргызы и др., а имя уйгур не фигурирует, хотя именно группа их родов и их князья стояли во главе боровшегося народа токуз-огузов. Это хорошо известно из китайских источников. В китайских летописях тот же народ, напротив, именуется уйгурами, возглавлявшими «девять племен». Мусульманские сочинения, говоря опять-таки о том же народе, именуют его до XI в. токуз-(о)гузами, а с XI—XII вв. уйгурами.

Двойное название одного и того же народа можно объяснить лишь тем, что уйгуры считались одним из племен — ветвью огузов. А объединение последних (поскольку уйгуры долгое время занимали первенствующее положение) могло называться их именем — явление, часто встречающееся.

Это хорошо видно из описаний борьбы тюркского кагана против токуз-огузов после их возвращения из Китая. В частности, в надписи в честь Могиляна говорится: «Часть их (токуз-огузов) вернулась и подчинилась мне..., а другие умерли. Спустившись вниз по Селенге и сильно тесня их, я там разорил их дома. Уйгурский эльтебер (князь) убежал приблизительно со 100 людьми на восток».

Это «неожиданное» упоминание о бегстве уйгурского князя с сотней человек от общей массы токуз-огузов определенно указывает на вхождение уйгур в состав токуз-огузов. Уйгуры во всех случаях не называются особо, именно потому, что они — часть токуз-огузов, упоминать о которой не было необходимости и смысла, кроме особых случаев. О них ничего не говорится и здесь. Случайно лишь упоминается о бегстве предводителя токуз-огузов. И только поэтому мы узнали о присутствии уйгур в их составе. Уйгуры точно так же не выделяются при описании пяти сражений и вообще всей упорной борьбы токуз-огузов в надписи в честь Кюль-Тегина. Но по китайским летописям нам отлично известно: ее вели уйгуры, стоявшие во главе объединения «девяти» племен.

Зато имя уйгур наряду с токуз-огузами имеется в надписи собственно уйгурского кагана (хана), в которой рассказывается о событиях спустя 10 лет после смерти Могиляна. Народ тюркского кагана «властвовал над (поколениями) он-уйгур и над (всеми) токуз-огузами сто лет... я собрал и соединил мой собственный народ токуз-огуз». Это — надпись в честь кагана уйгур и токуз-огузов Моюн-Чура, уйгура по происхождению, может быть даже родственника того бежавшего уйгурского эльтебера, возглавлявшего борьбу токуз-огузов.

Хотя выражение кагана «мой собственный народ» иногда могло означать вообще подвластный народ, в данном случае не так. Соотношение «он-уйгур» и «токуз-огуз» в выражении «тюркский каган властвовал над (родами) он-уйгур и над (всеми) токуз-огузами» примерно равнозначно соотношению русских и славян в выражении «русские и (все) славяне». Это соотношение группы уйгур и токуз-огузов подтверждается как самой надписью Моюн-Чура, так и китайскими летописями.

Китайские источники говорят, что племена уйгурского кагана Моюн-Чура действительно образовывали «девятиплеменное» объединение. Название объединения токуз-огуз «девятиплеменным» объясняется ассоциацией слова токуз с числительным 9. Китайские летописцы, как, впрочем, и многие современные исследователи, не зная первоначального смысла «токуз», стремились объяснить его происхождение «девятиплеменным» составом.

Китайская передача имени и титула упомянутого уйгурского кагана Еху Ибяоби (Гули Пэйло) Бяцзяцзюе-хан. В «Обзрении Танской истории» X в. Ван Пу содержится его биография (с указанием убийства им последнего тюркского кагана Озмыш-хана и пр.). Племена его «девятиплеменного» объединения перечислены: первое — уйгуры, второе — пугу, третье — хунь, четвертое — байегу, пятое — тунло, шестое — сыцзе, седьмое — циби (киби). Эти семь племен, говорится в «Обзрении», известны со времен Танской династии (правление 619—907 гг.). Восьмое и девятое племя — абусы и гулуньшикугун — объединились с ними после девиза царствования Тяньбао (742—755 гг.). К этим девяти были присоединены еще карлуки и басмылы, когда Еху Ибяоби (Моюн-Чур) разбил и подчинил их¹. Но название объединения оставалось и после этого «девятиплеменным».

Из этого списка «прозваний» девятиплеменного объединения прежде всего видно, что во главе его находились уйгуры,

¹Ван Пу. Танхуйяо, т. III, Пекин, 1955, стр. 1743—1750.

составлявшие одну ветвь. Хотя история шести следующих за ними племен остается довольно темной, все же о них имеются некоторые сведения (см. в извлечениях из китайской летописи Н. Я. Бичурина. «Сборник сведений о народах...», т. I, стр. 339—349; Н. В. Кюнера, «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока», М., 1961 и др.).

Байегу — баргуты представляли собою большой конгломерат тюрко-монгольских племен, насчитывавший до 60 тыс. кибиток (около 300 тыс. человек). Они занимали территорию от Маньчжурии до Южного Прибайкалья. В XI—XII вв. некоторые группы их племен занимали верховья Енисея, по соседству с кыргызскими и другими племенами этого района.

Название страны Бургуджин Токум может быть косвенным свидетельством вхождения населявших ее племен в состав токуз-огузов.

Пугу также представляли большое племя — численностью до 30 тыс. кибиток (150 тыс. человек), жили на Северном Хангае, западнее баргу и восточнее теленгутов. Их глава Хуайэнь играл в 750—760-х годах важную роль в объединении токуз-огузов, состоял в близких родственных отношениях с уйгурской ханствующей фамилией. Некоторые исследователи, основываясь на созвучии пугу и бугу, предполагают, что родоплеменные группы бугу у хакасов, киргизов и других народов — осколки этого распавшегося народа. Поскольку большие искажения китайской передачи тюркских слов общеизвестны и достоверных свидетельств нет, следует с осторожностью подходить к этому предположению².

Численность тунло была, по-видимому, близкой к численности пугу. Хотя семей было будто бы около 15 тыс. (около 75—80 тыс. человек), войско тунло было в три раза более, чем у пугу. Его название можно отождествить с названием рода тонгра, упоминаемого в надписях в честь Могиляна и Кюль-Тегина, где рассказывается о четвертом сражении с токуз-огузами. В этом сражении род и племя тонгра было окружено и побеждено. Места расселения тонгра находились в междуречье Орхоно-Селенги.

² Если отождествление правильно, то интересен факт существования вплоть до XVI—XVII вв. топо-этнонима того же происхождения среди енисейских кыргызов. По русским источникам, здесь имела земля и народ бугасар (*буга* + аффикс множ. числа *-сар*). См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. М., 1937, стр. 444—448 и др. «Кыргызские кызыльские и бугасарские... люди», а также богасар (с метатезой босагар) по указателю названий. О локализации см.: Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. М., 1957, стр. 14 и далее.

Племя киби (циби) было тоже довольно сильным. Его глава в начале VII в. пытался, хотя и неудачно, объявить себя независимым ханом. Его сыновья, не желая подчиняться тюркским правителям, вступили в подданство Китая и переселились в 632 г. со своим племенем в Лянчжеу. До переселения племя проживало южнее теленгутов и Танну-ола на Северном Хангае. Свидетельства китайских сочинений о проживании его на юге от теленгутов, рядом со страной Цзянгунь (позднее кыргыз), правильны, но указание на северо-запад от Карашара неточно: не на северо-запад, а на север или северо-северо-запад. (Наше замечание об этом в связи с определением местонахождения страны Цзяньгунь на Енисее см. в § 1 настоящей главы).

Название племени хунь, как полагают, сохранилось со времен гуннов. Его жизнь тесно переплеталась с жизнью других токуз-огузских племен. После разгрома тюркского каганата в 630 г. оно перекочевало в Китай, в 749 г. участвовало вместе с китайцами в войне против Тибета. Впоследствии, по-видимому, оставаясь в Северном Китае, растворилось в общей смешанной массе тюркских племен.

Сыцзе (сыгье) было сравнительно небольшим племенем, кочевало в Прибайкалье, севернее тунло (тонгра). Его предположительно можно отождествить с народом чиков (из орхоно-енисейских надписей), которых несколько раз подчиняли и переселяли тюркские каганы и уйгурский Мон-Чур.

Эти семь крупных племен—народов, по-видимому, играли главную роль в объединении токуз-огузов и были хорошо известны китайцам. Китайские летописцы, стремясь насчитать девять племен соответственно «девятиплеменному» названию, прибавили к ним еще два (абусы и гулуньшикугун), будто бы присоединившиеся после правления Тяньбао (742—755). С точки зрения объяснения происхождения «девятиплеменного» названия это неправильно. Название объединения токуз-огузов существовало задолго до указанного времени. Но сообщение отразило какие-то исторические события, по крайней мере, относительно абусы.

Можно предположить, что абусы не какое-то особое племя, а большой род—ветвь тунло (тонгра) численностью до 10 тыс. юрт. Он находился под властью тюркских каганов до падения их власти, во время правления Тяньбао переселился за р. Хуанхэ в Китай (Н. Я. Бичурин. Указ. публ., т. 1, стр. 314). Затем по возвышении «девятиплеменного» объединения, по-видимому, вновь воссоединился с ним.

Может быть, то же имело место с малоизвестным родом гулуньшикугун, который отделился от группы своих племен.

Поскольку оба рода, временно находившиеся под властью китайцев, были им хорошо известны, китайские летописцы, желая насчитать непременно девять «прозваний» (племен), добавили их к семи другим. Получилось всего девять.

Итак, возвращаясь к вопросу о составе подвластного Моюн-Чуру «девятиплеменного» объединения токуз-огузов видим, что согласно «Обозрению Танской истории», оно состояло из уйгур и восьми неуйгурских племен. То же видно из летописи династии Тан, где даны названия также девяти подвластных ему «прозваний». Хотя их список не совсем правилен, его мы рассмотрим далее, но при нем будет дана одна существенная оговорка.

Список «девятиплеменного» объединения начинается в «Новой Танской истории», тоже с уйгур¹. Первым назван род илогэ. За ним следует восемь других. В заключении дано специальное пояснение: илогэ есть прозвание народа уйгур. Причина этого видна из предшествующего рассказа. Род илогэ играл главнейшую роль, из него происходила ханствующая династия. По нему, как это часто бывало, прозывались и все остальные уйгуры. О восьми других ничего не сказано.

Специальная оговорка об уйгурах и неоговоренность о восьми племенах определенным образом выделяет тех и других, т. е. отделяет собственно уйгуров от неких восьми. Хотя список, как указано, не совсем правильный, в данном случае имеет значение тот факт, что «девятиплеменное» объединение Моюн-Чура составляли первенствовавшие в нем уйгуры и «восемь» (секиз) других племен. Причем уйгуры, по китайским летописям, являлись составной частью «девятиплеменного» объединения, не стояли над ним, не были вне его.

Такое соотношение уйгур и «восемью» племен совпадает с указаниями об этом в надписи в честь Моюн-Чура (Гули Цэйло). В ней подробно описывается, как он вел борьбу со своими «секиз» племенами, собирая и соединяя их в единый народ токуз-огуз. Восемь племен везде именуются «секиз-огузами». Его прямое обращение к ним в надписи: «Вы мой народ, — сказал я, — следуйте (за мной) и придите ко (мне)... Они не пришли. Я опять погнался за ними... сразился... победил... забрал их скот... женщин. Они пришли все до последнего. Секиз-огузы... пришли все до последнего». В дальнейшем он называл свой народ снова токуз-огузами². В китайских ле-

¹ Н. Я. Бичурин. Указ. публ., т. 1, стр. 308. Транскрипция названий несколько отличается от приводимой.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М., 1959, стр. 35.

тописях его везде соответственно именовали ханом «девяти племен» (по-китайски — «девяти прозваний»).

Отождествление девятиплеменного объединения (токуз-огузов) Моюн-Чура из надписи с его девятиплеменным объединением, фигурирующим в китайских летописях, не вызывает сомнений.

Несомненно, в обоих случаях говорится об одном огромном объединении, в котором была и «восьмиплеменная» (се-киз) группа. В надписи она прямо называется «секиз-огуз», причем как временно выходившая из подчинения уйгурского кагана Моюн-Чура. В китайских летописях говорится: «уйгурские» и такие-то племена. Неразрешенность вопроса о первоначальном значении слова сәк-из, ставшего числительным 8, пока затрудняет расшифровку значения этнонима «сәкиз-огуз».

В связи с этим возникает другой очень трудный вопрос: соответствовало ли когда-нибудь название «восьмиплеменной» группы действительной численности племен и если соответствовало, то когда? — Только первоначально, при возникновении названия, т. е. примерно в V—VI вв., или на протяжении всей истории — скажем, в IX и в XII вв.? Последнее заведомо исключается. Численность племенных объединений у кочевых скотоводческих народов Сибири и Монголии, переселившихся на огромные расстояния, не оставалась постоянной на протяжении веков. Нельзя также игнорировать первоначальное нечисловое значение слова сәкиз. Число 8 имело священо-магическое значение, играло большую роль в религиозно-общественной жизни того времени.

О составе объединения сәкиз-огуз можно предполагать следующее. Его ядро составляли скорее всего племена-народы: пугу, тунло (с родом абусы) баргу, киби, хунь и сыцзе (сыгье). Некоторые из них, в свою очередь, представляли конгломерат тюрко-монгольских племен (например, баргу и тунло).

Сюда же можно причислить племя әдиз. Оно фигурирует в составе токуз-огузов в период их борьбы с тюркскими каганами. В частности, упоминается в надписи в честь Кюль-Теги-на (в повествовании о втором сражении токуз-огузов). Хотя здесь говорится, что племя әдиз было истреблено и исчезло, но, по-видимому, его отдельные родо-племенные группы все-таки уцелели. Название әдиз сходно с китайским названием адис, упоминаемым вместе с другими токуз-огузскими («Новая Танская история», гл. 217).

Что касается названий собственно уйгурских родов, то не-

которые из них дошли до нас. Группа уйгурских родов имела свое собственное числовое название — традиционного числа 10 (он). Первоначальное значение термина «он» пока не установлено. Можно предположить, что оно было принято в названии, как и в других случаях, в связи с особым значением слова. Это, конечно, не исключает и возможности действительной численности десяти родов, по крайней мере, первоначально. Но если говорить о многовековой истории уйгур, то не может быть речи о неизменяемости количества их родов.

Один из древних уйгурских родов имел имя юаньге. Он упоминается при изложении ранней истории уйгур в «Новой Танской истории» (гл. 217). По-видимому, и в середине I тысячелетия н. э. это был их главенствующий род. Затем его положение занял другой древний род илогэ, о котором в том же месте «Новой Танской истории» говорится: «Предки дома («дом» в смысле народ) уйгур были гунны... Уйгурский (народ) прозывался илогэ». И немного далее: «Илогэ есть прозвание дома (народа) уйгур» (Н. Я. Бичурин. Указ. публ., т. 1, стр. 301).

Имя илогэ употреблялось в качестве общесобирательного названия уйгур потому, что из этого рода происходила ханствующая династия. В таком смысле оно употреблено несколько далее в той же летописи при перечислении девяти племен объединения токуз-огузов, хотя вместо них ошибочно называются собственно уйгурские роды.

Эти описания в «Новой Танской истории» (гл. 217) и в «Обзрении Танской истории» Ван Пу совпадают почти дословно. В одних и тех же выражениях, в том же порядке говорится о тех же лицах и событиях, но список названий родов «девятиплеменного» объединения в «Новой Танской истории» другой.

Рассказ начинается с хана уйгур и токуз-огузов Моюн-Чура (Гули Пэйло), утвердившего ставку в долине р. Орхона. Затем говорится: «Все земли с севера до пустыни принадлежали девяти родам («прозваниям»). Девять родов называются: иологэ, худугэ, кюйлоу (цзюйлоу), мокэсицзе, аучжай, гэса, хуенсо, ио(в)угэ, хасау.

Илогэ есть прозвание дома (народа) уйгур. Равные с ними шесть родов — пугу, хунь, байегу, тунло, сыцзеикиби — не входят в их число. Впоследствии, когда Гули Пэйло покорил басмылов и карлуков, стало одиннадцать родов». (Перевод в несколько иной транскрипции имеется у Н. Я. Бичурина: Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М., 1950, стр. 308).

При истолковании этого замечания встают следующие неясности:

Почему к этому списку дано пояснение «илогэ есть прозвание дома (народа) уйгур», оговоренное на предыдущем листе.

Если илогэ — общее название народа уйгур, можно думать, что восемь следующих за ними названий неуйгурские.

С кем равны шесть названий родов и в чье число они не входят: илогэ, уйгур или девяти родов?

Если не входят в число ни тех ни других, то в чье число входят?

Почему шесть родов, не входя в данные числа, тем не менее упоминаются именно здесь? Упоминание карлуков и басмылов понятно: они были присоединены к девяти родам. Вместе с ними стало 11.

Ключ к пониманию дает ответ на третий вопрос. Шесть родов не могли быть равными с собственно илогэ и входить в его число. Здесь сказано «равные с ними», а не с ним. Он был один и как таковой не имел числа — вернее его число равнялось единице. Следовательно, текст имел в виду равенство шести родов с уйгурскими и то, что они не входили в число уйгур. Кстати, Н. Я. Бичурин так и переводил: «Сии шесть домов были равны с уйгурами».

Повторное пояснение значения илогэ как общесобирательного имени уйгур дано для выделения собственно уйгур из числа последующих восьми родов, приведенных в данном **девятиплеменном списке**. Следующие за ним восемь могут рассматриваться как неуйгурские.

Таким образом, в общем списке «девятиплеменного» объединения включены восемь «неуйгурских» племен, а после самого списка «девяти», неизвестно почему, названы еще шесть племен, не входящих ни в число уйгур, ни в число девять.

Это объясняется, по-видимому, следующим: «Новая Танская история» была написана немного позднее «Обозрения Танской истории» Ван Пу. (Последнее составлялось с 618 г. и было закончено в 961 г.). «Новую Танскую историю» писали по «Старой Танской истории» и по материалам других сочинений. Ее основные авторы Оуян Сю (1007—1072 гг.) и Сун Цю до автора предисловия Гун Ляна (1060 г.) включали материалы из разновременных сочинений. Китайским хронистам XI в., по-видимому, были известны два обстоятельства. С одной стороны, «девятиплеменное» объединение состояло из уйгур и неких восьми неуйгурских племен. Племена пугу, хунь, байегу, тунло, сыцзе и киби были им очень близки и входили в какое-то число; с другой стороны, к «девятиплемен-

ному» объединению были близки роды, перечисленные после илогэ в списке девяти. Авторы по ошибке не включили пугу, хунь, байегу и др. в список «девятиплеменного» объединения, но поставили их рядом с ним, «наравне».

В списке девяти родов вместо них перечислены другие «не-уйгурские», которые в действительности были уйгурскими. При этом, между прочим, была совершена другая ошибка. Собственно уйгуры имели название десятиродовых (он уйгур), а не девятиродовых. Тот факт, что составители летописи без оговорки указали лишь на 9, а не 10 родов говорит об их представлении «девятиплеменного» объединения Гули Пэйло (Моюн-Чура). На появление такой ошибки мог оказать также влияние распад токуз-огузского объединения как раз на рубеже X—XI вв., когда уйгуры и «восьмиплеменная» группа обособились друг от друга. В общем, каковы бы ни были причины ошибки, список «девятиплеменного» объединения в «Обзрении Танской истории» Ван Пу дан правильный, а в «Новой Танской истории» неправильный.

Девять названных в списке «Новой Танской истории» родов следует принимать за собственно уйгурские. Они назывались: илогэ, худугэ, иовуге, хувэньсо, хасеу, цзюйлоу, мокэсицзе, аучжай, гэса. К ним же относился отдельно названный «уйгурским» десятый род — юаньгэ. Между прочим, некоторые названия в китайской передаче довольно созвучны: юаньгэ, илогэ, овугэ, худугэ. Может быть, это тоже какое-то свидетельство их особой близости.

В пользу уйгурского происхождения указанных родов имеется ряд доказательств. Например, они не фигурируют в списках племен тэлэ, где перечисляются все самостоятельные крупные и мелкие племена, входившие в объединение токуз-огузов. Вместо них назван один главенствовавший среди уйгур род юаньгэ и пояснено: юаньгэ — собирательное название уйгур.

Тюркские названия девяти указанных родов, переданные в китайских летописях с большим искажением, Д. Гамильтоном восстанавливаются: яглакар, утуркар, турламвюр (кюрламвюр), бокасыкыр (боксыкыт), авучар, ка(р)сар, хогорсув, ягмвюркар (ябуткар), хйейямвюр¹.

Напоминая о десятом роде юаньгэ, мы, конечно, не стремимся насчитать количество родов, непременно соответствующ-

¹ J. R. Hamilton. Les ouighours à l'époque des cinq dynasties, d'après les documents chinois, Paris, 1955, стр. 3—4; F. W. K. Müller. Uigurische Glossen. Ostasiatische Zeitschrift, Jhrg. 8, Berlin, 1920, стр. 310—313.

щих их названию он-уйгур (десять уйгур). Напротив, допускаем, что китайские авторы могли либо перечислить чужие, примкнувшие в тот или иной период, либо не указать собственно уйгурские роды. Не понимая первоначального значения тюркских числовых этнонимов, они всегда стремились насчитывать соответствующее количество племен.

Кстати сказать, некоторые группы из отделившихся родов секиз-огузов, такие, как пугу, хунь, киби, тунло и другие, в конечном счете консолидировались с уйгурскими. Их история тесно переплеталась в течение 4—5 столетий. Они отрывались от основной массы своих сородичей в процессе междоусобиц и при других обстоятельствах. Первоначальная принадлежность этих групп впоследствии была забыта, и они стали именоваться уйгурскими. Точно так же уйгурские роды отрывались от основной массы. Уйгурский каган Моюн-Чур, разгромив каганат туцзюе, выступил против своих союзников карлуков и басмылов и насильно присоединил их к общему объединению токуз-огузов.

По-видимому, некоторые родо-племенные группы карлуков и басмылов в дальнейшем консолидировались и смешались с общей массой токуз-огузов. Возможно даже, что карлуки фигурируют в позднейших источниках под именем «уйгурских карлуков». Точно так же к уйгурам позднее причислялись некоторые роды из «восьмиплеменного» объединения секиз-огузов, например распавшегося племени-народа пугу и др.

Название объединения токуз-огузов, вернее возникновение именно такого представления у современников о его составе, можно объяснить следующим образом. Одна из главных групп именовалась «восьмиплеменными огузами» (секиз-огуз), другая группа родов — уйгурами. Так как племя-народ уйгур считалось ветвью «родичей-огузов», то общее название объединения «огузами» было совершенно закономерным.

Второй вопрос — это истолкование числового этнонима. «Восьмиплеменная» группа имела этноним—число 8. Группа уйгур, именовавшаяся «десятиродовой» (он-уйгур), имела этноним—число 10. Их числовые названия в сумме составляли: $8+10=18$. Число 18 не имело особого религиозно-обрядового значения и ни в коем случае не могло подлежать толкованию. Ближайшими к нему священо-магическими числами были 30 и 40. Но они оба уже использовались у уйгур: 30 в названии, по-видимому, какой-то небольшой группы, 40—в названии всех родов уйгур. По этим или каким-то другим причинам указанные числа не годились для объяснения происходящих названий общего объединения. Кроме того, был другой вариант

суммирования числовых названий. Поскольку уйгурская группа родов представляла собою ветвь огузов, она могла как таковая, как племя, приниматься за «единицу». «Восемь» племен огузов и племя-единица уйгур давали сумму $8+1=9$.

Число 9 (токуз) было священно-магическим, воспринималось как состоящее из трех священных троек. Оно фигурировало в религиозно-общественной жизни у ряда тюрко-монгольских народов. Например, его имели традиционные союзы токуз-огузов, именовавшиеся токуз-татарами. Девятикопечным был бунчук у Чингиз-хана.

Первоначально карлуки именовались «трехплеменными» (уч-карлук). Затем, когда племен стало намного больше — можно было насчитать до девяти, — за единицу счета принимается не одно племя, а тройка племен. В результате назывались не три племени, а три тройки племен.

Итак, число 9, будучи священно-магическим, могло быть принято в качестве названия племен.

Приведенные свидетельства о взаимоотношениях группы родов уйгур и группы «восьми» в VII—IX вв. в составе объединения токузов-огузов (родичей огузов) согласуются с его последующей историей, закончившейся исчезновением самого названия.

Уйгуры и секиз-огузы с давних времен представляли собою две особые группы. Временами, как при Моюн-Чуре, между ними шла борьба за верховенство или, во всяком случае, за независимость секиз-огузов от родо-племенной знати уйгур. Она продолжалась при его преемниках — вплоть до падения их власти в 839—840 гг. В настоящее время пока трудно выяснить племенную принадлежность двух могущественных князей, свергших в 839—840 гг. подряд двух ханов уйгурской династии. Но можно с уверенностью предполагать, что восьмиплеменная группа секиз-огузов не стояла в стороне от этой борьбы. Может быть даже, что их предводитель, призвав на помощь кыргызы, сверг уйгур, чем воспользовались кыргызы.

Некоторые факты этой борьбы будут освещены в следующей главе при рассмотрении обстоятельств переселения уйгурских родов с Хангая на Тянь-Шань. Здесь мы ограничимся лишь напоминанием самого факта их переселения.

Переселившиеся к Тянь-Шаню уйгурские роды быстро оправились от поражения. Их князья, подчинив местные племена, основали здесь новое обширное государство. Возможно, они вторично установили свою власть над некоторыми племенами секиз-огузов. Их владения на западе начинались от Ис-

сык-Куля, на востоке доходили до Хангая, с севера на юг простирались от страны кыргызы до Китая.

Характерно, что вновь созданное государство уйгур с центром в Восточном Тянь-Шане традиционно сохраняло название токуз-огузов или огузов (может быть потому, что уйгуры восстановили свою власть над некоторыми западными племенами секиз-огузов и претендовали на верховенство над ними). Именно так его именовали все арабо-персоязычные авторы до конца X—начала XI вв. (в их передаче—тогуз-гузы или гузы).

Уйгурское государство токуз-огузов считалось в X в. самым могущественным из всех тюркских. «Страна тогуз-гузов, — говорится в географическом сочинении того времени «Худуд ал-Алам», — больше всех других областей тюрков... в ней больше всего населения. Правители всего Туркестана в прежние времена были из тогуз-гузов. Они самые богатые среди тюрков, татары есть одно из племен тогуз-гузов»¹.

Название государства и народа токуз-огузов в мусульманских сочинениях XI в. сменилось названием уйгуров. Это было замечено еще В. В. Бартольд в связи с сочинением Махмуда Кашгарского, который вместо «тогуз-гуз» везде писал «уйгуры».

В. В. Бартольд объяснял эту странность плохой осведомленностью всех авторов, кроме Махмуда Кашгарского, ошибочно именовавших уйгур тогуз-гузами (В. В. Бартольд. Киргизы, 1943, стр. 18). Такое объяснение сомнительно. Многие предшественники Махмуда Кашгарского лично посещали страну токузов-огузов в Восточном Тянь-Шане. Что-то, а название столь широко известного народа они не могли не знать. Действительная причина, по нашему мнению, иная. Когда на рубеже X—XI вв. первоначальное значение слова «токуз» было утрачено, а группа секиз-огузов и уйгуры окончательно обособились друг от друга, и их объединение прекратило существование, то исчезло само его название.

Уйгуры и «восемь» огузов (по-монгольски—найман) стали именоваться только собственными именами. Но память об их объединении как «родичей огузов» продолжала сохраняться в преданиях еще несколько веков.

Примером могут служить уйгурские легенды, записанные, правда, в несколько искаженной форме в XIII—XIV вв. Значение названия объединения токуз-огузов, во главе которого за 3—4 столетия до того стояли уйгуры, было забыто. В памяти сохранились лишь названия двух неких групп: «он—де-

¹ Худуд ал-Алам. Публ. В. В. Бартольда, 1930, л. 166.

сять» и «токуз—девять». Ранее они обозначали название десятиродовой группы собственно уйгур и объединения огузов во главе с этой группой уйгур. Теперь происхождение их названия связывалось с количеством... рек, на которых жили племена. Причем все племена по прошествии столетий представлялись уйгурскими, а не огузскими.

Одна из таких легенд передана в «Сборнике летописей» XIV в. Рашид ад-дина, где излагается древняя история уйгурских племен Тянь-Шаня.

Их прежнее местожительство в Хангайском нагорье, по притокам рек Орхона и Селенги, передается правильно. Но происхождение названия связывается уже не с численностью племен, а с реками. В древние времена, говорится в «Сборнике летописей», местопребывание уйгурских племен было по течением рек. Те уйгуры, которые проживали по течением десяти рек, назывались «он уйгур», а жившие в местности девяти рек — «токуз уйгур». В подтверждение происхождения двух групп уйгур — «он» и «токуз» перечисляются реки (которые, как видно из предшествующего, исторически не имеют никакого отношения к происхождению названия). А когда дело доходит до численности племен, их оказывается всего 9 и 5 (то есть всего 14)¹. Как видим в легенде, объединение огузов во главе с уйгурами спустя несколько столетий стало приниматься за уйгурское.

Если в период VII—X вв. вместо имени уйгур употреблялось общее название токуз-огузы, то в XIV в. мы видим пример того, как имя уйгур могло распространиться на все объединение токуз-огузов. Причины хорошо понятны. Группа уйгур долго занимала господствующее положение. Впоследствии их название распространилось на само объединение токуз-огузов.

История группы секиз-огузов после распада объединения токуз-огузов такова. Ее обособление, выход из-под верховенства уйгур и означали, собственно говоря, распад государственного объединения токуз-огузов. Племена секиз-огузов во время переселения уйгуров с Орхона к Тянь-Шаню оставались на своих местах на Алтайско-Хангайском нагорье. Их тюркское название «секиз», воспринимаемое как числительное «восемь», впоследствии сменилось монгольским «найман».

О прошлой близости найман к уйгурам говорят многие факты. Например, в «Сборнике летописей» Рашид ад-дина имеется одна интересная легенда из истории найман. Хан найман в прежние времена, говорится в ней, был Буку-хан. «Бу-

¹ Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. 1, ч. 1, М., 1952, стр. 146.

ку-хан в древние времена был великим государем, к памяти (которого) уйгуры и много (других) племен относятся с полным уважением и рассказывают, что он родился от одного дерева»¹.

У уйгур действительно была такая общая с найманской легенда о Буку-хане, родившемся от дерева («рождение» от дерева связано, может быть, с прошлым почитанием деревьев). Она записана в сочинении автора XIII в. Джувейни. Буку-хан, по легенде, был самым великим ханом уйгур, покорившим монголов, кыргызы и другие народы. Общая у найман и уйгур легенда о Буку-хане, по-видимому, восходит к времени совместного их пребывания в составе токуз-огузов, когда найманы именовались по-тюркски «секиз-огузами», а Буку мог быть главой группы племени пугу.

Очень интересно замечание Рашид ад-дина об одном из южных племен, родственном, по-видимому, одновременно и найманам, и уйгурам. «Из племен, близких к найманам и юрты коих соприкасались с ними, было племя тикин. У него был государем Кадыр-Буюрук... Царство этого Кадыр-Буюрук-хана и его предков было больше, чем государства Он-хана и Таяна (найманского хана начала VIII в. — К. П.) и других царей керейтов и найманов; и они были славнее и почетнее их. По прошествии некоторых времен упомянутые государи стали сильнее, чем они» (там же, стр. 139). Сообщения о племени тикин указывают на его близкое родство с найманскими племенами и, кажется, на ответвление его от уйгуро-найманских (в прошлом токуз-огузских) племен. Может быть, само его наименование тикин появилось в связи с известным у древних уйгур титулом-именем тегин (вроде принца) как название рода наследных принцев-ханов. Оно означало «ханский, царский» род.

Это совпадает с преданием о его великих предках. Такие совпадения следует тщательно проверить. Они могут дать важные свидетельства о прошлой близости уйгурских и найманских племен, восходящей ко времени существования их объединения «токуз-огуз». Как указано, найманы после его распада продолжали жить на старых местах, все время оставаясь южными соседями кыргызы.

В XI—XII вв. найманы, нанеся кыргызам ряд поражений, понемногу оттеснили их на север. Сообщение о войнах найман с кыргызами в этот период содержится у Рашид-ад-дина. Накануне возвышения монголов в конце XII в. найманы занимали все Алтайско-Хангайское нагорье. «Места, на которых они

¹ Рашид ад-дин. Указ. публ., т. 1, часть 1, стр. 139.

сидели, — говорится в «Сборнике летописей» Рашид ад-дина, — таковы. Большой Алтай, Каракорум, где Угэдэй-каан в тамошней долине (реки Орхона. — *К. П.*) построил величественный дворец, горы: Элуй-Сирас и Кок Ирдыш (Синий Иртыш), — в этих пределах обитало также племя канглы, — река Иртыш, горы, лежащие между этой рекой и областью киргизов и соприкасающихся с пределами той страны, до местностей земель Монголии»¹. Под горами между Иртышем и областью кыргызов подразумевается собственно Алтай с цепью горных хребтов Северного Хангая.

В 1200-х годах Чингиз-хан в кровопролитной борьбе разгромил найманов. Большинство их бежало с Алтая на территорию современного Казахстана (и вошло в состав казахской народности), часть — на Тянь-Шань.

По вопросу языковой принадлежности найманов существуют два крайних мнения, сторонники которых приводят в равной мере основательные, а в общем недостаточно убедительные аргументы. Одни считают найманов монголоязычными, другие — тюркоязычными. Мы первоначально склонялись к первому мнению. Но изучение происхождения и истории найман привело к убеждению, что такая постановка вопроса не может быть правильной. В составе государственно-этнического объединения найман были и тюркоязычные, и монголоязычные племена.

В ранние времена группа секиз-огузов была тюркоязычной. Диалекты ее племен, по-видимому, приближались к уйгурским. Но уже в VII—VIII вв. в ее состав попадали монголоязычные племена. Например, племена — народ баргу, в отдельные времена частично или целиком входившие в ее состав, представляли собою большой конгломерат тюрко-монгольских племен. О том же говорит тесный традиционный союз «восьмиплеменной» группы с монголоязычными токуз-татарами, совместно выступавшими против уйгур. В описании народа и страны токуз-огузов в «Худуд ал-Алам» имеется одно важное замечание — «татары есть одно из племен токуз-огузов»². Оно дает основание предполагать сближение монголоязычных племен с собственно огузскими еще в составе объединения токуз-огузов.

Период IX—XII вв. был, по-видимому, временем омонголивания значительной части секиз-огузов как в физическом, так и в языковом отношениях. Возможно, сама смена тюркского названия «секиз» на монгольское «найман» произошла под

¹ Рашид ад-дин. Указ. публ., т. 1, ч. 1, стр. 136.

² Худуд ал-Алам. Указ. публ., л. 16-б.

влиянием увеличения численности монгольских племен и их роли. Короче говоря, территориально-государственное объединение найман, как многие другие до него и после него, не было однородным. Соотношение тюркоязычных и монголоязычных племен, входивших в его состав, в разные периоды было разным. В конце X—начале XI вв. от него обособилась основная масса баргутов, из состава которых затем выделились тумы, по-видимому, ойраты и другие племенные группы Енисейско-Прибайкальского района.

По описаниям Рашида ад-дина, найманы в XI—XII вв. делились на много ветвей и групп, то объединявшихся, то враждовавших между собою. Среди них были и монголоязычные и тюркоязычные с одинаковыми названиями. Наличие одноименных групп у тюрков и монголов широко известно как до возвышения монголов (до XIII в.), так и в монгольское время. Например, одни племена с названием «баят» в XI—XII вв. считались исконно огузскими, другие — исконно монгольскими, а некоторые тунгузско-маньчжурскими.

Подобные примеры можно привести и для периода после XIII в., когда монгольские названия существовали у тюркских племен на всей территории от Монголии до Черного моря.

Имея в виду разную языковую принадлежность найманско-огузских племен, вышедших на историческую арену после распада объединения токуз-огузов, можно правильно решить вопрос о происхождении уйгурской письменности у монголов, полученной через найманов, и ряд других важных проблем. Уйгурская письменность была усвоена огузско-найманскими племенами в период их пребывания в составе государственного объединения токуз-огузов, во главе которого стояли уйгуры. Письменность и государственный язык в то время закономерно были уйгурскими. Монголоязычные племена найман передали эту письменность монголам.

Нам кажется, что, когда история «восьмиплеменного» объединения секиз-огузов, позднее именовавшегося найманским, будет хорошо исследована, вместе с ней едва ли не наполовину станут ясными вопросы сложного процесса этногенеза народов Енисейско-Иртышского междуречья, откуда в XIII в. вышли племена, определившие этнический облик тяньшаньских киргизов как народности.

Думаем, что некоторые признаки диалекта современных киргизских племен группы ичкилик, общие с уйгурскими, объясняются длительным проживанием предков булгачи-ичкиликов на юге Енисейско-Иртышского междуречья по сосед-

ству с племенами секиз-огуз, т. е. позднее найман. Найманы были их южными соседями¹.

Значительное число уйгуроязычных племен и групп с названием уйгур вошло в состав тувинцев (например, группа с древним названием «он уйгур» у хакасов, алтайцев).

О большом влиянии токуз-огузов на современных алтайцев говорят их древние обряды и детали одежды у алтайских шаманов. Шаман имеет специальный обрядовый кафтан, увешанный комплектами девяти (токуз) разных предметов. На его спине нашиваются куклы (изображения «токуз-кыз—девяти дочерей» бога Ылгӑн'я), которые можно рассматривать как параллель самому названию «токуз-огуз — девять родов, поколений» и пр. Ниже кукол по два комплекта токуз из перламутровых раковин; еще ниже — два комплекта токуз колец, токуз луков. Под поясом — токуз дужных бубенцов, ниже их токуз игольников. На боковых частях кафтана «арба-жгут», имеющий токуз оторочек. Параллельно ему вешается токуз жгутов. На груди — швы с токуз узлами, комплект токуз лент, на рукавах токуз бубенцов. На шапке парчовый шнур с токуз узлами, шнурки из овечьей белой шерсти с токуз узлами. Словом, алтайский шаман сверху донизу обвешен комплектами токуз².

В определенном смысле он сам представляет собою комплект «токуз», воплощая предков «токуз». Особое, исключительное почитание у алтайцев явно древнего значения «токуз», по-видимому, говорит о большом влиянии на их быт обычаев и обрядов, существовавших у токуз-огузов. Избирательность особого обрядового значения девяток именно у них вряд ли может быть случайной.

§ 4. Состав населения Иртышско-Енисейского междуречья в конце XII в.

Племенной состав населения Иртышско-Енисейского междуречья в конце XII в. был очень пестрым. Кроме племен, именовавшихся кыргыз, алачин, кубан, кыпчак и ойрат, здесь проживало также множество разных близкородственных им тюркоязычных племенных групп распавшегося уйгуро-токуз-огузского объединения и монголоязычные племенные группы. Ни одна из таких групп-племен, или племенных союзов, как и сами кыргызы, не представляла собою сложившейся народно-

¹ К сказанному можно добавить сообщение «Юань-ши» (гл. 63), на которое любезно указал нам Ю. А. Зуев, что язык найман «сходен с уйгурским».

² Подробные описания их см.: А. В. Анохин, Материалы по шаманизму у алтайцев. Л., 1924, стр. 33—65 и др.

сти. Современники затруднялись причислять их к какому-либо определенному народу. Иногда всех их именовали собирательным названием «лесные народы».

Некоторое представление о составе населения Енисейско-Иртышского междуречья в то время могут дать описания отдельных групп племен в том же «Сборнике летописей» Рашид ад-дина. Например, в разделе описания кыргызских групп племени кистим (или куштеми) и близкородственных им урасутов и теленгутов говорится: «Племена урасут, теленгут и куштеми (по облику) подобны монголам... Их называют лесным племенем потому, что они обитают по лесам в пределах страны кыргызов и кэм-кэмджиутов (енисейцев)... Лесные племена многочисленны, и люди мало осведомленные впадали в заблуждение потому, что всякое племя, юрты которого были расположены по лесистым местам, называли лесным племенем. Так называли и племя тайджиут вследствие того, что их стоянки были между страной монголов, кыргызов и баргутов» (Рашид ад-дин. Указ. публ., т. I, ч. 1, стр. 123).

Некоторые родо-племенные группы урасутов, теленгутов и куштеми (кистим), переселившиеся в XIII в. на Тянь-Шань вместе с другими кыргызскими племенами, сохранили свои названия до сих пор. В настоящее время теленгуты (теленгиты), как говорилось ранее, живут у верховьев енисейских притоков Абакана и Кемчика. Урасутов некоторые отождествляют с упоминаемым в китайской летописи «Юань-Ши» народом ус (усут, усцы), мужчины которого, по преданию, вступили в брак с 40 девушками кыргызов.

Состав только что упомянутых баргутов, включавших разные тюркоязычные племена бывшего объединения токуз-огузов и ойрат-монгольские племена, тоже был пестрым. У Рашид ад-дина имеется общее описание баргутских племен кори (или кури, фури) и толес в XII в. «Племена баргут, кори и толес близки друг с другом, племя тумат также ответвилось от них, — говорится в описании. — Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища находятся на левой стороне реки Селенги, на самом краю местности и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин Токум. В тех пределах жило множество других племен: ойрат, булагачин и кэрэмучин и другое племя, которое они называют хойин-урианхай. Оно было также близко к этим границам. Каждое племя имело в отдельности своего предводителя. Чингиз-хан покорил их всех» (там же, стр. 121).

Булгачи и кэрэмучи, по-видимому, составили основное ядро предков группы ичкилик, т. е. одной из трех главных групп нынешних кыргызов. Старые непонятные названия булгачи и

кэрэмучи были ими забыты, вероятно, в XVI—XVII вв. Второе название «ичкилик» произошло от названия области Ички. Ички по-тюркски означает «внутренняя, глухая или таежная область или край». Ички-лик — название жителей — выходцев из внутренней области Ички (аналогично туркменскому названию группы племен ички). Ички закрепилось за ними, вероятно, в период объединения этих племен с правым и левым крылом племен области Кыркыр-хан. Последние, жившие в окраинной пограничной области кыргыз, могли рассматривать булгачи, ранее проживавших во внутренних областях кыргыз, как «внутренних» кыргыз¹.

Родо-племенные группы баргу и толес, жившие в XII в. в одной местности с булгачи-ичкиликами и входящие ныне в состав ичкиликов, сохраняют свои названия до сих пор. Толес — одно из древних распавшихся племенных объединений Енисейско-Иртышского междуречья.

Вперемежку с баргутами, толесами, булгачи-ичкиликами и другими кыргызскими племенами жили племена ранее упомянутых туматов, или «десятитысячноплеменного» народа. «Местопребывание этого народа было поблизости области Баргуджин Токум. Он также ответвился от родственников и ветви баргутов». «Туматы жили в пределах страны киргизов и были чрезвычайно воинственным народом, имели сильные войска», — говорится в «Сборнике летописей» Рашид ад-дина. Туматы в древности занимали также верховья Енисея, перед тем как ойраты-монголы оттеснили часть их племен (там же, т. I. ч. I, стр. 122).

На юге Енисейско-Иртышского междуречья по нагорьям Танну-ола и Алтая жили найманы, которые в конце XI—начале XII вв., оттесняли на север кыпчакско-кыргызские племена. Здесь проживало также несколько тысяч уйгур, о которых упоминается в 63-й главе «Юань-ши».

Западные области междуречья занимали кымакско-кыпчакские племена, или восточные кыпчаки. Некоторые из них были близкородственными кыргызским и перемешивались с ними. Здесь проживало также много групп канглов, которые впоследствии перемешались с общей массой кыпчаков и переняли их название.

Имеются серьезные основания предполагать выделение ойратов из состава большого конгломерата баргутов (одного из подразделений секиз-огуз—позднее найман), численность которых, по китайским источникам, доходила в VIII—IX вв. до 300 тыс. человек. Цифра по тем временам внушительная.

¹ К. И. Петров. К истории движения киргизов..., стр. 134.

Хотя ойраты по языку близки монголам, все же их язык имел некоторые отличия. Ойраты всегда отличали себя от монголов, а монголы никогда не причисляли ойратов к своим соплеменникам. «Местопребыванием ойратских племен было Восьмиречье, — писали составители «Сборника летописей» Рашид ад-дина, имея в виду период XI—XII вв. — Из этой области берут начало реки, которые при слиянии образуют Енисей. В древности по течению этих рек жило племя туматов. Племена ойратов издавна были многочисленны и разветвлялись на несколько подразделений. У каждого в отдельности было определенное название» (там же, т. I, ч. 1, стр. 118). Таким образом, ойратские племена в начале II тысячелетия занимали верховья Енисея, где до них жили туматы. По-видимому, значительное число племен, вошедших в состав ойратов, до образования ойратского объединения причислялось также к туматам. (как указывалось, название туматов, происшедшее от монгольского числительного десять тысяч, означало «десятитысячноплеменный» народ в смысле «многоплеменный, великоплеменный»).

Отдельные группы ойратских племен кроме верховьев Енисея жили также в других областях Енисейско-Иртышского междуречья, кочуя попеременно с кыргызскими. Равным образом и некоторые кыргызские племена перемешивались с ойратскими. Судьбы таких ойратских и кыргызских племен зависели от того, с кем они в конце концов сливались: с общей массой монголоязычных ойратов или с тюркоязычными кыргызскими племенами.

Ойрат-монгольские племена после изгнания Чингиз-ханом большинства найманов с Алтая распространились вместе с кыргызскими племенами по всему Алтайско-Хангайскому нагорью. Здесь они перемешивались с другими монголоязычными и тюркскими группами.

Под верховенством ойратов в период развала Монгольской империи в середине XIV в. создавались обширные объединения. Продвижение собственно ойрат-монгольских племен с юго-востока в пределы страны енисейских кыргыз имело место в XI—XII вв. За ними следовали другие монголоязычные племена.

Численность монголоязычных групп в Енисейско-Иртышском междуречье со временем увеличилась, фронт движения расширился. В XII в. монголоязычные племена ойратов и других групп занимали южные области междуречья, отесняя на север кыргызско-кыпчакские племена. С конца XII—начала XIII вв. сюда стали проникать собственно монгольские племена. Их переселения были связаны с той грандиозной борьбой,

которая началась при предках Чингиз-хана и завершилась его возвышением. Ее вели соперничавшие между собою могущественные предводители крупных племенных союзов. Каждый из них либо сам хотел стать верховным ханом, либо отказывался признавать такового, когда тот появлялся. Самыми крупными из племенных групп-союзов были монголы, меркиты, керейты, находившиеся в Монголии, и соседи киргизов тайджиуты, а также найманы, выделившиеся из уйгуро-тогуз-огузского объединения и занимавшие Хангайско-Алтайское нагорье.

Предводитель тайджиутов Чжамуха был главным соперником Чингиз-хана. Его поддерживали ойраты, баарины и другие монголо-тюркские племена междуречья, а также временами найманы и меркиты. Они объявили в начале 1200-х годов Чжамуху великим ханом и выступили против Чингиз-хана и его союзника Ван-хана (или Он-хан) керейтов. Чингиз-хан вместе с Ван-ханом нанесли ряд поражений меркитам и найманам, преследуя их по всему Хангаю и Алтаю. Часть найманских племен, спасаясь от преследователей, бежала к кыргызам, часть временно отошла к Иртышу.

Чингиз-хан, разгромив соперников, обратился против своего союзника Ван-хана. Разгромленные племена керейтов после гибели Ван-хана рассеялись от Енисея до Тибета и Тянь-Шаня.

Хотя междоусобная борьба на территории Монголии в 1190—1200-х годах на первых порах не имела прямого отношения к кыпчакско-кыргызским племенам Енисейско-Иртышского междуречья, на их территорию в этот период прибывало много осколков разгромленных найманских групп и монголоязычных племен тайджиутов, меркитов, керейтов и других. Некоторые из них временно пребывали в этих краях, затем возвращались в Монголию для продолжения войны. Другие оставались совсем, присоединяясь к ойратским и кыпчакско-кыргызским племенам.

В 1205—1207 гг. последовало покорение самих кыргызских племен. Когда Чингиз-хан на всемонгольском съезде 1206 г. раздавал племена и области своим приближенным, он передал покоренные к этому времени «лесные» народы юга Енисейско-Иртышского междуречья в ведение своего тысячника баарина Хорчи. «Он повелел,—говорится в Монгольском «Сокровенном сказании» XIII в., — пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами баарин, но также пополненными до тьмы («тьма»—10 тысяч.—*К. П.*) адаркинцами, чиносцами, толосами и теленгутами... Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям

вплоть до прииртышских лесных народов и начальствует над темью лесных народов. По поводу самовольных переходов нечего задумываться!».

В результате этого распоряжения тюркоязычное население южных областей Енисейско-Иртышского междуречья пополнилось большой группой монголоязычных племен баарин, адаркинцев, чиносцев. Было создано смешанное монголо-тюркское войско — «тьма» (туман) баарин, теленгутов, толесов и других лесных племен. Племена бааринов, переместившиеся впоследствии с кыргызскими на Тянь-Шань, играли здесь большую роль. Название родо-племенных групп баарин сохраняются у киргизов до настоящего времени.

В те же 1206—1207 гг. Чингиз-хан послал своего старшего сына Джучи для покорения остальных народов Енисейско-Иртышского междуречья. Джучи подчинил сначала ойрат-монголов. Их предводитель примкнул к Джучи и оказал ему помощь в покорении кыргызских и других племен междуречья: толесов, толенгутов, куштеми (кистим), сибир, туматов и прочих.

Через год последовало покорение прииртышских племен кыпчаков и канглы. Ему предшествовал окончательный разгром меркитов и найманов и изгнание части их с Алтая. Последнее кровопролитное сражение состоялось на Иртыше. Оно закончилось разгромом и истерблением наймано-меркитских сил. Их племена рассеялись по разным краям. Одни из них во главе с найманским ханом Кучлуком бежали через земли уйгур и карлуков к киданям на Тянь-Шань (о переселении киданей на Тянь-Шань говорится далее), другие — в Заиртышские области кыпчаков и канглов, т. е. в Восточный Казахстан. Преследовавшие их полководцы Чингиз-хана потребовали от местных кыпчакских ханов признания власти Чингиз-хана. В среде кыпчакских ханов возникли распри, ослабившие их сопротивление. Некоторые подчинились добровольно. В результате власть монголов распространилась на большую часть кыпчакских владений нынешнего Казахстана.

В 1209—1211 гг. Чингиз-хану добровольно подчинились правители уйгуров и карлуков Восточного Тянь-Шаня, которые искали у него поддержки в борьбе с найманским ханом Кучлуком, претендовавшим на власть на Тянь-Шане. Они воевали с Кучлуком почти десять лет — до тех пор, пока монгольские войска во время грандиозного вторжения в Среднюю Азию не добились и не рассеяли остатки найманов на Тянь-Шане.

Чингиз-хан разделил покоренные народы между тремя сыновьями, выделив каждому из них собственно монгольские

войска и племена, чтобы держать в подчинении покоренные удельно-улусные племена. Енисейско-Иртышское междуречье и Дешт-и Кыпчак (в основном территория Казахстана) стали юртом Джучи. Все кыргызские и кыпчакские племена от Енисея до Тянь-Шаня и Волги оказались в его подчинении. Главная ставка Джучи была на Иртыше. При ней находилось выделенное ему войско и монгольские племена сиджигут, кингит и хушин.

С образованием улуса Джучи кыргызско-кыпчакское население Енисейско-Иртышского междуречья пополнилось новыми монголоязычными пришельцами. Сначала сюда переселилось около 9000 семей, т. е. до 50 тыс. человек трех указанных племен, затем прибывали племена мангут, уруут и другие. Они, однако, недолго находились в этих местах. Большинство из них через некоторое время перекочевало в западнокыпчакские области к Поволжью, где быстро растворилось среди кыпчакских племен. Другие передвинулись в XIII в. с кыргызскими племенами на Тянь-Шань и были окиргизены.

ГЛАВА III

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ТЯНЬ-ШАНЯ ДО XIII В.

§ 1. Тюрко-огузские племенные объединения на Тянь-Шане до VIII в.

Первым племенным союзом на Тянь-Шане, о котором нам известно, был племенной союз саков, или скифов, Средней Азии. Сакское государство середины I тысячелетия до н. э. состояло из разнородных племен. Их культура многогранна. По внешнему облику саки были европеоидными, хотя в формировании их физического типа уже участвовал монголоидный элемент. Во II в. до н. э. большинство саков было вытеснено усунями и другими восточными соседями. Усуни в период развала союза саков создали под своим верховенством новое объединение племен. Они занимали территорию до Алтая.

Усуни были тоже кочевниками-скотоводами. Их хозяйство, утварь, обычаи — в общем культура во многих отношениях сходна с культурой племен, живших в Восточном Казахстане и Иртышско-Енисейском междуречье.

В вопросах происхождения усуней много неясного. Последние исследования позволяют предполагать, что сложение их первых объединений имело место в пределах Северного Китая или где-то по-соседству. Племена усуньского объединения, по-видимому, были близки соседним гуннским племенам Монголии или даже представляли собою одну из обособившихся групп гуннов. В их внешнем облике было довольно много монголоидных элементов (по подсчетам Г. Ф. Дебеца, до 35—45%). Некоторые исследователи не без основания относят усуней к тюркоязычным народам. (Сводка последних мнений содержится в статье Ю. А. Зуева «К этнической истории усуней». Сб. «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960).

В легендах о происхождении усуней имеется ряд преданий, совпадающих с позднейшими преданиями V—VI вв. тюрков-туцзюе. Они записаны в древней китайской летописи «Цзянь Хань-шу» (в переводе Н. Я. Бичурина: Собрание све-

дений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II, стр. 155).

Усуньские племена составляли с середины II в. до н. э. основное население Тянь-Шаня. Хотя часть их на рубеже нашей эры была вытеснена на запад, остававшиеся оказывали заметное влияние на вновь прибывавшие племена. Это влияние особенно прослеживается в преемственности материальной и духовной культуры.

На рубеже нашей эры население Тянь-Шаня пополнялось некоторыми племенами из собственно гуннского союза. Они двигались в основном по Северному Тянь-Шаню. За ними следовали племена сянь-би.

Монголоидные племена сянь-би в период возвышения покорили остатки усуней и другие племена Тянь-Шаня. Установление господства племен сянь-би над усунями и другими местными племенами Тянь-Шаня сопровождалось переселением некоторого числа монголоидных родо-племенных групп завоевателей в покоренную страну. То же продолжалось в V—VI вв., когда господство в Монголии и затем на Тянь-Шане перешло к жуань-жуаням, или жужанам, состоявшим в близком родстве с сянь-би. Монголоидные группы сянь-би и жужан, прибывшие в небольшом количестве в IV—VI вв. на Тянь-Шань, растворились среди местного европеоидного населения. Следствием их прибытия было лишь увеличение монголоидной примеси у местного населения некоторых районов Тянь-Шаня.

В середине V в. к Восточному Тянь-Шаню переселились первые тюркские племена рода Ашина, сыгравшие впоследствии большую роль в истории народов Тянь-Шаня и Средней Азии. Они прибыли в 430-х годах из Северного Китая и разместились в районе Гаочана. В 460-х годах жуань-жуани переселили большую часть их, но, по-видимому, не всех на Алтай. Там, на Алтае, под верховенством рода Ашина вскоре сложилось новое сильное государственно-этническое объединение под названием «түркүт». Түркүты быстро установили господство над многими народами от Монголии до Черного моря.

Согласно преданию, рассказанному в предыдущей главе, их легендарный родоначальник, собственное имя которого «тюрк» впоследствии стало названием народа, имел 10 жен. Они происходили из 10 родов. Их 10 сыновьям (он огул) были даны названия 10 материнских родов. (Число 10 связывалось, по-видимому, как и в других случаях, с его священно-магическим значением).

Один из «потомков» сыновей, каган Бумын — правитель уже нелегендарный (умер в 552 г.) — незадолго до своей смерти нанес ряд поражений жуань-жуаням и разгромил их государство. Сын Бумына, Мухань (правление 553—572 гг.), явившийся фактическим основателем огромного государства тюрков, на западе разбил эфталитов, на востоке прогнал киданей, на севере покорил кыргызы и привел в трепет все владения... С востока на запад от Корейского залива до Западного (Каспийского) моря, с юга на север от Песчаной степи до Северного моря — все земли находились под его властью, говорили в китайских летописях тех времен. Позднейшие правители тюркутов, имея в виду первых каганов, хвастливо говорили в надгробных надписях: Вплоть до «Железных ворот» (на границе Афганистана) «очи расселили свой народ. Между этими.. границами они так обитали, устраивая дела (своих) голубых тюрков» (из надписи в честь Кюль-Тегина).

Вторая половина VI—начало VII вв. ознаменовались наплывом на Тянь-Шань племен, носивших собирательное название тюркүт. Единство огромного государства и основавших его племен тюркүтов, составлявших ядро государства, сохранялось, однако, лишь до смерти Муханя. Наследование верховной власти, согласно родовым традициям тюркүтов, переходило не к сыну, а к младшему брату. Сын Муханя, Далобянь, был обойден. Верховная власть перешла к его дяде, Тобо. Однако она оказалась формальной.

Во владении Далобяня, как наследника личного отцовского удела, оказалась значительная группа племен. Личный удел основателя каганата Муханя составляла, по-видимому, основная группа «десяти» тюркских племен, возвысившихся, по китайским преданиям, на Алтае. Мухань, вероятно, в период своих завоеваний переселил их на Тянь-Шань. Затем они перешли по наследству к Далобяню. Пребывание на Тянь-Шане не могло не отразиться на их хозяйственно-экономическом развитии, отличавшемся от развития их соплеменников в Монголии. Они стали обособляться от восточных сородичей, что позволило Далобяню занять независимое положение по отношению к дяде — восточному кагану и стать при его преемниках независимым правителем.

Переселившиеся в VI в. на Тянь-Шань племена тюркүт именовались у своих восточных сородичей *он ок* — десять стрел, «десятистрельными» («стрелы» соответствовали родам или племенам). Китайцы именовали их «западными тюркүтами» (туцзюе).

Числовой этноним он—десять, будучи у тюрков традиционным (например, «десять» родов у усуней, уйгур и др.), по-ви-

димому, не соответствовал реальному количеству родо-племенных групп, хотя китайские летописцы стремились, как обычно, насчитать соответствующее количество племен. Согласно китайским сообщениям, западные тюркыты состояли из двух больших групп-союзов — дулу и нушиби. Пять племен дулу занимали область от Алтая до Или. Пять племен нушиби жили западнее Или. Их названия в китайской передаче: асиги, гэшу, басайгань, асигье и гешу. Так как названия гэшу и асиги (вариант асигье) повторены дважды, то, следовательно, названий племен было фактически три. Повторение названий двух подразделений одноименных племен объясняется стремлением китайцев «насчитать» пять племен. Пять племен дулу назывались чумугань, хулуву, нешетидунь, шуниши и туциши (см. Н. Я. Бичурин. Указ. публ., т. 1, стр. 289). Из всех названий с достоверностью можно отождествить лишь туциши-тюргеши. По другим сообщениям, в составе пяти племен фигурируют также чуюе, чуми, гусу, гэлолу и нушиби (гэлолу — карлуки, гусу, — по-видимому, огузы). Иногда встречаются и другие. Выделять из общего числа фигурирующих племен неких 10 «исконно» тюркытских, как это делали китайцы, вряд ли целесообразно. Предположительно можно отнести к ним лишь племя гус-огуз. Обоснованы также предположения о принадлежности асиги и гэшу к местным племенам усуньского времени. Единство «десятистрельных» тюрков, как и само название, недолго сохранялись на Тянь-Шане.

Западнотюркский каганат, как и другие непрочные объединения кочевников, скоро начал распадаться в результате утраты власти одними племенами и возвышения других, борющихся за господство. В VII в. первенствующее положение занял союз дулу. Руководящую роль в нем играла группа племен тюргешей, включавшая из родо-племенных объединений тухси и аз. Центр тюргешских племен первоначально находился в долине реки Или. Во второй половине VII в. они отвоевали у других племен долину Чу, куда была перенесена ставка их Большой орды. Затем, в начале VIII в., последовали междоусобия в среде самих тюргешских племен, разделившихся на несколько групп.

Ослабление власти тюргешей на Тянь-Шане проходило в обстановке роста на западе государства арабов и распространения с востока власти китайцев, которые еще с предыдущего столетия периодически подчиняли тянь-шаньских тюркских правителей. Соперничество арабов и китайцев на Тянь-Шане привело к известной битве при Таласе в 751 г. Хотя арабы одержали верх, им не удалось закрепить свои успехи. Через полтора десятка лет Тянь-Шань заняли новые орды кочевни-

ков с Алтая, вытеснившие своих предшественников-«десятистрельных» тюрок. То были карлукские племена, за ними последовали гузско-уйгурские племена. С их приходом начался новый период в истории народов Тянь-Шаня.

Хотя население Тянь-Шаня в VII—начале VIII вв. представляли в основном племена тюркүтов, значительные массы их переселялись в тот период на запад вплоть до Черного моря и Кавказа¹. Переселения обуславливались, с одной стороны, завоевательными устремлениями их предводителей на западе, с другой—давлением восточных соплеменников. В надписи в честь Тоньюкука говорится, например, об откочевке в начале VIII в. значительного числа «десятистрельных» племен за Аму-Дарью, в Казахстан и другие области.

Племена «десятистрельных» — западных тюркүтов сыграли большую роль в истории народов Тянь-Шаня. Население Тянь-Шаня ранее состояло из перемешавшихся остатков древних местных племен сакского времени, родо-племенных групп усуней, гуннов, сянь-би, жужан и других народов, прибывавших на Тянь-Шань в ходе вторжений и войн предшествующих столетий.

Некоторые считают западных тюркүтов первыми тюркоязычными пришельцами, которые заложили основы отюречивания местного населения Тянь-Шаня и Средней Азии. Другие, предполагая накапливание здесь тюркоязычных племен еще с рубежа н. э., считают, что тюркүты завершили отюречивание местного населения в языковом отношении. (Мы разделяем последнее мнение). В обоих случаях они сыграли большую роль в языковой ассимиляции местного населения. Оно все или, по крайней мере, **почти все** было с этого времени тюркоязычным и стало именоваться «тюрьками».

Западные тюркүты имели высокую по тем временам культуру, свидетельством чего являются археологические памятники. С их времен сохранились многочисленные надгробные статуи-балбалы, находимые преимущественно на высокогорных сыртах Тянь-Шаня, а также надписи на камнях, гончарных изделиях и других предметах в Таласе, на юге Тянь-Шаня и в других местах.

Статуи, по наблюдениям специалистов, очень сходны с орхоно-енисейскими статуями тюркүтов Монголии и Тувы и довольно отличаются от аналогичных статуй Минусинской котловины, которую занимали в то время племена кыргызов. Это, между прочим, является дополнительным свидетельством предшествовавшего проживания западных «десятистрельных» тюркүтов вместе с восточными соплеменниками в основном на

¹ М. И. Артамонов. История хазар, Л., 1962, стр. 154—155 и др.

Алтайско-Хангайском нагорье, в частности в долинах Орхона, Селенги и Верхнего Енисея.

Что касается надписей на камнях и изделиях, то наблюдения указывают на два факта. Их язык уйгуро-огузской группы (подгруппы тукюе-түркүт), которую представляли древне-огузский и другие языки орхон-енисейской письменности. Алфавит и начертания букв общие для всех орхон-енисейских надписей, хотя некоторые как будто имеют большее сходство с начертаниями надписей на Енисее. Это косвенно может указывать на более тесные культурные связи «десятистрельных» түркүтов, проживавших до своего переселения на Тянь-Шань север-западнее прочих соплеменников, с приенисейскими племенами. Они устанавливались, по-видимому, в период возвышения на Алтае «десяти» племен түркүтов во главе с родом Ашина, составлявших первоначальное ядро тюркского каганата. Племена этой группы, переселившись в период завоеваний на Тянь-Шань, отделились от юго-восточных соплеменников, остававшихся в районе Орхон-Селенги.

Язык уйгуро-огузской группы «десятистрельных» түркүтов, известный нам по таласским и другим современным им надписям, недолго сохранялся на Тянь-Шане. В середине VIII в. его сменили языки карлукской группы, носители которого вытеснили большую часть түркүтов на запад, ассимилировав остальных. Наиболее близкими к языку «десятистрельных» түркүтов из современных языков Средней Азии и западных тюрков являются туркменский, азербайджанский, турецкий и другие, составляющие огузскую группу. Напомним: язык тянь-шаньских киргизов иной (кыпчакской) группы. Поэтому носителей языка таласских памятников и вообще «десятистрельных» түркүтов в языковом отношении нельзя принимать за некоторую часть прямых предков киргизов, как, впрочем, и в физическом отношении, поскольку у них преобладали признаки европеоидной расы. Их потомки в VIII—XII вв. подверглись ассимиляции со стороны карлукско-уйгурского населения.

§ 2. Движение карлукско-уйгурских и близкородственных им племен на Тянь-Шань в VIII—X вв.

Карлуки, согласно некоторым китайским сообщениям («Синь Тан-шу» и др.), представляли обособленную ветвь түркүтов. Их родиной тоже считается Алтай. Группа карлукских племен стала выделяться из общей массы племен түркүтского каганата в период его развала на рубеже VI—VII вв. В среде родственных түркүтов они иногда именовались народом «уч карлук—три карлука». Названия трех родов в до-

шедшей до нас китайской передаче мэуло (меули), чжисы (или пофу) и ташили (краткое описание их истории см.: Н. Я. Бичурин. Указ. публ., т. I, стр. 347). С тюркскими словами ассоциируется лишь последнее (*таш* — камень, *ташиллык* — каменный, горный). Позднейшие мусульманские авторы X—XII вв. насчитывали среди карлуков после их переселения с Алтая на Тянь-Шань уже не три рода, а три тройки. По Ал-Марвази, одну группу составляли три рода чигиль, другую — три рода нерасшифрованного названия «в. г. с. кл.», третью — булак, кукрин (кудеркин) и тухси. По Ауфи, вторая тройка родов имела название х. ски. Третью составляли н. дй, к. валин и тухси.

Существовавшие версии о трех родах и трех тройках родов, представляя собою рациональные толкования числового этнонима «три карлука», показывают, как осторожно следует подходить к установлению действительной численности группировок племен того или иного народа исходя из их числовых этнонимов. Здесь видно, что, например, тухси, выделившиеся из тюргешского рода «десятистрельных» тюркүтов, со времени окарлучивания стали тоже причисляться к карлукским племенам.

В VII в. среди карлуков выделялись две группы: западная, племена которой постепенно перемещались к Тянь-Шаню, и восточная на Хангае. Западные племена поддерживали тесные связи с «десятистрельными» тюркүтами Тянь-Шаня, в особенности с тюргешами, часто объединялись с ними в борьбе против восточных каганов. Карлуки принимали также активное участие в междоусобиях самих «десятистрельных» тюркүтов, которое возрастало по мере развала их каганата.

Карлукский род пофу (или побиг?), занимавший первенствующее положение, с 650-х годов объединялся с двумя из «десятистрельных» племен шушеди (шуниши) и чумугань, иногда с хуву. Их коалиция именовалась «тремя родами» (см. Н. Я. Бичурин. Указ. публ., т. I, стр. 289, 300 и др.). Верховенство принадлежало карлукам. В 690—700-х годах они возглавили борьбу против тюргешского хана Учжилэ на Тянь-Шане.

Восточная группа карлуков принимала активное участие в жизни токуз-огузских племен Хангая. В 745 г. карлуки участвовали вместе с ними в разгроме восточного каганата, на месте которого образовался уйгуро-токуз-огузский каганат. Убив последнего восточного кагана, «карлуки и девять родов (токуз-огуз), — как сообщается в «Синь Тан-шу», — поставили уйгурского шеху (князя) Пэйло. После этого карлуки, жившие у гор Отүкән (Хангай), подчинились уйгурам, а жив-

шие у Алтайских гор и в Бейтине (Бешбалык в Восточном Тянь-Шане) поставили своего собственного шеху» (Н. Я. Бичурин. Указ. публ., т. 1, стр. 649).

В период междоусобиц у тюргшей западные карлуки в 760-х годах настолько усилились, что при поддержке двух вассальных родов түркүтов—хулуву и шуниши—«заняли господствующее положение на всем Тянь-Шане. Установление власти карлуков сопровождалось массовым расселением их племен по Тянь-Шаню и вытеснением на запад большей части түркүтов. Ставка их правителя находилась с этих пор в долине р. Чу.

Этимология термина карлук (карлык) не выяснена. Мы решаемся высказать следующие предположения. В арабских и персидских источниках с VII в. употреблялась другая диалектная форма термина—халлух (каллух, каллык). По сообщению Бекрана, «искаженное» название карлук было халадж (калач). Некоторые авторы употребляли только это имя, а не карлук. Карлык, каллык и калач имеют корни *кар* ~ *кал* (чередование *р* ~ *л*) с аффиксами *-лык* и *-ач*.

Предки народов карлык, калач, канлы (которые в источниках фигурируют обычно как группа близкородственных народов) проживали примерно на одной территории в приалтайско-иртышских областях, куда в начале нашей эры переселились племена «красных» ди (северных варваров) из Шаньси и Ганьсу. Высказанные наши предположения требуют дальнейших исследований.

Именем калач назывались обычно племена—народ, живший на западной окраине карлукских владений. Некоторые из племен калач еще в VII—VIII вв. переместились с огузами за Аму-Дарью, значительная часть их осталась в общей массе с карлуками на Тянь-Шане. Племена кан(г)лы, рассеявшиеся с начала II тысячелетия н. э. по Дешт-и Кыпчак, проживали на Алтае и в Прииртышье до монгольского времени.

Название племени канды группы ичкилик у киргизов—возможно, диалектная форма того же канлы (*кан* с аффиксом *-ды/лы*). (Напомним, что диалект группы ичкилик, жившей на юге Енисейско-Иртышского междуречья, имеет некоторые признаки, общие с карлукским и кыпчакским языками, а народ канлы занимал в некоторых отношениях как раз промежуточное положение между карлуками и кыпчаками).

Распространение карлукских племен по Тянь-Шаню происходило одновременно с возвышением на востоке токуз-огузского объединения во главе с уйгурами, вошедшего в историю под названием уйгурского каганата. В 760-х годах карлукский правитель на Тянь-Шане настолько усилился, что

«вступил в состязание с уйгурами» («Синь-Тан-шу», Н. Я. Бичурин. Там же.).

Мирные и немирные отношения карлуков с уйгуро-токуз-огузскими племенами ознаменовались в последующее столетие массовым переселением последних на Тянь-Шань и их консолидацией с карлуками. Карлукско-уйгурские племена, ассимилировавшие в последующие века распыленные остатки докарлукских племен, определяли этнический облик населения Тянь-Шаня вплоть до монгольского нашествия в XIII в. Рассмотрение состава и обстоятельств переселения уйгурских племен на Тянь-Шань имеет очень важное значение для изучения истории народов Тянь-Шаня в домонгольское время. Без этого она не может быть понятна.

Проживавшие на Хангайском нагорье уйгуро-токуз-огузские племена, составлявшие объединение токуз-огуз, принимали активное участие в событиях на Восточном Тянь-Шане еще в период раздоров между восточными и западными каганатами тюркютов. Переселение уйгур в Восточный Тянь-Шань началось не в 840-х годах, как полагают, а гораздо ранее. Некоторые из них еще в 660-х годах временно пребывали севернее Турфана (у гор Тянь-хань). Их передвижение сюда было связано с борьбой против кагана «десятистрельных» тюркютов Думаня (Чуло-хана). После Думаня уйгуро-токуз-огузские племена временно подчинялись восточному кагану Хэли. Предводители токуз-огузов отложились от Хэли в 629 г. в период его борьбы с Китаем. Когда его каганат в следующем году был разгромлен китайцами и племена восточных тюркютов были переселены с Хангая в Китай, уйгуро-токуз-огузские племена заняли их земли. С этого времени до 680-х годов они вместе с другими народами Монголии подчинялись Китаю. Уйгурские вассалы помогали китайцам в 650-х годах в разгроме «десятистрельных» тюркютов Тянь-Шаня. При их помощи китайцы в 657 г. свергли кагана тюркютов Ашину Хэлу и окончательно утвердили свою власть на Тянь-Шане. До 50 тыс. их конницы участвовало в захвате г. Бэйтина — главного административно-политического центра в Восточном Тянь-Шане («Синь-Тан-шу», гл. 217).

Уйгуро-токуз-огузские племена, будучи вассалами Китая, занимали главенствующее положение от Монголии до Тянь-Шаня вплоть до возрождения второго каганата восточных тюркютов (680-е годы). Они оказывали им упорное сопротивление в период возвращения из Китая на Хангай. Когда каганы Ильтериш и Капаган все же сломили сопротивление токуз-огузов и заняли Хангай, некоторые из их племен, перейдя Гоби, отступили в Северный Китай, другие удалились к Байкалу.

История второго восточного кагана наполнена непрекращавшимися войнами его каганов с токуз-огузами, во главе которых стояли уйгуры. Токуз-огузы не прекращали сопротивления даже после пяти поражений 710-х годов. В период урядиц 740-х годов в среде самих тюркүтов токуз-огузы во главе с уйгурами одержали, наконец, верх над своими противниками. Их последний каган Озмыш был убит, а его каганат разгромлен. Предводитель уйгур Гули Пэйло (другая китайская передача имени Еху Ибяоби), как передается в «Обзрении Танской истории» Ван Пу, вскоре стал независимым, сделался каганом «девяти прозваний» (токуз-огуз) и переселился на юг на прежние земли тюркүтов в долине Орхона. Это явилось началом возвышения токуз-огузского каганата во главе с уйгурами.

Вопрос о судьбах многочисленных разгромленных племен восточных тюркүтов, навсегда сошедших с этого времени с исторической арены, до сих пор не решен. Вошли они в состав уйгуро-токуз-огузского каганата и со временем растворились среди племен последнего или выселились за его пределы? По нашему мнению, независимо от решения вопроса о судьбах основной массы племен можно с уверенностью полагать, что значительное число их все-таки осталось в составе уйгуро-токуз-огузского каганата и смешалось с его племенами. Некоторая часть, возможно, снова переселилась к пределам Северного Китая, а другая — на Северный Алтай, в Прииртышье. В связи с изучением вопроса их переселения на север заслуживают внимания два факта.

В надписи в честь Моюн-Чура (Гули Пэйло) властвовавшие над его народом восточные тюркүты именуются «тюрками кыпчаками — тюрк кыбчак». В позднейших преданиях о происхождении алтайско-прииртышских племен кыпчак и кымак и в китайских летописях («Юань-ши» и др.) содержатся глухие известия о том, что их предки пришли с юго-запада — с Хангая или из Северного Китая. Эти сведения заслуживают пристального внимания при сопоставлении с фактом выселения с Алтая как раз в 740—760-х годах большого массива карлукских племен. Кем были заняты их земли, пока не установлено.

Восточная группа карлуков, проживавшая в районе Орхона и участвовавшая вместе с басмылами в качестве союзников токуз-огузов в разгроме восточного каганата, была насильно включена в состав токуз-огузов. Впоследствии она, по-видимому, прочно консолидировалась с ними, поскольку китайские летописцы относили ее к основному составу «девяти племен».

Уйгурский каган Моюн-Чур и его преемники, стоявшие во

главе токуз-огузов, вскоре подчинили своей власти на севере кыргызы (758 г.), на востоке ряд монгольских племен, на юге — все племена до границ Китая (в том числе остатки тюркютов), на западе — некоторые восточнотяньшаньские племена. Здесь они оспаривали власть у карлуков, Китая и Тибета.

Племена карлуков и остатки «десятистрельных» тюркютов, проживавшие в Восточном Тянь-Шане, как говорится в «Синь-Тан-шу» (гл. 217), тяготились господством уйгурского кагана. Поэтому они в 790-х годах пригласили тибетцев и вместе с последними захватили Бэйтин, изгнав оттуда войска уйгур и китайцев. Через несколько лет уйгуры вернулись назад; по-видимому, по просьбе самих тюркютов, подпавших под тяжелый гнет тибетцев.

Главную роль среди тюркютов играло особое племя чуюе (в китайских летописях именуется «Шато» — по названию степи Шато, западнее Баркуля, где они жили. (Сведения из «Тан-шу» см. в указ. публ. Н. Я. Бичурина, т. 1, стр. 357—361). Не имея возможности противостоять тибетцам, шатосцы-чуюе в 808 г. в количестве будто бы до 30 тыс. кибиток (до 150 тыс. человек) переселились к уйгурам на Хангай. Китайская летопись рассказывает о почти полном их истреблении преследовавшими тибетцами, но это сомнительно, поскольку они через 30 лет сыграли большую роль в междоусобицах уйгуро-токуз-огузского каганата.

Борьба внутри каганата велась между двумя его основными группами: группой «восемь огузов» (секиз-огуз — позднее найман) и уйгур, из которых происходила ханствующая династия. Можно полагать, что главную роль в жизни каганата в последние годы стала играть группа секиз-огузов, подчинившая своему влиянию уйгурского хана, как это имело место в 780-х годах.

Один из уйгурских предводителей, недовольный таким положением дел, объединился с недавно переселившимися шатосцами-чуюе и в 839 г. сверг кагана, поставив нового. Это вызвало сопротивление могущественного предводителя другой группы племен Мохэ. В 840 г. он, соединившись с кыргызами, «привел (кыргызского) Ажо в уйгурскую орду» и с 10000 конницы напал на ставку нового хана, убил его самого, казнил уйгурского предводителя, свергнутого кагана-предшественника хана и сжег его ставку. После этого преследуемые уйгурские племена рассеялись, как говорится в летописи, по разным краям. Некоторые сторонники нового хана, Сичжи и Пан-Тэлэ (или Дэлэ), после казни их предводителя с половиной уйгурских племен (15 поколений) бежали к карлукам на Тянь-

Шань, в Аньси (Кучу) и к Тибету («Синь-Тан-шу». Указ. публ. Н. Я. Бичурина, т. 1, стр. 334 и др.).

Племена, громившие в 840 г. вместе с кыргызами уйгур, по нашему мнению, были секиз-огузами. Их группа, как говорилось выше (см. гл. II, § 3), входя в общее с уйгурами объединение токуз-огузов, многократно вступала в борьбу с уйгурскими каганами. В сообщениях китайских летописей говорится только о рассеянии уйгур. Племена восьми огузов, громившие уйгур с помощью кыргыз, оставались на своих местах. Другого крупного объединения на Хангайско-Алтайском нагорье в то время не было. По-видимому, они стали вассалами кагана кыргыз.

Другая половина уйгурских племен (13 поколений), избрав себе нового хана, сначала переселилась к границам Северного Китая. Часть их перешла в подданство императора, остальные искали временное убежище на востоке у монгольских племен «хэйчецзы—черные телеги» (объединения Шивэй)

Находившиеся в Северном Китае и Монголии предводители просили императора и монгол помочь им вернуться на прежние земли и восстановить господство. Но китайское правительство, имевшее много хлопот от предшествовавших вторжений уйгур, не было заинтересовано в восстановлении их мощи. Его более устраивал союз с каганом отдаленных кыргыз, который не был столь опасен. Последний, в свою очередь, был заинтересован в помощи Китая, чтобы подавить продолжавшееся в течение трех лет сопротивление восточных уйгур. С этой целью кыргызский каган послал в 843 г. в Китай четыре посольства, предлагая совместные действия против уйгур.

Китайский император охотно соглашался на военно-политический союз с каганом кыргыз, хотя оттягивал с посылкой армии. Каган, по-видимому, понял провоочки и вступил в какие-то переговоры с уйгурами. Когда сведения о них дошли до китайского императора, он стал требовать прекращения кыргызско-уйгурских переговоров, пугая возможной помощью уйгурам в восстановлении их господства, а также тем, что остатки уйгур могут бежать к Тянь-Шаню в Аньси и объединиться с остальными своими сородичами (переписка императора с каганом содержится в «Собрании сочинений Ли Вэйгуна периода Хойчан 841—846. Ли Вэй-гун Хойчан ипинь цзи, Шанхай, 1936, т. 1, цз. 6, стр. 38—42 и др. Указ. публ. Г. П. Сурруненко).

Войска кагана кыргыз, преследовавшие уйгур до Восточного Тянь-Шаня, совершили поход на Бэйтин и Аньси, на востоке нанесли поражение монгольским племенам хэйчецзы и

шивэй, поддерживавших уйгур. Часть плененных уйгур кыргызы увели в свою страну. Остальные, первоначально «рассеявшись по горам», через несколько лет переселились к своим соплеменникам в Восточный Тянь-Шань. Последние, оправившись к тому времени, уже создали здесь новое крупное государственное объединение во главе с Пан-Дэлэ.

Власть кыргызов над племенами Хангайского нагорья держалась недолго — фактически лишь при жизни победителя уйгур Ажо, который умер в 847 г. Китайский император Сюань-цзун, вступивший на престол в 846 г., уже отказался внести ханствовавший род кыргызов в царскую родословную, считая их, не в пример уйгурам, «за небольшой род», который не в состоянии равняться с китайской династией. Пренебрежение отражало непрочность и неустойчивость власти кагана кыргызов над тюркскими племенами, занимавшими территорию между страной собственно кыргызов и Китаем, которых, кстати сказать, было очень много. Эти племена даже в период успешных походов кагана кыргызов против уйгур в 840—843 гг. не признавали его власти и не считались входившими в его государство. Многочисленные прямые ссылки китайского правительства указывают на трудности посольских отношений с кыргызами: «Мы непосредственно не граничим с вашей территорией» (см. ук. переписку у Ли Вэй-гуна). На территории между Китаем и каганатом кыргызов проживали многочисленные племена секиз-огузов и, кроме того, оставалась часть уйгур. Как указывается в заключении описания кыргызов «Синь Тан-шу» (гл. 217), они продолжали воевать с уйгурами даже в период правления Сянь-Тхуна (860—873) и так «и не смогли совершенно покорить уйгур». За эти 13 лет от кыргызов приезжало всего три посольства, затем их государство стало клониться к упадку и заглохшие отношения с ними уже мало интересовали китайскую дипломатию и придворных летописцев.

Между тем оправившиеся от поражения уйгуры создали в конце 840-х — начале 850-х годов новое обширное государство в Восточном Тянь-Шане с центром в Бешбалыке (район современного Кара-Хочжо). Его ядро составляли 15 племен, бежавших во главе с Пан-Дэлэ после поражения 840 г. Пан-Дэлэ около 847 г. объявил себя ханом и был признан Китаем. В его владении находился весь Восточный Тянь-Шань до провинции Тань-Чжеу. После него возвысился другой хан, Пугуцзюнь. В 860—870-х годах он нанес ряд поражений тибетцам. Согласно достоверным сведениям китайской летописи династии Сун (960—1127 гг.), центром владений его преемников был Гаочан (почему само государство именовалось Гаочаном). Китайский посол Ван Янь-дэ, посетивший восточнотянь-

цаньское государство уйгур в 980-х годах, описывает его правителя Ашелань-хана (Арслана) как владельца большого государства, простиравшегося на западе до пределов арабов и персов, на юге до Хотана и владений тибетцев, на востоке до р. Хуанхэ, на севере до Алтая («Сун-ши», гл. 490).

Сообщения китайских летописей согласуются с современными им свидетельствами Хордадбеха, Кудамы, Истахри, «Худуд ал-Алам», Гардизи, Бекрана и других мусульманских авторов, именовавших уйгурское государство токуз-огузами (см. § 3 гл. II и § 4 настоящей главы).

Название государства восточнотяньшаньских уйгур IX—X вв. токуз-огузским, территория которого, по описаниям тогдашних авторов, простиралась до Монголии, снова возвращает нас к истории взаимоотношений уйгур и секиз-огузов, оставшихся на Алтайско-Хангайском нагорье. Мусульманские источники говорят, что государство токуз-огузов IX—X вв. простиралось на восток от Тянь-Шаня до Монголии, гранича на Тянь-Шане с карлуками, на севере с кыргызами, на востоке с монголами и на юге с Китаем и тибетскими владениями. Хангайское нагорье — территория, занимаемая секиз-огузами, — целиком входило в состав государства токуз-огузов конца IX—X вв. Положение уйгур в составе этого государства изменилось после 840 г. лишь в том, что они ранее, будучи на Орхоне, находились на восток от секиз-огузов, а по переселении на Тянь-Шань стали их западными соседями. Но само территориально-государственное объединение группы секиз-огузов и уйгур было восстановлено через несколько десятилетий.

Многие факты дают основания полагать, что раздоры секиз-огузов и уйгур, носившие в 840—843 гг. ожесточенный характер, продолжались в общем не более десяти лет. Их традиционное единство вновь восстановилось во второй половине IX в. Следствием явилось возрождение прежнего обширного территориально-государственного объединения, центр которого переместился с переселением уйгур в Восточное Притяньшанье.

Между прочим, не иначе как с переменой ориентации секиз-огузов наступило столь быстрое падение власти каганов кыргыз. Возвышение кыргызского кагана и низвержение гегемонии уйгур началось в 840 г., как указано, с междоусобной борьбы между группой секиз-огузов и уйгурами. Один из могущественных предводителей «привел (кыргызского кагана) Ажо в уйгурскую орду» и вместе с ним произвел разгром уйгур, закончившийся переселением половины уйгур в Восточный Тянь-Шань. Несомненно, союз этого сильного предводи-

теля с каганом кыргыз, вассалом которого он признал себя, существовал в период военного преследования уйгур, пока они не перестали быть опасными для секиз-огузов. Каган кыргыз одержал в этот период много побед над уйгурами и монголами (при этом кыргызы не заняли земель уйгур на Орхоне, которые остались за секиз-огузами. Каган кыргыз лишь приблизил свою ставку на 15 дней конного пути до прежней ставки уйгур, т. е. примерно на 500—600 км, что соответствует современной территории Тувы).

В источниках нет никаких указаний на какое-либо поражение кагана кыргыз. Но падение его власти произошло столь же быстро, как и возвышение. (Уже вступивший на престол в 846 г. новый китайский император отнесся к нему пренебрежительно, считая его «небольшим родом»). В частности, его власть на Хангайском нагорье, занятом секиз-огузами, быстро была утрачена без «видимых» причин. Как протекали его отношения с секиз-огузами, проследить трудно. Но несомненно, что они быстро перестали считать себя вассалами и отложились. Пределы владений кагана кыргыз после утраты власти над группой секиз-огузов на Хангае снова ограничивались лишь собственной страной. Именно так они описаны в мусульманских источниках конца IX—начала X вв., когда было вновь восстановлено объединение токуз-огузов, т. е. уйгур и секиз-огузов, опять признавших верховенство уйгур.

Вновь возродившееся государственное объединение токуз-огузов под верховенством уйгур занимало, как указано, прежнюю территорию Хангая до Монголии. Оно существовало примерно еще столетие и окончательно распалось во второй половине X в., когда обособилось восемь огузов (секиз-огузы), именовавшихся впоследствии по-монгольски найман. Западная группа, т. е. уйгуры, вошли в состав другого возникшего государственного объединения, условно именуемого историками «государством караханидов».

Обособление восточной группы (секиз-огузов) и западной (уйгур), история которых пошла разными путями, объяснялось рядом обстоятельств. Особенно большую роль сыграло различие в их хозяйственном развитии в IX—X вв. У племен Алтайско-Хангайского нагорья по-прежнему сохранялось скотоводческое хозяйство, традиции которого поддерживались проникавшими сюда монгольскими племенами. Группа восьми огузов — найман оказывалась вовлеченной в орбиту монгольского влияния. На Тянь-Шане со времени закрепления «десятистрельных» түркүтов и карлуков, напротив, развивалось оседло-земледельческое хозяйство, быстро росли города и торгово-ремесленные центры, развивались феодальные отноше-

ния. Хозяйственно-экономические и культурно-политические связи Тянь-Шаня с богатыми торгово-ремесленными центрами Мавераннахра вовлекали уйгурские племена в сферу влияния среднеазиатских народов. На Тянь-Шане складывалась хозяйственно-культурная уйгуро-карлукская общность в отличие от найманско-монгольской Хангайско-Алтайского нагорья. Полоса размежевания между ними проходила примерно по западному склону Монгольского Алтая и Черному Иртышу.

Размежевание внутри бывшего объединения токуз-огузов на рубеже I—II тысячелетий на группы племен секиз-огуз-найман и уйгур не было, конечно, договорным разделением родо-племенных групп по принципу их бывшей принадлежности к секиз-огузам или уйгурам. Несомненно, на протяжении общей многовековой истории немало таких групп было перемешано между собою — в ходе междоусобий, передвижения и пр. Одни из племен уйгур консолидировались с секиз-огузами и другими этническими массивами Прихангайского района. Следы этого сохраняются до сего времени. Например, среди тувинцев в настоящее время сохраняется подразделение с названием «ондар уйгур». Это — самое исконное, древнее название «он уйгур», исчезнувшие у самих потомков уйгур. Точно так же обстояло дело с родо-племенными группами секиз-огузов, консолидировавшимися с уйгурскими на Тянь-Шане.

Кстати сказать, не все уйгурские племена закрепились на Тянь-Шане. Некоторые вернулись к восьми огузам на Алтай. Интересное сообщение об этом, несомненно, заимствованное из ранних источников, имеется у Аб-уль-Гази. В «Родословном древе тюрков» он сообщает о распадении переселившихся уйгурских племен на три «колена» (группы). Из двух переселившихся с Хангая групп одна стала заниматься земледелием в окрестностях Бешбалыка, другая продолжала занятие скотоводством. Третья группа «поселилась в лесах на Иртыше, не разводила скота, а занималась рыболовством и охотой на выдр, соболей, куниц и белок, питалась мясом и одевалась в шкуры».

Следует полагать, что охотничьи племена этой группы, поселившиеся в Прииртышско-Алтайской области, со временем консолидировались с алтайско-секиз-огузскими (найманскими) и позже вошли в состав алтайцев.

Как указано, уйгурские племена с вкраплениями некоторых родо-племенных групп восьми огузов после распада государственного объединения токуз-огузов создали на Тянь-Шане вместе с карлуками новое государство так называемых «караханидов».

Термин «караханиды» — искусственный, он был введен в науку в прошлом столетии В. В. Григорьевым. В источниках династия «караханидов» именовалась «ильханами». С точки зрения династийной характеристики термин, кажется, довольно удачен. Но, как известно, происхождения династий — особенно у тюрко-монгольских народов — нередко имели мало общего с этнической историей подвластных им государств, а иногда вообще не имели ничего общего (например, династии тюркютов и монголов находились во главе государственно-этнических объединений, которые не имели с ними ничего общего). С этой точки зрения термин «караханиды» хуже, чем неудачен. Он не предусматривает неизменность этнического состава населения Тянь-Шаня в «докараханидский» и «караханидский» периоды, непрерывность хозяйственно-экономического и культурного развития. Напротив, термин «караханиды» применительно к этнической и социально-экономической истории населения Тянь-Шаня (а именно так он употребляется в литературе) как будто бы открывает новую страницу.

Династия ильханов, как предполагал В. В. Бартольд, вышла из рода ягма «передовой ветви токуз-огузов»¹, т. е., как видно из предшествующего изложения, из объединения восьми огузов и уйгур, государство которых в Восточном Тянь-Шане существовало еще за столетие до династии ильханов. Род ягма — уйгурский (см. ягмвуркар, § 3, гл. II). Основное население государства ильханов представляли уйгуры Восточного Тянь-Шаня и находившиеся под их властью карлуки, которые занимали остальную территорию Тянь-Шаня. Исходя из этого, существовавшее в X—XII вв. на Тянь-Шане государство периода династии ильханов следует именовать карлукско-уйгурским государством ильханов (как, впрочем, и последующего периода династии киданей, или кара-китаев).

Карлукско-уйгурское население Тянь-Шаня периода династии ильханов по внешнему облику было европеоидным. Как показывают антропологические исследования, монголоидный элемент у населения Чуйской долины того времени не превышал 10—20%, у кочевников горных районов составлял около 50%. Его своеобразный язык, сформировавшийся в процессе скрещивания близкородственных между собою языков карлуков и уйгур, условно именуется карлукско-уйгурским (по классификации тюркских языков — «карлукской группы»). На его основе впоследствии сложились языки современных тюркских национальных меньшинств Восточного Туркестана — уйгур и узбеков.

¹ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 23.

Карлукско-уйгурское население Тянь-Шаня создало высокую по тем временам богатую культуру. Карлукско-уйгурские племена, ассимилировав в течение VIII—XII вв. все местные и прибывавшие племена, определяли этнический облик населения Тянь-Шаня вплоть до монгольского нашествия XIII в.

Волны вторжений кочевников с востока на Тянь-Шань на протяжении I тысячелетия следовали одна за другой. Вновь прибывавшие племена вытесняли предшественников на запад и затем, в свою очередь, сами оставляли Тянь-Шань, уступая напору следовавших за ними народов. При этом никогда не случалось так, чтобы племена той или иной группы полностью уходили с Тянь-Шаня. Племенные объединения не представляли собою сформировавшиеся народности. То были союзы более или менее близкородственных, а иногда и разных племен, которые часто распадались сами по себе на отдельные группы. Их распадения чаще случались при нашествиях соседей. Многие родо-племенные группы в таких случаях откалывались от основной массы своих племен. Уходя в труднодоступные горные районы, они некоторое время жили обособленно от пришельцев, а затем сливались и перемешивались с ними, растворялись в их среде. Так было с остатками сакоусуньских племен, основная масса которых в начале нашей эры была вытеснена тюркоязычными племенами, передвигавшимися с гуннами, а остатки были ассимилированы огузами и другими пришельцами.

Такова же была участь и тех относительно немногочисленных монголоязычных племен, которые прибывали на Тянь-Шань в качестве завоевателей, в частности племен сянь-би, жужан (IV—VI вв.), киданей (XII в.) и др. Все они, будучи немногочисленными по сравнению с покоренным населением, быстро растворялись в среде европеоидного тюркоязычного населения Тянь-Шаня, перенимали их язык, обычаи и пр. Следы их переселения сказывались лишь в нарастании монголоидной примеси (во внешнем облике) у населения соответствующих районов Тянь-Шаня, поглощавшего пришельцев.

Все население Тянь-Шаня можно с достоверностью считать тюркоязычным со времени прибытия сюда в VI в. «десятистрельных» тюркүтов. За ними последовали карлуки. Они в 760-х годах заняли Чуйскую долину, куда перенесли свою столицу, и распространились по всему Тянь-Шаню до Ферганы, вытеснив на запад большинство тюркүтско-огузских и других местных племен. Они первоначально заняли также и Фергану, но арабы скоро вытеснили их обратно на Тянь-Шань.

Из оставшихся на Тянь-Шане племен тюркүтского и раннекарлукского периода можно назвать группы ха(з)ладжи (ка-

лачи) и тухси¹. Основная масса племен ха(з)ладжи к концу I тысячелетия передвинулась с Тянь-Шаня на запад вплоть до пределов Афганистана (значительные их группы вошли в состав туркменской народности), но отдельные группы, притом довольно значительные, оставались в Таласской долине и других местах Тянь-Шаня и Притяньшанья².

Уточнение их локализации затруднено тем обстоятельством, что ряд мусульманских авторов конца I тысячелетия, например Ал-Истахри, Ибн Хаукаль и другие распространяли название хазладжей на карлуков, возможно, на канглы и другие народы, жившие на территории вплоть до Алтая. Из сообщений о позднейших судьбах родо-племенных групп халаджей (калач) на Тянь-Шане заслуживает внимания сообщение Рашид-ад-дина о проживании в начале XIII в. значительного племени халаджей в Кашгарии (Указ. публ., т. I, ч. II, стр. 134).

Согласно сообщениям автора «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара, племя халаджи было в XV в. одним из могущественных на Тянь-Шане, с эмирами которого предводителю киргизских племен Ахмеду пришлось вести упорную борьбу³. Остатки племени халаджей после его «искоренения» были присоединены, по-видимому, к правому крылу (к нему они причислялись по «Маджму ат-таварих». В XVII—XVIII вв. их этноним исчез). Родо-племенные группы халаджей, вошедшие в состав киргизов, в период пребывания в VII—XIV вв. в окружении карлукско-уйгурских племен, разумеется, были ими совершенно ассимилированы.

Та же участь постигла племена тухси, выделившиеся в VII в. из состава тюркүтской группы тюргеш (см. выше). Еще в IX—начале X вв. их племена, проживавшие по р. Чу и в соседних районах Северного Тянь-Шаня, сохраняли собственное название и не смешивались с карлуками. Ассимиляция их карлуками в дальнейшем зашла столь далеко, что позднейшие авторы, как, например, Ал-Марвази и другие, причисляли тухси к основным карлукским племенам.

Указанные и другие мусульманские авторы X—XII вв., называя «три тройки» племен (вместо трех племен — «уч кар-

¹ Сообщение о народе калач см.: Рашид ад-дин. Указ. публ., т. I, ч. I, стр. 85.

² Vide Regnorum. Descriptio moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri, ed. M. de Goeje, Lugduni-Batavorum. (ВБА) 1870, I, стр. 286: «От него (Мавераннахра) на запад — страна гузов, земли хазладжи — от границ Тараза до Фараба и Бискенита..., а севернее его — тюрки-хазладжи от дальнего города Ферганы до Тараза по прямой линии».

³ К. И. Петров. К истории движения киргизов., стр. 185 и др.

лук» китайских летописей), причисляли к карлукам три племени чигиль. Свидетельства «Худуд ал-Алам» заставляют, однако, усомниться в исконной принадлежности чигилей к карлукам. Хотя «Худуд ал-Алам» говорит, что область чигилей «по своему происхождению относится к карлукам», но чигили описываются как отдельный народ.¹ По сообщениям Ал-Марвази и Махмуда Кашгарского, чигилей было три группы, причем последний называл их не карлуками, а «тремя группами тюрок». Одна, как сообщал Махмуд Кашгарский, — кочевники, живущие в Куясе, городке за Барсханом, вторая — жители городка вблизи Тараза (Таласа), тоже именуемого Чигиль (Джикиль). Третья «группа» — название селения у Кашгара. И они распространились из одного места². Судя по разъяснению, этим местом был Талас. За легендой-рассказом о появлении здесь названия городка-крепости со времен Александра Македонского говорится: «После этого поселившиеся в ней тюрки стали именоваться джикилы. А огузы, когда их жилища стали соприкасаться с этой крепостью, все время воевали с жителями Джикиля, и вражда осталась до сего времени. И (огузы) называли их именем всех тюрок, носивших одежду чигилей. Я имею в виду огузское название джикилями всех тюрок от Джейхуна до Верхнего Китая (подчеркнуто нами. — К. П.)»³.

Имя чигилей, отдельные группы которых существовали на Тянь-Шане еще в XII в., пропало, когда они растворились в общей массе карлукско-уйгурских племен. Но еще примерно столетие оставался город с названием Джикиль в Таласе, который был разрушен в начале XIV в.

Территория расселения собственно карлукских, уйгуро-токуз-огузских племен на Тянь-Шане и вообще этнический состав населения Тянь-Шаня в конце I тысячелетия, по-видимому, точнее всего описаны в географическом сочинении 980-х

¹ Описание см.: «Худуд ал-Алам», указ. публ., стр. 18а. Дополнительные сведения см. Гардизи, указ. публ., стр. 102, 125.

² Махмуд ал-Кашгари. Книга диван Лугат ат-турк. I, Стамбул, 1915—1917, стр. 329—330.

³ Там же. Разъяснение названия чигилями «всех тюрок» до Китая (включая карлукские и уйгуро-токуз-огузские и другие племена) важно для понимания сообщений некоторых мусульманских авторов, по указаниям которых страна чигилей доходила будто бы до страны енисейских кыргызов. На самом деле следует подразумевать не собственно район расселения чигилей, а собирательное название «всех тюрок». Сообщение о трех группах чигилей, в частности о группе в Таласе, подтверждает описку в дошедшем списке «Худуд ал-Алам», где в качестве западных соседей тухси ошибочно фигурирует не эта группа чигиль, а не существовавшая группа киргизов. См. комментарий К. П. Петрова в работе: «К истории движения киргизов на Тянь-Шань...», стр. 31—34.

годов «Худуд ал-Алам». Горы Тянь-Шаня иногда именуются в нем «карлукскими (халлухскими) горами» (указ. публ., л. 18).

Приведем описание «страны карлуков и ее городов» с краткими замечаниями (в квадратных скобках): «На восток от нее — частично граница Тибета [на юго-восток граница владений тибетцев]; к югу — часть границ ягма и области (владения) Мавераннахра; к западу — границы (о)гузов [выселившихся с другими тюркүтами с Тянь-Шаня в докарлукское время]; к северу — границы [подвергавшихся окарулучиванию] тухси, чигилей и (к северо-востоку) токуз-гузов. Страна (карлуков) населенная, наиболее богатая из всех областей тюрков. Население культурно, общительно... Есть города и селения. Карлуки частично охотники, частично земледельцы, скотоводы. (Предмет) их богатства составляют овцы, кони и меха...

[В следующем за этим перечислении городов и селений Северного Тянь-Шаня от Таласа до Иссык-Куля описываются Кулан, Мерке, Навикент, Ганексир, Т (узун булаг¹). Тузун Булаг... является границей карлуков с ягма... Вблизи находится озеро Туз-кун, соли которого хватает для 7 племен карлуков.

[Далее описываются города и селения Кукияль, Атлалыг, Лулыг, Узкет, Мелджкет, Кирминкент, где карлуков именуют термином нетюркского происхождения «Лабан», Тунель и Талхиза, расположенные на границе с чигиль близ Иссык-Куля]. Барсхан — город на побережье (Иссык-Куля). Его правитель из карлуков, хотя (город) склоняется на сторону токуз-гузов. [Востоchnопритяньшаньский городок] Джамгир находится на краю пустыни [по-видимому, пески Дзосотун-элисун] в пределах (территории) карлуков. Прежде (VIII—первая половина IX вв.) он принадлежал карлукам, а теперь его правитель держит руку ханов токуз-гуз. Его 200 племен (занимают) отдельные районы. Пенчул находится в пределах расселения карлуков. В древности [до 840-х гг.] его правитель был из токуз-гузов, а теперь им владеют кыргызы, [«владение» которых городом в 840-х гг. продолжалось едва ли более двух-трех лет]. Акракир — многонаселенный город... В городе Удж (Уч) на горе до 200 человек. Карлуки владеют этими двумя городами»².

Таким образом, карлуки и ассимилированные ими впо-

¹ Локализацию указанных и далее следующих местностей см.: В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. «Зап. ВОО», СПб., VIII, 1893—94 и др.

² «Худуд ал-Алам», указ. публ., стр. 176.

следствий тухси и чигили занимали, согласно описанию, в общем весь Тянь-Шань, за исключением его восточной части. Это описание, заимствованное отчасти из более ранних источников VIII—IX вв., отражает состояние в основном в период существования уйгурско-токуз-огузского каганата, т. е. до переселения уйгурских племен на Тянь-Шань в 840-х годах. Ко времени составления «Худуд ал-Алам» в 980-х годах, когда карлуки оказались в подчинении уйгурских ильханов, центром владений которых стала Чуйская долина, уйгурские племена жили попеременно с карлуками по всему Тянь-Шаню до Мавераннахра.

В предкарлукское и карлукское время на Тянь-Шань проникали с запада также отдельные группы ираноязычных согдийцев. Они двигались из арабских владений из-за Сыр-Дарьи и оседали по торговым путям, создавая колонии-поселения. В местах их поселений возникали торгово-ремесленные центры и земледельческие колонии, росли города. Особенно много их возникло на старинном торговом пути, проходившем от Таласа к Иссык-Кулю и далее через Атбаши и Кашгарию в Китай.

Согдийская колонизация исламского периода оказывала культурное и религиозное влияние на тюркские племена Тянь-Шаня. Торгово-ремесленные и земледельческие поселения являлись центрами распространения ислама среди тюркоязычных племен и приобщения последних к мусульманской культуре. Одновременно с исламом, хотя в меньшей мере, в среду тянь-шаньских тюрков проникало христианство.

Несмотря на большое культурно-религиозное влияние, ираноязычные согдийцы, прибывавшие из-за Сыр-Дарьи, не оказывали существенного влияния на состав местного населения. Они быстро растворялись в среде тюркоязычного населения, утрачивая свой язык. В 760-х годах карлуки заняли Чуйскую долину, куда перенесли свою столицу, и распространились по всему Тянь-Шаню до Ферганы, вытеснив на запад многие огузские племена «десятистрельных» тюрок.

Вслед за карлуками на Тянь-Шань прибыло значительное количество уйгурских племен. Основная их масса переселилась с Хангайского нагорья в 840-х годах.

В IX в. самым многочисленным и могущественным народом Тянь-Шаня были карлуки. Их племена расселялись от Турфана до Таласа и далее. Другим многочисленным и могущественным народом, оспаривавшим власть карлуков на Тянь-Шане, были уйгуро-токуз-огузские племена, занимавшие в основном Восточный Тянь-Шань и Притяньшанье. Пер-

венствующее положение среди них занимала группа уйгурских племен.

Как указано, начиная с VIII—IX вв., т. е. с переселения карлуков и проникновения уйгурских и других близких им племен, на Тянь-Шане намечалась консолидация массива карлукско-уйгурских племен, сложение его как народности. Это проявлялось в сложении специфической духовной культуры, своеобразного языка и проч., а также в ассимиляции (поглощении) ими других прибывавших тюрко-монгольских племен. Памятниками языка, литературы и культуры населения Тянь-Шаня того времени являются два дошедших до нас знаменитых сочинения: поэма «Знание, дающее счастье» (Кутадку билик) Юсуфа из Баласагуна и словарь Махмуда Кашгарского. Но наметившийся процесс сложения народности, в силу ряда причин прерывался и в общем ко времени нашествия монголов был далек от завершения. Нашествие монголов положило ему конец. В начале XIII в. монголы вытеснили почти все карлукско-уйгурские и другие кочевые племена Восточного Тянь-Шаня и свыше трети, может быть до половины, населения других областей. Из крупных карлукско-уйгурских племенных групп на Тянь-Шане остались лишь халаджи и, по-видимому, бекчики. Названия мелких осколков других племен пока трудно установить. Кроме них уцелело значительное количество уйгуров, проживавших в земледельческих областях.

Население Тянь-Шаня в конце XII—начале XIII вв. делилось на две части. Одну представляли тюркоязычные племена огузско-карлукско-уйгурского массива. Они имели в своем составе ассимилированные остатки древних местных сако-усуньских и других племен, по внешнему облику были европеоидами с большей или меньшей примесью (в зависимости от районов) монголоидных черт. Другую половину представляли монгольские племена, переселившиеся в начале XIII в. В физическом отношении они принадлежали к центрально-азиатской монголоидной расе.

Трудно сказать, в каком направлении мог протекать процесс консолидации (слияния) местных тюркских племен и пришлых монголов, каким в конечном счете могли стать их язык, культура и пр. Перемешивавшиеся местные тюркские группы и пришлые монгольские племена представляли собою пестрый монголо-тюркский конгломерат. Окончательную его судьбу решили кымакско-кыргызские племена, прибывшие на Тянь-Шань вслед за монгольскими. Они занимали как бы промежуточное положение между европеоидными тюркоязычными и монгольскими племенами, будучи по языку тюрками,

а в физическом отношении монголоидами. Кымакско-кыргызские племена при распространении по Тянь-Шаню вытеснили часть племен монголо-тюркского конгломерата с Тянь-Шаня в Кашгарию и за Сыр-Дарью и окиргизили оставшихся.

§ 3. Замечания по поводу возможного проникновения енисейских кыргызов на Тянь-Шань в I тысячелетии н. э.

Предположение об отождествлении тянь-шаньских киргизов с племенами древних енисейских кыргызов и переселении последних на Тянь-Шань в I тысячелетии н. э. высказывались в русской литературе еще в позапрошлом столетии Г. Ф. Миллером и Е. И. Фишером. Поводом служило совпадение названий.

В китайской литературе ту же роль сыграло совпадение калмакского названия киргизов XVII—XVIII вв. бурутами (в китайском произношении булю) с названиями неких древних княжеств Болю и Пулей, существовавших на Тянь-Шане на рубеже нашей эры.

Как выше указано, калмакское название бурут представляло синоним кыргызов (см. гл. II, § 1—2). От калмаков термин бурут перешел к китайцам и русским. Маньчжуро-китайская династия, установив в 1750-х годах господство над Восточным Туркестаном и Тянь-Шанем, уделяла большое внимание только что покоренным народам, бывшим ранее под властью калмаков. Производились разыскания для обоснования «исконных» прав Китая на эти территории. Специально учрежденный комитет составил в 1757—1782 гг. в связи с этим «Высочайше утвержденное географическое описание Западного края при Маньчжурской династии». Аторы «Описания» с большой тщательностью просматривали старые летописи, выясняя, какие народы проживали в доисторические и исторические времена на территории Восточного Туркестана и Тянь-Шаня. В «Тан-шу» и других летописях было найдено, в частности, что на территории скотоводов Тянь-Шаня в древние времена проживали усунь, которые тоже занимались кочевым скотоводством. «Племена нынешних булю (передача калмакского термина буру.—К. П.) занимают как раз (эту) территорию... Усунь не возделывали землю, не разводили садов, а занимались скотоводством, кочуя в поисках пастбищ и воды... Все племена нынешних булю не имеют городов, ведут кочевую жизнь...», — констатировали авторы «Описания», наивно отождествляя на этом основании киргизов—бурут XVIII в. с усунями I—II в. до н. э. Среди усуньских владений VI в. им встречалось княжество под названием Болюй (см. указ. публ. Н. Я. Бичурина,

т. II, стр. 319—321). «Местоположение Болю и современных булю совпадают, а слово Болю по звучанию также совпадает со словом булю. Написания названий иноземных племен не имеют точного звучания. Они давались по их устной передаче, поэтому нагромождалось много ошибок», — заканчивали свои предположения составители, практически снимая с себя ответственность за отождествление¹. Этого, к сожалению, не делали позднейшие ученые, повторявшие их домыслы. В частности, Н. Я. Бичурин, который ввел в европейскую науку так много китайских источников, повторял необоснованную догадку китайских авторов даже без указания на ее заимствование². Некоторые современные исследователи, следуя авторитетному «мнению» Н. Я. Бичурина, привлекают «дополнительные» аргументы для его обоснования³.

По-видимому, не без влияния указанного отождествления бурутов с усунями развивал Н. А. Аристов свою гипотезу об отождествлении енисейских и тянь-шаньских кыргызов с усунями до н. э., «истинное народное имя которых (усуней) было всегда кыргызы»⁴.

Несколько ранее В. В. Радлов, обсуждая вопрос о времени, когда енисейские кыргызы могли переселиться на Тянь-Шань, предположил наиболее вероятным временем переселения 840-е годы, когда имело место возвышение государства енисейских кыргызов⁵.

После глубокого ознакомления с историей тюркских народов В. В. Радлов спустя 26 лет изменил, однако, мнение и выдвинул новую гипотезу. По второй гипотезе кыргызские племена, проживавшие якобы южнее Саян, будучи разгромленными Чингиз-ханом, разделились на три группы. Одна из двух переселившихся за Саяны групп смешались с разными «татарскими племенами и якутами, друга заняла Минусинскую котловину. Третья — основная группа была якобы вытеснена Чингиз-ханом на Тянь-Шань. Последующие исследователи не обращали внимания на эту явно сомнительную гипотезу, хотя

¹ Цинь дин хуан юй си ту чжи. Изд. 1893, гл. 45, раздел II. Восточные буруты, стр. 66. (Перевод Е. Кычанова).

² Н. Я. Бичурин. Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829, стр. 28 и др. Повторения см. W. Schott, über die achten Kirghisen. Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1865 и др.

³ См. выступления на сессии 1956 г. по этногенезу киргизов. «Тр. Киргиз. археол.-этнограф. эксп.», т. III, Фрунзе, 1959, стр. 112, 140, 186 и др.

⁴ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. СПб., 1897, стр. 17, 23—26 и др.

⁵ W. Radloff. Observations sur les Kirghis. Journal Asiatique, Paris, 1863, v. 2.

определение В. Радловым времени переселения киргизских племен на Тянь-Шань в XIII в. оказалась в общем близкой к действительности.

Много внимания уделил поискам аргументов в подтверждение гипотезы Н. А. Аристова и первой гипотезы В. В. Радлова об отождествлении тянь-шаньских киргизов с енисейскими и их переселении на Тянь-Шань в период I в. до н. э. — X в. н. э. известный археолог А. Н. Бернштам¹. Некоторые исследователи не оставляют таких поисков до сего времени.

Гипотезы позапрошлого и прошлого столетий соответствовали тогдашнему уровню развития науки, ныне же поиски аргументов в их подтверждение представляют собою, по нашему мнению, анахронизм.

В середине прошлого века палеантропология народов СССР, в частности народов Сибири и Средней Азии, как наука практически не существовала. Не было известно, что южносибирская раса, к которой принадлежат киргизы, сложилась в Южной Сибири лишь в середине I тысячелетия н. э., что население Тянь-Шаня в I тысячелетии было европеоидным, а физический тип тянь-шаньских киргизов с его резким преобладанием монголоидных признаков сложился лишь после XIII в. Следовательно, гипотеза о переселении енисейских киргиз на Тянь-Шань до V—VI вв. и отождествление их с предками современных киргизов в свете данных антропологии не обоснованы, как и гипотезы о их переселении в VIII—X вв.

В середине прошлого столетия делала лишь первые шаги и тюркология в отношении сравнительного изучения тюркских языков Сибири и Средней Азии. Первые более или менее разработанные их классификации появились лишь в текущем столетии. Поэтому не было известно, что язык енисейских киргиз второй половины I тысячелетия принадлежал к одной языковой группе (уйгуро-огузской), а язык населения Тянь-Шаня домонгольского времени — к другой (карлукско-уйгурской). Язык же тянь-шаньских киргизов относится к третьей группе (кыпчакской). Поэтому носители двух первых групп не могли быть в языковом отношении прямыми предками тянь-шаньских киргизов.

Точно так же обстояло дело в середине прошлого столетия в археологии и этнографии. Тогда не было известно, что культура населения Тянь-Шаня, сохраняя в период IX—XII вв. непрерывность местных традиций, отлична от культуры енисей-

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; его же. К вопросу происхождения киргизского народа. «Сов. этнография», 1955, № 2; его же. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX—X вв. «Сов. востоковедение», 1956, № 3.

ских кыргызов, а культура населения Тянь-Шаня монгольского периода (XIII—XV вв.) отлична от культуры тянь-шаньских кыргызов последующих веков.

Таким образом, авторы гипотез прошлого столетия не могли опираться на материалы общей тюркологии, истории, археологии, этнографии, палеантропологии, лингвистики и других смежных наук, ставших известными лишь в наше время. Они не могли пользоваться также современной нам методикой исследования и методологией.

Киргизия во времена Н. Я. Бичурина была для русских и европейских ученых «terra incognita», а представления о ее населении очень смутными. Во времена В. В. Радлова и Н. А. Аристова лишь начиналось накопление сведений о «дикикокаменных» кыргызах, причем несистематических и не всегда вполне достоверных. Ученые при рассмотрении вопроса о происхождении «дикикокаменных» кыргызов, или «кара-кыргызов», могли опираться лишь на следующие факты: 1) совпадение этнонима кыргызы, ставшего им известным на Тянь-Шане с XVI—XVIII вв. и бывшего известным в I тысячелетии на Енисее; 2) принадлежность енисейских и тянь-шаньских кыргызов к тюркоязычным народам; 3) известия о массовых переселениях тюркских народов Монголии и Сибири на Тянь-Шань в I тысячелетии.

Появление гипотез об отождествлении и переселении тянь-шаньских кыргызов было вполне закономерным при том уровне знаний. Предки тянь-шаньских кыргызов действительно имели **какие-то** этногенетические связи с племенами енисейских кыргызов. Основная их масса действительно переселилась **когда-то** и **откуда-то** из Южной Сибири, хотя не с собственно Енисея, а из соседних областей, и не в первом тысячелетии, а во втором. Таким образом, гипотезы **в какой-то мере** не были лишены оснований. Но дальнейшее развитие тюркологии, археологии, палеантропологии и других наук внесло в них серьезные коррективы. Поиски аргументов в подтверждение этих гипотез не случайно ограничиваются исключительно областью толкования письменных сообщений. Развитие археологии, палеантропологии и лингвистики, имеющих дело с более конкретными и точными материалами, идет в другом направлении. Их обращение к устаревшим гипотезам, пожалуй, так же невозможно, как невозможно, например, в физике управляемых термоядерных реакций обращаться к устаревшим гипотезам прошлого века о строении материи.

При современном уровне научных знаний правомерно лишь исследование возможного проникновения на Тянь-Шань во 2-ой половине первого тысячелетия отдельных групп

енисейских кыргыз безотносительно к основному составу предков современных киргизов. Эти возможные потомки енисейских кыргыз, будучи ассимилированными к XIII в. карлукско-уйгурским населением Тянь-Шаня, представляли для позднее прибывших кыпчакско-киргизских племен (основного состава предков современных киргизов) **местное население Тянь-Шаня.**

При исследовании возможного проникновения отдельных групп енисейских кыргыз необходимо также строго условиться в понимании термина, топонимизма «енисейские кыргызы» как названия конгломерата племен, определяемого по территориальной общности. В противном случае может быть более путаницы, чем ясности.

Выселение более или менее значительного числа представителей какого-либо народа за пределы своей страны — явление повсеместно встречаемое в истории. Оно имеет мало общего с переселениями **народов** или **народностей**. В одной тибетской надписи имеется, например, упоминание о некоем лице киргизского происхождения. В «Описании всего мира годов правления Тайпин, 976—979» Ле Ши сообщается о представлении посольства 653 г. кыргыз, говорившего, что в Китае «проживает много наших людей» (см. Н. В. Кюнер. Указ. публ., М., 1961, стр. 56). Принимать такие сообщения за свидетельства переселения или проживания «народа» кыргыз в Китае или Тибете, конечно, нельзя.

Не исключено, хотя у нас нет прямых свидетельств, что отдельные группы из племенного конгломерата енисейских кыргыз могли проникать также на Тянь-Шань. Возможности проникновения могли быть со времени образования каганата **түркүтов**. Войны восточных и западных каганатов против енисейских кыргыз, как и против других соседей, велись многократно. Уводы плененных родо-племенных групп победителями были в те времена частым явлением. Можно допустить то же и со стороны «десятистрельных» **түркүтов** Тянь-Шаня. Судьбы переселенцев из конгломерата кыргыз завершились их быстрым растворением в этнически близкой среде «десятистрельных» **түркүтов**. Они, как и отдельные группы согдийцев, тибетцев и других, в общем не оказывали влияния на состав основного населения Тянь-Шаня, которое, оставаясь европеоидным по физическому типу, было затем ассимилировано в языковом отношении карлукско-уйгурскими племенами.

Гораздо важнее здесь то, что некоторые из племен—потомков «десятистрельных» **түркүтов**, например из **тюркешей**, будучи ассимилированными позднейшим населением Тянь-

Шаня, вошли в конечном счете в состав киргизской народности.

Что касается предположений о переселении енисейских кыргызов в 840-х годах при возвышении их государства в период разгрома уйгур, переселившихся тогда к Тянь-Шаню, т. е. одновременно с уйгурами, то для этого нет оснований.

Проникновение уйгур в Восточный Тянь-Шань начиналось еще с середины VII в. в ходе борьбы с китайцами и тибетцами. Уйгуры в период возвышения в 740-х годах уже владели главными центрами Восточного Тянь-Шаня Бэйтином и Аньси (совр. Куча), которые несколько раз переходили в руки китайцев и тибетцев. Положение уйгур здесь еще более упрочилось к началу IX в. Именно этим объясняется их переселение сюда во время поражений 840—843 гг. от кагана кыргызов и секиз-огузов.

Войска кыргызского кагана, преследовавшие переселявшихся уйгур, совершили поход к Восточному Тянь-Шаню в 841 или 842 гг. Преследуемые уйгуры, не успев закрепиться в своих западных владениях, первоначально не смогли оказать организованного сопротивления. Подчиненные кагану кыргызские войска захватили Бэйтин и Аньси. Сведения о захвате их в 841—842 гг. имеются в «Старой Танской истории» (гл. 174). Они подтверждаются «Худуд ал-Алам», где при описании восточнотяньшаньской области карлуков говорится: город «Пенчул расположен в пределах расселения карлуков; его правитель в прежнее время был из токуз-огузов (т. е. токуз-огузского государственного объединения под верховенством уйгур. — К. П., см. § 3 гл. II), а теперь им владеют киргизы» («Худуд ал-Алам», указ. публ., л. 176).

Написание названия Пенчул сомнительно в дошедшей рукописи. Некоторые принимают Пенджул за «Пятиградие», т. е. Бешбалык, как именовался тюрками Бэйтин.

В. В. Бартольд правильно указывал на непродолжительность власти кыргызов и на то, что кратковременное владение не было связано с переселением самих кыргызов с Енисея. Мы приводили в пользу этого дополнительные свидетельства¹. Действительно, уйгуры признавали власть кагана кыргызов всего несколько лет, а население области Бэйтина—Бешбалыка и Аньси, как явствует из «Худуд ал-Алам» и китайских источников, было карлукско-уйгурским, а не кыргызским. Подтверждением служат намерения китайского императора получить их от кагана кыргызов в виде уступки.

¹ К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань..., стр. 26.

Сведения о нападении войск кагана кыргыз на Бэйтин и Аньси были получены китайским императором в марте—апреле 843 г. (Лю Сюнь «Цзю Таншу», 174, лешжуань 124).

Император во время пребывания у него посольства кыргыз 843 г., предлагавшего военный союз против уйгур, пожелал, чтобы министр Чжао фань попросил у кыргыз передать ему Бэйтин и Аньси. Но другие министры, в частности Ли Дэ юй, отсоветовали принимать их во владение. Причины показательны: Бэйтин и Аньси возражали императору, находясь на большом расстоянии от границы Китая. Вся территория занята уйгурскими племенами: «Нужно проходить через уйгурские земли». Если император даже получит Бэйтин и Аньси, докладывал Ли Дэ юй, то для их охраны потребуются очень большие военные гарнизоны как в самих городах, так и по дороге. Таких войск в распоряжении не было, и император отказался («Цзю Тан-шу», 174).

Обсуждение вопроса об уступке городов, временно захваченных войсками кагана кыргыз, разумеется, могло иметь место лишь в том случае, если здесь не было собственно кыргызского населения. Противоестественно, чтобы каган уступил императору свои племена. Это видно, кстати, и из «Худуд ал-Алам» — «город находится в пределах расселения карлуков», ранее его правитель был из токуз-огузского каганата уйгур, а теперь им владеют кыргызы (см. выше).

Временный захват войсками кыргызского кагана двух городов сопровождался либо назначением ставленника, сменившего уйгуро-токуз-огузского, либо размещением небольшого гарнизона. Его власть здесь, будучи непрочной, держалась всего несколько лет. Уже Пан-Дэлэ, переселившийся сюда со своими племенами с Орхона, в конце 840-х годов объявил себя независимым ханом, как сообщается в летописи династии Сун. В Бэйтине в 850—860-х годах возвысился другой уйгурский каган — Пугуцзунь, который был признан Китаем. Со времени его правления уйгуро-токуз-огузское объединение (уйгуров и секиз-огузов) снова простиралось на огромную территорию от Тянь-Шаня до Монголии (см. § 3 гл. II, § 2 гл. III), а власть кагана кыргыз сохранилась лишь в пределах прежних границ. В частности, граница с южными и юго-западными соседями секиз-огузами (позднее найманы) оставалась там же, где была до 840-х годов и в X—XII вв. Земли между последними и собственно уйгурами от Иртыша до Северо-Восточного Тянь-Шаня продолжали занимать карлукские племена, подвергавшиеся сильному обуягушиванию еще с VIII в.

Сообщения о двух больших карлукских княжествах этого

района, проживавших до монгольского времени, имеются в ряде мусульманских источников (Джувеини, Рашид ад-Дин и др.) и в монгольском «Сокровенном сказании». Административно-политическим центром одного был Киялык, другого — Алмалык. Факт существования этих княжеств, на которые не обращали внимания киргизоведы, очень важен для изучения состава населения Восточного Притяньшанья в домонгольское время.

О многочисленности карлукского населения, занимавшего в IX—XI вв. территорию между Северо-Восточным Тянь-Шанем и Иртышем, говорит его упорная борьба с уйгуро-токуз-огузской династией ильханов (караханидов). Последний их правитель «ослаб в борьбе с этими племенами, ... которые вырвались из подчинения и повиновения, оказывали противодействие, грабили скот и лихоимствовали по-волчьи»¹. Не имея возможности справиться с ними, он призвал на помощь предводителя монголоязычных кара-китаев (киданей) Елюй Даши.² Спустя столетие то же повторилось с самим гурханом киданей, рассчитывавшим опереться в борьбе с карлуками правителями на помощь найманского хана Кучлука, бежавшего от Чингиз-хана с Алтая.

Карлукские князья, временами номинально признававшие верховенство гурхана киданей, не прекращали с ним борьбы до монгольского нашествия. В период, когда Чингиз-хан громил на Алтае найман — восточных соседей карлуков, карлуки, используя помощь Чингиз-хана, отложились от гурхана и вступили в войну с последним ханом найман Кучлуком. Арслан-хан Киялыка вместе с правителем уйгур Бешбалыка в 1210—1211 гг. лично приезжал к Чингиз-хану, прося помощь против гурхана и Кучлука. Узар-хан Алмалыка, тоже опиравшийся на помощь Чингиз-хана, был крупным правителем. На это указывает факт выдачи в жены ему и его сыну, Сукнактегину, дочерей старшего сына Чингиз-хана, Джучи. Немногие удостаивались подобной чести.

¹ The Ta'rikh. i Jahan-gusha of Ala'ud-din d'ta Malik-i Yuwayni, London, т. II, 1916, стр. 87.

² Переселение некоторого числа монголоязычных киданей из Монголии на Тянь-Шань в 1120-х годах не оказало заметного влияния на этнический состав населения Тянь-Шаня. Они быстро были оторочены и растворились в общей массе местных племен. Очень важно сообщение «Ляо ши» (гл. 30), что Елюй Даши при следовании из Монголии на Эмиль, просил разрешения у уйгурского Бильгехана пройти по его территории, который согласился. Это говорит о наличии в XII в. княжества уйгур восточнее Эмиля. (Не имелось ли в виду какое-либо из уйгуро-секиз-огузских (найманских) княжеств?).

В монгольском «Сокровенном сказании» имеется важное указание. Разбитый на Иртыше Кучлук «пошел на соединение с кара-хитайским гурханом на р. Чу, следуя **через землю уйгурских карлуков**» («Сокровенное сказание», § 198). Свидетельство важно в двух отношениях: во-первых, оно прямо говорит о существовании вплоть до эпохи монголов большой страны — «земли» карлуков, простиравшейся от границ найман до владений кара-китаев, т. е. примерно от Иртыша до Или. Во-вторых, ее население именовалось «уйгурскими карлуками», что, по-видимому, отражало длительное предшествующее обуйгушивание карлуков. Возможно, эти карлуки представляли группу восточных карлуков, попавших в уйгурское окружение еще в VIII в. на Хангае и переселившихся сюда в общей массе уйгурских племен в середине IX в.

О существовании уйгурско-карлукской «земли» и карлукских княжеств между Иртышем и Восточным Тянь-Шанем необходимо помнить при комментировании мусульманских сообщений о протяженности западной границы страны кыргызов. Некоторые исследователи, субъективно толкуя неясные и противоречивые сообщения, необоснованно высказывали предположения о протяженности «страны кыргызов» в VIII—XI вв. до Тянь-Шаня. При этом не поднимался вопрос о значении топонима «кыргызы — красные (местности), страна», ограничивающего обозначаемую им территорию между-речьем Енисея — Оби.

Как нами подчеркивалось, предположения о переселении енисейских кыргызов в качестве прямых предков современной киргизской народности не соответствуют данным современной науки. Енисейские кыргызы не могли явиться прямыми предками современных киргизов в физическом, языковом, культурном и других отношениях. Но их отсутствие на Тянь-Шане в I тысячелетии (по крайней мере, таких групп, которые не были бы ассимилированы местным населением) не означает, что в I тысячелетии на Тянь-Шане совсем не было предков современной киргизской народности.

Напротив, определенная часть населения Тянь-Шаня в I тысячелетии — и притом значительная, мы это подчеркиваем, — вошла как предки в состав киргизской народности. Их представляли огузско-карлукско-уйгурские племена, ассимилировавшие все прочие этнические группы, прибывавшие на Тянь-Шань в период VIII—XII вв. Они приняли большое участие в сложении киргизской народности, оказали влияние на ее родо-племенной состав, формирование культуры и проч. Поэтому, имея их в виду, мы вправе говорить о проживании

части предков киргизского народа (первого массива) на Тянь-Шане с самых давних времен¹.

¹ При современном уровне науки нельзя считать оправданными поиски «аргументов» в подтверждение устаревших несостоятельных гипотез о проживании народа кыргыз на Тянь-Шане и в Притяньшанье в I тысячелетии и вообще в домонгольское время, выдавать его за основное ядро современной народности. (О. Караев. Арабские и персидские источники IX—XII вв. и их свидетельства о киргизах и Киргизии. Э. Маанаев. К вопросу о переселении киргизов на Памир. «Материалы по истории и экономике киргизов», Фрунзе, 1963). Это возможно лишь при одностороннем комментировании неясных и противоречивых сообщений таких компилятивных сочинений, как Истахри, Мервези и Идриси и др., которые, порою плохо разбираясь в сведениях из разных источников, добавляли от себя явные несообразности (вроде Ал-Идриси).

В «Книге путей и государств» арабского географа Ал-Истахри при схематическом перечислении горных цепей от Памира до Алтая и о рудниках в цепях этих гор говорится: «Горы, отроги которых... тянутся в сторону Самарканды... Ферганы, выходят к области Шельджи и Таласа. Затем они тянутся, как мне рассказывал тот, кто ходил по тем путям, до пределов Китая. И эти рудники, которые находятся в ...Фергане, Шельджи и Лабане до страны кыргыз — все они находятся в главном хребте этих гор и в тех горных цепях, которые к нему примыкают». О. Караев, обрывая эту и другие цитаты, неосновательно выдает их за свидетельство того, что страна кыргыз находилась якобы в Восточном Тянь-Шане по соседству с Лабаном. На основании некоторых источников можно предполагать, что название Лабан представляло собою карлукский этноним — название родо-племенной группы. Количество групп с таким названием неизвестно, точнее местонахождение упомянутой группы установить трудно. И это ничего и не дает. Рудники находились в Фергане, «Лабане до страны кыргыз» во многих горных цепях. Протяженность горных цепей от Лабана до страны кыргыз не указана. Автор писал с чужих слов лишь о 2-х горных цепях на востоке: одна (юго-восточная) тянулась до пределов Китая; другая (сев.-восточная) куда-то до страны кыргыз. Где начиналась последняя, автор точно не знал. Его точные сведения ограничивались лишь владениями племен хазладжи до Таласа. Он не знал, что большую часть Тянь-Шаня и территорию до Иртыша занимали карлуки. Это видно из определения местонахождения страны токуз-гузов, якобы находившихся «между Тибетом, землей хазладжи хырхыз и царством Син». В действительности не «между хазладжи», а карлуков. Та же ошибка при определении местонахождения хырхыз между владениями токуз-огузов, кимаков, океаном и якобы землей хазладжи. Эти ошибки указывают, что Ал-Истахри по незнанию считал хазладжами, занимавшими земли лишь западнее Таласа, все тюркские народы за Таласом, в том числе карлуков и др. Сообщения Ал-Истахри о хазладжи как соседях кыргыз непригодны для определения границы страны кыргыз. Автор имел общее схематическое представление о расположении указанных народов относительно стран света и относительно друг другу, причем не всегда правильные. (Напр.: «Тибет находится между страной Син, землей хазладжи, токуз-огуз и Персидским морем»). Еще более неточностей в варианте его сочинения, переработанном и редактированном автором X в. Ибн Хаукалем и в персидском переводе последнего.

В некоторых случаях неточные ориентиры Ал-Истахри подвергаются вдобавок ошибочным, по нашему мнению, толкованиям. Например, Э. Маанаевым вместо направления указанного Ал-Истахри пути с юга на север принимается путь с востока на запад. «Протяженность царства Син при-

Привлечение подобных сообщений, по-нашему мнению, не оправдано. Нельзя также оперировать термином *кыргыз*, не учитывая его этнического содержания. Конгломерат енисейских *кыргыз* I тысячелетия, как, впрочем, и позднейшего периода, был пестрым. В междуречье Енисея—Оби еще в XV—XVI вв. существовали, например, группы с названиями *киргин*, *кербес*, *кербез*, *кырыксар* и др., которые, отличаясь от собственно енисейских *кыргыз* того времени, исторически являлись **кыргызскими**. Оправданными могут быть лишь исследования состава огузско-карлукско-уйгурского населения Тянь-Шаня I тысячелетия, частично вошедшего в состав киргизской народности. Имея его в виду, мы вправе говорить о проживании на Тянь-Шане части предков киргизского народа с I тысячелетия н. э.

мерно 3—4 м-ца пути. Если идти от устья залива, пока достигнешь страны ислама (Мавераннахра), это — около 3-х м-цев пути; а если от восточных пределов наперерез к западной границе по земле Ат-Туббет и пройдеши по земле токуз-огуз и кыргыз через те земли, которые находятся за землями кымаков, до моря, то это будет 4 м-ца пути». Путь через Тибет, страны токуз-огузов, кыргыз, кымаков и далее до Северного моря есть путь с юга на север, **поперечный пути** восток—запад, а не на запад от Тибета, как полагает Э. Маанаев, помещающий страну кыргыз на основе этого и вопреки всем источникам не на Енисее, а на Памиро-Алае и в Южном Тянь-Шане.

В качестве «свидетельств» в подтверждение местонахождения страны и народа кыргыз в пределах Тянь-Шаня. О. Караевым приводятся, например, такие сообщения арабского автора X в. Абу Дулафа о питании кыргыз рисом и неупотреблении верблюжатины и автора XII в. Мервази о том, что кыргызы, став соседями мусульман, перестали сжигать мертвых, а стали их хоронить.

В описании Мервази страна кыргыз изображается как самая северная страна с длинной полярной ночью, через нее протекает большая река (Енисей) с притоками. Приводя версию о «влиянии» мусульманства на кыргыз, он здесь же, противореча себе, подробно описывает их колдунов-шаманов (фагинуна) и языческие обряды. Само описание **заимствовано у автора XI в. Гардизи**, а Гардизи, наряду с описанием колдуна и пр., дает прекрасное описание пути в страну кыргыз от главного города токуз-огузов, Чинанджента до Когмена (Саян), где лежала страна кыргыз. (Гардизи, Укращение известий. Зап. АН, VIII серия, т. 1, № 4, СПб., 1897, стр. 86, 109).

Из явно неверного сообщения Абу Дулафа о том, что кыргызы якобы не употребляли в пищу верблюжатины, а главной пищей у них служил рис, делается вывод: поскольку рис не мог произрастать на Енисее и мог на Тянь-Шане, то страна кыргыз находилась в пределах Тянь-Шаня. Для этого нет оснований. Все скотоводы-кочевники от Монголии до Волги, в том числе кыргызы, всегда употребляли верблюжатину. Рис — культура развитого, поливного оседло-земледельческого хозяйства, которым скотоводы кыргызы никогда не занимались.

Еще менее оснований определять местонахождение кыргыз на Тянь-Шане и в Притяньшанье по противоречиво-несообразным ориентирам арабского автора середины XII в. Ал-Идриси, который компилировал сведения с VIII в., будучи плохо осведомленным в этногеографии Центральной Азии.

ГЛАВА IV

ДВИЖЕНИЕ КЫМАКСКО-КЫРГЫЗСКИХ, КЫПЧАКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН НА ТЯНЬ-ШАНЬ И СЛОЖЕНИЕ КИРГИЗСКОЙ НАРОДНОСТИ В XIII—XV ВВ.

Этнический облик киргизской народности определили кымакско-кыргызские племена, или племена бурут, района Телецкого озера, которых условно можно именовать периферийными племенами конгломерата енисейских кыргызов. Их переселение на Тянь-Шань не представляло собою марш-похода. Его можно характеризовать как процесс-переселение или продвижение, совпавшее с процессом сложения самой народности. Продвижение хронологически совпадало и было причинно связано с завоеваниями и переселениями монгольских племен начала XIII в. Обстоятельства передвижения изложены в наших предшествующих работах: «К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.» и в «Очерках феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв.» (изд. АН Киргиз. ССР, Фрунзе, 1961). В настоящей работе мы ограничиваемся общим обзором движения кымакско-кыргызских, родственных им восточнокыпчакских и монгольских племен на Тянь-Шань в XIII—XIV вв. и процесса сложения киргизской народности. (Дополнительное освещение вопросов этногенеза дано в III разделе «Истории Киргизии», Фрунзе, 1963 г. (в печати).

После того как Чингиз-хан в 1210—1220 гг. подчинил народы и страны до Каспийского моря, он передал их во владение трем своим сыновьям. Каждый получал монгольское войско и часть монгольских племен, которые переселялись в новые владения.

Старший сын Чингиз-хана, Джучи, получил во владение юрт от Енисея на запад до Волги (ставка его орды на Иртыше). Области от Иртыша на юго-запад почти до Или, т. е. Восточное При Тянь-Шанье, получил Угэдэй (ставка на Эмиле). Территория Тянь-Шаня от Или до Таласа была передана Чагатаю (впоследствии он расширил свои владения до Аму-Дарьи). Его ставка находилась в Восточном Тянь-Шане, на р. Или.

Царевичи Угэдэй и Чагатай переселили в Восточное При-
тятьяньшанье и на Тянь-Шань монгольские племена двух своих
улусов. Кроме того, вскоре с Иртыша к Тянь-Шаню пересели-
лась часть улусных племен Джучи. В числе племен, переселив-
шихся с Угэдэем и Чагатаем на Тянь-Шань, были джалаиры,
баруласы, кунграты, дуглаты и другие, превышавшие 100 тыс.
человек. Вслед за ними сюда прибывали новые племена. Об-
щая численность монгольских племен, переселившихся на
Тянь-Шань, доходила до 150—200 тыс. человек.

Сосредоточение столь большого количества монголов в
междуречье Иртыша—Или и в Северном Тянь-Шане объяс-
нялось рядом причин, в особенности изобилием в этих краях
пастбищ, привлекавших монголов как скотоводов-кочевников.
Монгольские племена, захватившие лучшие пастбища, вытес-
нили с Тянь-Шаня до половины местного тюркоязычного на-
селения, причем кочевые племена Северо-Восточного Тянь-
Шаня были вытеснены почти полностью.

Карлукско-уйгурские и другие племена, вытесненные с
Тянь-Шаня на запад за Сыр-Дарью (в Мавераннахр), сли-
лись с тамошним близкородственным населением, приняв
впоследствии участие в сложении узбекской народности. Осед-
ло-земледельческое население было вытеснено в меньшей мере.

Характерным явлением в истории смешанного монголо-
тюркского населения Тянь-Шаня в период XIII—XV вв. было
его постепенное перемещение на юг и запад — в Кашгарию и
Мавераннахр, сопровождавшееся постепенным заселением
Тянь-Шаня продвигавшимися с северо-востока кымакско-кыр-
гызскими и близкородственными им племенами Иртышско-
Енисейского междуречья (так как название кымак с XI в. ис-
чезло, бывшие кымакско-кыргызские племена именуются на-
ми далее кыпчакско-кыргызскими. Среди них находилась та-
же значительная часть монгольских племен во главе с тремя
«тысячами» баарин, составлявших ядро учрежденной Чингиз-
ханом «тумы» (тумана) кыпчакско-кыргызских и других ал-
тайских племен.

Образование улусов, ставших вскоре самостоятельными
государствами, сопровождалось изменением в традиционных
отношениях тюркских народов, которые вошли в их состав.
Новые отношения особенно ощущались на территории Ир-
тышско-Илийского междуречья, где первоначально находи-
лись административно-политические центры всех трех улусов.
Отношения усложнились еще более в связи с распадом
улуса Джучи на две части и образованием во второй половине
XIII в. новой монголо-китайской империи Юань, включавшей

Китай, Монголию и области Хангайско-Алтайского нагорья.

Кыпчакский улус Джучи был разделен еще самим Чингизханом. Он передал первому сыну Джучи, Орде, и четырем младшим братьям Енисейско-Иртышское междуречье с восточными областями нынешнего Казахстана. Второй сын, Бату, получил западную часть улуса. На основе владений Бату сложилось государство Көк орда (Золотая орда). На основе улуса Орды и владений четырех братьев с присоединенными племенами пятого брата Шибана сложилось государство Ак-орда (Белая Орда).

Кыпчакско-кыргызские племена восточной части Иртышско-Енисейского междуречья находились в составе улуса орды на особом положении. Будучи покоренными до раздачи царевичам личных уделов, они управлялись собственными владельцами, над которыми в качестве наместников стояли тысячники и другие чиновники великого хана, первым из которых был баарин Хорчи. При раздаче уделов они **не стали ничьим личным уделом**, оказались на положении «государственных» племен, бывших в ведении государственной администрации ханов. Разница в положении неудельных и удельных племен была примерно такой же, как в положении неудельных и удельных земель-областей. Земли и племена, выделенные в уделы царевичам, со временем становились их собственностью. На неудельные, или государственные, никто не мог претендовать как на «свои» — наследственные. Ими могли управлять, но не имели права присвоить.

Эта разница оказала в дальнейшем большое влияние на судьбы кыпчакско-кыргызских племен. Лишь главы государственных объединений имели право управления ими и на переселения их из одних областей в другие. Это положение кыпчакско-кыргызских племен определило характер их отношений с царевичами-чингизидами и процесс отюречивания монголов на Тянь-Шане.

Перемещение кыпчакско-кыргызских племен от верховьев Оби к Тянь-Шаню началось еще при Орде — с перемещением его ставки (и соответственно улусных племен) в долину Эмилы, т. е. на территорию улуса Угэдэя, уступившего эти области при восшествии на великоханский престол. По-видимому, уступка была связана с тем, что кыргызские племена, будучи государственными, находились в непосредственном подчинении великого хана. Он и его сыновья имели тесные связи с предводителями кыргызских племен, поддержавших угэдэевичей во время их мятежа против Мункэ, узурпировавшего в 1251 г. великоханский престол. При подавлении угэдэевичей Мункэ послал большую армию на Эмил и против кыргызов

Иртышско-Енисейского междуречья. Удельные племена были отняты у угэдэевичей и переданы другим царевичам. Неудельные племена восточных областей улуса Орды великий хан поставил в подчинение своего наместника — брата Арик Буки.

Мункэ, уничтоживший улус Угэдэя как отдельное владение, надеялся, что Арик Бука будет противодействовать объединению подвластных ему кыпчакско-кыргызских племен с племенами Иртышско-Илийского междуречья. Но тот поступил наоборот. После смерти Мункэ (1259 г.) он объединился с оставшимися в живых угэдэевичами и вступил в борьбу со своим братом Хубилаем, который, как старший после Мункэ, имел право на престол. Его борьбу за престол великого хана продолжил внук Угэдэя, Хайду. Он начал в конце 1260-х годов восстанавливать улус своего деда на Эмиле, разгромленный пятнадцать лет назад, и скоро объединил под своим верховенством все тюрко-монгольские племена от Восточного Тянь-Шаня до Енисея, включая неударственные государственные кыргызские племена. В 1264 г. он присоединил к своим владениям тянь-шаньские области улуса Чагатая до р. Таласа. В результате этого Хайду в 1260—1270 гг. в общем создал новое обширное государство, в состав которого входили Енисейско-Иртышское междуречье, Прибалхашье и Тянь-Шань до Таласа. Правители Мавераннахра и других западных областей считались его вассалами. Административно-политический центр нового государства находился между реками Или и Чу. Тюркские племена, в особенности кыпчакско-кыргызские, играли в его государстве большую роль. Объединение этих племен под верховенством Хайду обуславливалось их особым положением как неударственных. Хайду имел право на государственные киргизские племена как великий хан, которым он объявил себя в 1268 г., и за престол которого он начал борьбу против Хубилая, владевшего Монголией и Китаем. Главной ареной войны стали восточные области его владений, в частности Иртышско-Енисейское междуречье и Хангайское нагорье. Так как местные кыпчакско-кыргызские племена принимали в ней широкое участие, то многие из них в ходе тридцатилетних войн, шедших с переменным успехом, переселились из своих областей за Иртыш, к Восточному Тянь-Шаню¹.

Становление нового монголо-тюркского государства Хайду, боровшегося за престол великого хана, на основе улусов Угэдэя, Чагатая и частично Орды, сопровождалось нарушением территориально-этнических и династических отношений,

¹ К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань..., гл. III.

установленных самими монголами в первые десятилетия их господства. Во время его продолжительного правления и в течение двух последующих десятилетий (1320—1330 гг.) имели место перемещения больших масс монголо-тюркского населения бывшего улуса Чагатай с Тянь-Шаня в Мавераннахр и Кашгарию, племен бывшего улуса Угэдэя из Или-Иртышского междуречья на Тянь-Шань и сосредоточение в Или-Иртышском междуречье кыпчакско-кыргызских племен. На развалинах его государства в 1340-х годах возникло новое территориально-государственное объединение, именуемое в источниках того времени «Мо(н)голистаном», или «Страной монголов». В этническом отношении она представляла собою конгломерат из остатков местного населения Тянь-Шаня домонгольского времени, монгольских и кыпчакско-кыргызских племен. Монголо-тюркские племена занимали в основном Тянь-Шань, кыпчакско-кыргызские — Или-Иртышское междуречье. В государственном отношении Мо(н)голистан представлял собою территорию с феодально-раздробленными полунезависимыми и независимыми улусами-владениями, периодически объединяемыми каким-либо из сильных правителей¹.

Кыпчакско-кыргызские племена Или-Иртышского междуречья с падением центральной власти монголов оказывались фактически в независимом положении от царевичей-чингисханидов.

Борьба кыргызских племенных объединений, занимавших Иртышско-Илийское междуречье, с феодалами тянь-шаньских монголов содействовала их консолидации. В то же время нараставший процесс феодальной раздробленности в среде монголов, их отюречивание «изнутри» или «снизу» остатками местного населения Тянь-Шаня домонгольского времени, создавали благоприятные условия для их окиргизивания.

Монгольские племена, переселившиеся в начале XIII в. на Тянь-Шань и вытеснившие на запад до половины местного тюркского населения, представляли собою компактные группы лишь до середины XIII в. Во времена Хайду и особенно в период междоусобиц, наступивших при его преемниках, они распадались и, что еще более важно, перемешивались с остатками местных тюркских племен, а также с отдельными кыргызскими родо-племенными группами, сначала поодиночке распространявшимися по Тянь-Шаню.

Остатки огузско-карлукско-уйгурских и прочих тюркских

¹ К. И. Петров. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв., гл. I, V.

племен сами по себе не были настолько консолидированы и многочисленны, чтобы поглотить и ассимилировать завоевателей-монголов. Последние, в свою очередь, тоже не были достаточно многочисленными, чтобы ассимилировать местное население. Утратив к концу XIII в. связи со своими сородичами в собственно Монголии, они стали дробиться на мелкие группы. В общем население Тянь-Шаня в начале XIV в. представляло собою пестрый конгломерат осколков и групп разных монгольских и тюркских племен (именуются нами в совокупности тянь-шаньскими монголами). В их среде не было достаточно многочисленной компактной массы, которая могла бы явиться ядром сложения определенной народности.

Язык тюркского населения, как свидетельствуют многочисленные надгробные надписи разных районов Тянь-Шаня XIII—XIV вв., относился по-прежнему к карлукско-уйгурской группе. Что касается монголов, то большинство их сначала говорило на родном языке, затем они постепенно перенимали язык местного населения.

Компактный в этническом отношении массив представляли лишь кыпчакско-кыргызские племена Или-Иртышского междуречья, которые при распространении в XV в. по всему Тянь-Шаню вытеснили большую часть монголо-тюркского населения, а оставшееся ассимилировали.

В хозяйстве части полуотюреченных монголов (под влиянием постепенного хозяйственного освоения ими отдельных областей, особенно в соседстве с земледельческими, и по ряду других причин) с середины XIV в. стал намечаться переход к оседлому земледелию. К концу XV в. это носило уже достаточно выраженный характер. По мере его развития складывалось крупное семейное землевладение монгольских феодалов и вместе с ним началось строительство крепостей, дворцов-храмов и т. д.¹ Появлялись оседло-земледельческие поселения.

Изменениям в хозяйственно-экономической жизни сопутствовали изменения в культуре, что проявлялось, в частности, в распространении мусульманства. С конца XIV в. ислам стал государственной религией всего населения Тянь-Шаня, в том числе и монголов.

Становление крупного семейного землевладения сопровождалось появлением среди класса монгольских феодалов прослойки крупных землевладельцев. Образовались отдельные полунезависимые или независимые владения-улусы.

¹ К. И. Петров. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв., гл. II, III.

Крупное феодальное землевладение явилось экономической предпосылкой резкой феодальной раздробленности монгольских племен в период массового распространения по Тянь-Шаню в XV в. кыргызских племен из Или-Иртышского междуречья, среди которых, напротив нарастал процесс консолидации.

Раздробленность усугублялась неравномерностью хозяйственных изменений у отдельных монгольских племен. Хозяйство у части племен, кочевавших в малопригодных для земледелия областях, претерпевало меньшие изменения. Группы таких племен в условиях феодальной раздробленности тоже обособлялись в отдельные улусы-ханства.

Значительное влияние на ускорение процесса ассимиляции кыргызскими племенами монголо-тюркского населения Тянь-Шаня оказали вторжения на Тянь-Шань Тимур Ленга (Тамерлана) и его преемников — тимуридов в конце XIV—начале XV вв. Они сопровождались массовыми истреблениями и разорениями монголо-тюркского населения Тянь-Шаня и уводом больших масс его во владения Тимура за Сыр-Дарью.

Хотя господство Тимура и тимуридов на Тянь-Шане было недолговременным, государственная организация монголов, приходившая в состояние упадка еще до Тимура и окончательно подорванная им, уже не могла возродиться в прежней форме. Был нанесен серьезный удар землевладению.

Значительные массы монголо-тюркского населения — особенно тяготевшие к ведению оседло-земледельческого хозяйства — в условиях резкой феодальной раздробленности и междоусобий на Тянь-Шане переселялись в Кашгарию и Мавераннахр. Например, в 1428—1429 гг. с Тянь-Шаня выселилось (в тимуридские владения Мавераннахра и Афганистана), по вполне достоверным источникам, 30 тыс. семей (около 150—200 тыс. человек), т. е. не менее трети всего населения¹. Выселения в таких количествах — факт чрезвычайной важности с точки зрения перемен этнического состава населения Тянь-Шаня в середине XV в.

Кыпчакско-кыргызские племена, занимавшие Восточный Тянь-Шань, тоже пострадали от вторжений Тимура, но гораз-

¹ Мухаммед Мирза Хайдар. Тарих-и Рашиди. Рукопись ЛО ИНА, С.395, л. 54; Захириддин Бабур. Бабур намэ, Госиздат, Уз. ССР, 1948, стр. 18—19. Общая численность всего населения Тянь-Шаня, по определению того же Мирзы Хайдара, в 1470 г. равнялась 60 тыс. кибиток (там же, л. 646). В этот год Юнус-хан увел его в Мавераннахр, где часть его отложилась от хана и навсегда осталась за пределами Тянь-Шаня.

до в меньшей мере. Быстро оправившись, они в послетимуровское время заняли весь Тянь-Шань.

Распространение киргизских племен до Западного Тянь-Шаня с XIII в. первоначально происходило мелкими группами, которые перемешивались с прочим монголо-тюркским населением. В послетимуровское время оно приобрело массовый характер.

Кыпчакско-кыргызские племена при массовом распространении из Восточного Тянь-Шаня в XV в. ликвидировали крупные землевладения полуотюреченных монгольских феодалов и вытеснили более половины подвластных им племен в Кашгарию и Западное Притяньшанье. Они снова распространили по всему Тянь-Шаню имевшиеся у них формы землевладения. Это оказало влияние на оставшиеся монголо-тюркские племена, которые были менее затронуты процессом перехода к оседло-земледельческому хозяйству. У них оживились старые традиции кочевников-скотоводов.

Общность хозяйственно-экономических интересов этой части местных монголо-тюркских племен с прибывшими из-за Или кыпчакско-кыргызскими племенами способствовала их совместной борьбе с крупными полуотюреченными монгольскими землевладельцами и относительную легкость их слияния. Участие с этого времени монгольских феодалов в распоряжении пастбищами и угодьями обуславливалось тем, в какой мере они как главы консолидируемых киргизами родоплеменных групп участвовали в хозяйственно-политической жизни общей массы племен складывавшейся народности в рамках одних территориально-государственных объединений.

Эти интересы явились предпосылкой образования во второй половине XV в. обширного киргизского ханства во главе с Ахмед-ханом и его сыновьями, которое занимало всю территорию Тянь-Шаня. В его состав вошли монголо-тюркские племена, которые не были вытеснены с Тянь-Шаня. Хотя государство оказалось непрочным и впоследствии распалось, его временное существование имело два важных последствия. Во-первых, оно содействовало дальнейшей консолидации самих кыпчакско-кыргызских племен. Во-вторых, в рамках этого государственного объединения произошло слияние с ними местных монголо-тюркских племен Тянь-Шаня, т. е. сложение киргизской народности в том составе, который впоследствии мало изменился.

Таким образом, сложение киргизской народности произошло в процессе распространения кыпчакско-кыргызских племен по Тянь-Шаню. Помимо благоприятных условий на самом Тянь-Шане, оказывало влияние, между прочим, также

давление с востока ойратских (калмакских) племен, которые оттесняли киргизов сначала с Алтая в Притяньшанье, затем из Притяньшанья на Тянь-Шань.

Распространение в XV в. чисто скотоводческо-кочевых языческих кыпчакско-кыргызских племен по всему Тянь-Шаню и вытеснение ими большей части монголо-тюркского населения имело следствием: 1) как указано, ликвидацию крупного землевладения полуотюреченных монгольских феодалов (с вытеснением их самих в Кашгарию и Мавераннахр) и распространение землевладения кыргызских племен¹; 2) исчезновение оседло-земледельческих поселений (и, между прочим, характерной поливной керамики); 3) ликвидацию мусульманства на Тянь-Шане, на смену которому пришло язычество кыргызских племен; 4) наконец, произошла смена языка. Кыргызские племена распространили по всему Тянь-Шаню новый язык, именно язык кыпчакской группы, который существенно отличался от карлукско-уйгурского языка тюркского населения Тянь-Шаня домонгольского времени, перенятого монголами.

Трудно точно определить численность местного тюркского населения домонгольского времени и монгольских племен, вошедших в состав киргизской народности. Можно говорить лишь примерно. Монгольские племена численностью до 150—200 тыс. человек в начале XIII в. вытеснили до половины местного населения, с оставшимися перемешались. Образовались смешанные монголо-тюркские группы. Некоторая часть их переселилась с Тянь-Шаня в Кашгарию и Узбекистан в первой половине XIV в. Затем большинство было вытеснено киргизскими племенами в XV в. Оставшиеся вошли в состав киргизской народности на завершающем этапе ее сложения.

Киргизские племена в конце XV—начале XVI вв. еще нередко именовались кыпчаками, т. е. имели два собирательных названия — кыпчаки и кыргызы.

Монголо-тюркские племена Тянь-Шаня в XVI в. еще не причислялись к кыпчакско-кыргызским, как в последующие столетия, хотя отдельные группы, может быть, еще с XIII—XIV веков входили в кыргызские объединения. Окончательное их окыргызивание имело место в последующее время. Некоторые из них утратили свои названия, другие удержали, вроде, например, групп кунграт, монгол, монгуш и др., в подразделениях багыш и других правого крыла и группы найман левого крыла. Много подобных групп появилось среди ичкиликов.

Левое, правое крыло и объединение ичкиликов в конце XV—начале XVI вв., как видно по «Маджму ат-таварих», уже включили в свой состав основные родо-племенные группы, которые сохранились до настоящего времени.

В частности, правое крыло объединяло тоёлос, сары-багыш, кара-чоро, саяк, богоростон, солто, бугу, найман, ядкар и другие, имевшие родоначальником Тагая. К ним примыкали подразделения адигине, монгуш, кара-багыш и другие, считавшиеся потомками брата Тагая, Адигине, и сестры Нелиже. Они стояли как бы особняком. И это находило оправдание. Некоторые из подразделений были явно недавно примкнувшими к основной массе правого крыла, как, например, баргу группы адигине и др. Их присоединение произошло лет 200—300 назад в Енисейско-Обском междуречье. Некоторые из них вышли из смешанного населения области Баргуджин Токум.

Левое крыло в конце XV—начале XVI вв. объединяло группы кушчи, мундуз, басыз, чон-багыш, хитай и саруу. Все они сохранились до настоящего времени. Впоследствии к этому крылу стали причисляться группы найман и другие, окончательно окиргизенные в XVI—XVII вв.

Объединение булгачи-ичкилик «родоначальника» Салвас бия Булгачи во время пребывания в Енисейско-Обском междуречье включало, видимо, группы бостон, канды, жоокесек, теит, ават и оргу. Вероятно, еще там с ними консолидировались группы толес, кыпчак и, возможно, некоторые подразделения найманов, живших по соседству. Но в конце XV—начале XVI вв. последние еще не причислялись к основному ее составу, как и подразделения нойгут, окончательно слившиеся с ичкиликами при передвижении к Южному Тянь-Шаню.

Среди киргизских родо-племенных групп в настоящее время имеется значительное число с такими названиями, по которым нельзя установить их прошлую принадлежность. Это касается в особенности названий по родоначальникам с тюрко-мусульманскими именами. В то же время предания о них свидетельствуют о сравнительно недавнем их слиянии (примерно в XV—XVI вв.) с основной массой киргизских племен. Некоторые из таких групп представляют местное тюркоязычное население Тянь-Шаня домонгольского времени, утратившее название своих крупных объединений. В частности, в процессе ассимиляции киргизскими племенами местного населения исчезли названия таких крупных объединений, как халач, или халаджи, бекчик и другие, которые включали в свой состав огузско-карлукские племена домонгольского времени. Еще в XV в. они были многочисленны, играли большую роль на Тянь-Шане, но затем название их крупного объединения

пропало. Мелкие роды калча ныне рассеяны по разным племенным группам. Исчезли названия крупных монгольских племен дулгат, кунграт, джалаир, барулас, кунджи, джирас, духту, итарджи и пр. Исчезновение названий монгольских племен на Тянь-Шане после XV в. объясняется условиями поглощения их киргизскими племенами, которые отличались от условий отюречивания монголов у казахов и узбеков.

Кыпчакские племена, составлявшие уделы наследников Джучи, Борака и Шейбани, были присоединены к их монгольским родо-племенным группам. Хотя монгольские группы численно были несравненно меньшими, они возглавляли подвластные им кыпчакские и прочие тюркские объединения. Последние именовались по названию улусных племен монголов-завоевателей. Например, одно большое кыпчакское объединение, во главе которого оказалась монгольская группа племен мангыт, стало именоваться мангытами (впоследствии ногаи), другое объединение во главе с монголами кият — киятами и т. д.

Монгольские племенные группы, будучи сравнительно немногочисленными, быстро растворились в огромном море кыпчакских племен. Но монгольские названия закрепились за всеми местными объединениями. Этому содействовали отчасти сами кыпчакские феодалы. Местная кыпчакская знать тоже быстро отюречила монгольских предводителей, первоначально стоявших во главе монголо-кыпчакских соединений: Кыпчакской верхушке было выгодно связывать себя с родословными последних и с «золотым родом» чингисханидов, что являлось основанием ее прав на господство над теми же отюреченными монгольскими племенами. Эта традиция особенно ярко проявилась в период завершения сложения казахской народности в XV в. при Борак-хане и его сыновьях. Права Борака и его преемников на владение улусными племенами, составлявшими ханство, основывалось на их происхождении от сына Джучи, Орды. Последующие казахские султаны придерживались этой традиции вплоть до XIX в.

Хотя этот процесс у узбеков протекал несколько сложнее, но в общем имело место то же самое. Большие объединения узбекских племен в конечном счете стали именоваться по названию родо-племенных групп завоевателей-монголов, например, джалаир, барулас, кунграт и пр. Во главе их стояли отюреченные феодалы, которые опять-таки либо прямо, либо косвенно возводили себя к «золотому роду». В частности, так поступал отюреченный барулас Тимур Ленг (Тамерлан) и его потомки, боровшиеся с Мухаммедом Шейбани в период завершения сложения узбекской народности. Мухаммед Шейбани-

хан основывал свои права как потомок Шибана (Шейбана), младшего брата Орды. Последующие узбекские ханы придерживались этой традиции до XIX в.

Иначе совершалось отюречивание монголов киргизами. Если казахи и узбеки, как подвластные племена, отюречивали монголов, образно говоря «снизу», то киргизы отюречивали их «сверху».

Объединения киргизских племен в период установления власти монголов в Енисейско-Иртышском междуречьи не были переданы как удельные какому-либо царевичу и непосредственно присоединены к улусным племенным группам завоевателей монголов. Они находились на особом положении в течение всего XIII в., поэтому даже мелкие киргизские родо-племенные группы не получили монгольских названий в XIII в. Тем более не могло появиться киргизских объединений с монгольскими названиями в XIV—XV вв., т. е. в период упадка власти монголов и распространения киргизских племен на Тянь-Шане. Киргизские объединения в этот период оттеснялись с Тянь-Шаня крупные объединения монголов и поглощали (присоединяли к своим племенам) мелкие группы, т. е. окиргизивали их, как завоеватели, «сверху». В результате не киргизские племена перенимали монгольские названия, как у казахов и узбеков, а присоединяемые монгольские группы получали киргизские названия, утрачивая собственные. Этим объясняется, почему у казахов и узбеков оказались крупные объединения с монгольскими названиями, а у киргизов монгольские названия сохранились лишь у мелких родо-племенных групп. Такая разница очень примечательна. Равным образом важно то, что ни один киргизский феодал никогда не причислял себя к «золотому роду» чингисханидов или вообще к какому-либо «знатному» монгольскому роду.

Напротив, сами родоначальники мелких окиргизенных монгольских групп разными путями (усыновление и проч.) «приобщались» к киргизским предкам. Родословные киргизских племен, предков и биев стоят особняком, совершенно изолированы от монгольских. В этом находят отражение особенности сложения киргизской народности к концу XV—началу XVI вв., в частности особенности окиргизивания монголов и местного тюркоязычного населения домонгольских времен кыпчакско-киргизскими племенами, появившимися на Тянь-Шане только после его завоевания монголами. Именно поэтому родословные киргизов аналогичны родословным алтайцев, хакасов и других народов Енисейско-Иртышского междуречья, а не народов Средней Азии и Казахстана, пребывавших здесь в период раздачи уделов монгольским царевичам.

Во время подготовки к печати настоящей работы в свет вышло этнографическое издание «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, М., 1963 (из серии «Народы мира»). В историко-этнографическом очерке о киргизах, написанном С. М. Абрамзоном, имеется изложение различных гипотез и нашей концепции этногенеза киргизов. Считаю, целесообразным высказать в связи с этим несколько замечаний.

С. М. Абрамзоном фактически изложена не наша концепция, а лишь несколько положений, притом с серьезными неточностями, которые создают о ней в общем неправильное представление. В работах мы писали, что киргизские племена ещё в XIII в. заняли территорию между реками Иртышем и Или. Как известно, бассейн р. Или, включая правобережье, находится полностью в пределах Тянь-Шаня. Поэтому перемещение киргизских племен из-за Иртыша на указанную территорию означало **заселение** ими части Тянь-Шаня с XIII в. Между тем в интерпретации С. М. Абрамзона оказывается, что мы относим это к первой четверти XV в.: «Именно в этот период киргизские племена (якобы, по нашему мнению — К. П.) начали активное (?) продвижение на Тянь-Шань». («Народы Средней Азии и Казахстана», стр. 164). Неправильно также излагается наш взгляд на взаимодействие киргизских племен с местным населением Тянь-Шаня. Они не «слились в дальнейшем с конгломератом местных тюрко-монгольских племен», но вытеснили большую часть их в Кашгарию и Мавераннахр и ассимилировали оставшихся. Слияние с местным конгломератом предполагает либо растворение в нем, исчезновение киргизских племен, либо, во всяком случае, утрату ими своих основных этнических признаков (особенностей языка, культуры и пр.). Ассимиляция означает, напротив, поглощение местного населения, его «окиргизивание» с сохранением основных признаков собственно киргизских племен. Таким образом, одно из основных положений нашей концепции передано в прямо противоположном смысле. Эти и другие погрешности тем более странны, что не могут быть следствием небрежности наших формулировок. В рассматриваемой С. М. Абрамзоном работе «К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.» содержится специальная глава под названием «Ассимиляция тянь-шаньских монголов к началу XVI в.»

Излагая наше мнение по этногенезу киргизов, С. М. Абрамзон, как нам кажется, упустил из виду несколько вопросов, по которым у него имеются взгляды, отчасти сходные с нашими. Они сформулированы в его «положении» об этногенезе киргизов. Как констатирует С. М. Абрамзон, имеющиеся в

настоящее время убедительные «факты позволяют выдвинуть положение о том, что процесс формирования современных киргизских племен происходил на территории Восточного При Тяньшаня и прилегающих областей главным образом на базе тюркоязычных племен, значительная часть которых по своему происхождению, вероятно, восходит к племенам эпохи тюркских каганатов и государств VI—X вв.», и что «на территорию Средней Азии... киргизы продвинулись, очевидно, в послемонгольское время», где пополнялись местным населением **в лице узбеков и таджиков** (там же, стр. 163).

Трудно представить, что подразумевается под «современными киргизскими племенами», когда пройдены этапы формирования народности и даже нации, а о племенах остались лишь древние предания. Оставляя в стороне вопрос определения современной этнической общности киргизов как нации, народности или группы племен, следует думать, что С. М. Абрамзон подразумевает под современными киргизскими племенами в общем нынешний этнический состав киргизов. Он формировался, по его мнению, не на ныне занимаемой территории и даже не на Тянь-Шане, а в Восточном При Тяньшане, откуда «киргизы» (т. е. уже не племена, а народность?) продвинулись на территорию Средней Азии в послемонгольское время. Мы в некоторой мере согласны с этим, хотя необходимы уточнения, а именно: какое все-таки время, какая территория Средней Азии имеются в виду, каковой оказалась судьба местного населения ныне занимаемой территории и, главное, в современном ли составе прибыли сюда киргизы.

Монгольское время определяется обычно периодом господства монгольских феодальных династий. На Тянь-Шане оно продолжалось без перерыва до 70-х годов XV в., затем до середины XVI в. шла борьба за его реставрацию. Монгольский период на Тянь-Шане датируется временем примерно до конца XV в. Полностью соглашаясь с С. М. Абрамзоном в отсутствии на Тянь-Шане основного ядра киргизской народности—племен с самоназванием киргиз в домонгольское время (до XIII в.), мы не можем согласиться с их прибытием сюда после XV в. При этом речь может идти о прибытии лишь основной части, но не всего современного состава. Современный состав, или «современные киргизские племена», формировались **на ныне занимаемой ими территории** с участием местного населения, проживавшего здесь с древнейших времен, и части прибывавших сюда с XIII в. монголов, а не в Восточном При Тяньшане.

Мы согласны, что киргизские племена прибыли на Тянь-Шань не с запада, севера или юга, а с востока. Географиче-

ский термин Восточное Притяньшанье, употребляемый С. М. Абрамзон здесь и в других работах, трудно поддается, однако, уточнению. Восточная часть Тянь-Шаня оканчивается хребтом Карлык-Таг и областью Хами. Территория восточнее этой местности — современной Монгольской Народной Республики и есть собственно Восточное Притяньшанье. Употребляя термин для определения места первоначального этногенеза киргизских племен, С. М. Абрамзон включает в него на юге Восточный Туркестан и притибетские районы (?), на востоке Монголию, на севере Прииртышье и Алтай без указания границы. В общем получается территория протяженностью с запада на восток и с юга на север более двух тысяч километров, т. е. почти равная Средней Азии. Указание на эту территорию как на место раннего этногенеза киргизских племен фактически равнозначно отсутствию определенной локализации.

Та же неопределенность в отношении этнической принадлежности племен. По мнению С. М. Абрамзона, киргизские племена формировались «главным образом на базе тюркоязычных племен, значительная часть (?) которых по своему происхождению, вероятно, восходит к племенам эпохи тюркских каганатов и государств VI—X вв.». Необъятные тюркские каганаты включали все народы тогдашнего тюркского мира. В тот период через территорию так называемого Восточного Притяньшанья, простирающегося от Алтая до Тибета, и через Тянь-Шань двигались предки всех тюркских народов, проживающих ныне западнее Тянь-Шаня. Этнический состав населения на Тянь-Шане и в Восточном Притяньшанье стабилизировался более или менее лишь в X—XI вв., в период существования карлукско-уйгурского государства ильханов (караханидов) и «восьмиплеменных огузов», или найман, на Алтайско-Хангайском нагорье. В составе их государственных объединений не было такой группы племен, которая в этническом отношении могла явиться ядром киргизской народности. С. М. Абрамзон, вероятно, именно поэтому считает возможным определять время образования «базы» для формирования собственно киргизских племен лишь X в. Но каким образом после X в. на этой базе стали формироваться киргизские племена — племена другого антропологического типа, с языком иной классификационной группы и с иной культурой? Нельзя согласиться с началом процесса формирования собственно киргизских племен в XI в. Мы не можем также согласиться с мнением С. М. Абрамзона, исключаям участие племен енисейских кыргызов в образовании основного ядра киргизской народности, т. е. в раннем этногенезе кымакско-кыргызских

племен в верховьях р. Оби. Приведенные в настоящей работе новые свидетельства не оставляют сомнений в этом отношении. Ознакомление с ними, их обсуждение позволят более четко представить контуры раннего этногенеза киргизов, и работа, как мы надеемся, окажется полезной для дальнейших исследований в этой области.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Общие свидетельства о происхождении киргизского народа	7
§ 1. Свидетельства антропологии	7
§ 2. Языки народов Южной Сибири и Тянь-Шаня и место киргизского языка среди них	12
§ 3. Родо-племенной состав и место киргизов в семье тюрко-монгольских народов	24
Глава II. Кымакско-киргизские и другие племена Енисейско-Иртышского междуречья до XIII в.	33
§ 1. Племена кыргызы	33
§ 2. Кымакско-киргизские племена верховьев Оби	47
§ 3. Уйгуры и токуз-огузские племена Алтайско-Хангайского нагорья	70
§ 4. Состав населения иртышско-Енисейского междуречья в конце XII в.	89
Глава III. Этнический состав населения Тянь-Шаня до XIII в.	96
§ 1. Тюрко-огузские племенные объединения на Тянь-Шане до VIII в.	96
§ 2. Движение карлукско-уйгурских и близкородственных им племен на Тянь-Шань в VIII—X вв.	101
Глава IV. Движение кымакско-киргизских, кыпчакских и монгольских племен на Тянь-Шань и сложение киргизской народности в XIII—XV вв.	130

Константин Иванович Петров

ОЧЕРК ПРОИСХОЖДЕНИЯ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

*

Редактор издательства *Н. П. Бутенко*
Обложка художника *В. Ф. Роека*
Технический редактор *М. Г. Попова*
Корректор *Л. М. Блюхман*.

*

Подписано в печать 28.VIII 1963 г.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Объем
9,25 п. л., уч. изд. 9,5 л.

Заказ 1841/1

Д—03714

Тираж 500 экз.

Цена 67 коп.

*

г. Фрунзе тип. АН Киргиз. ССР